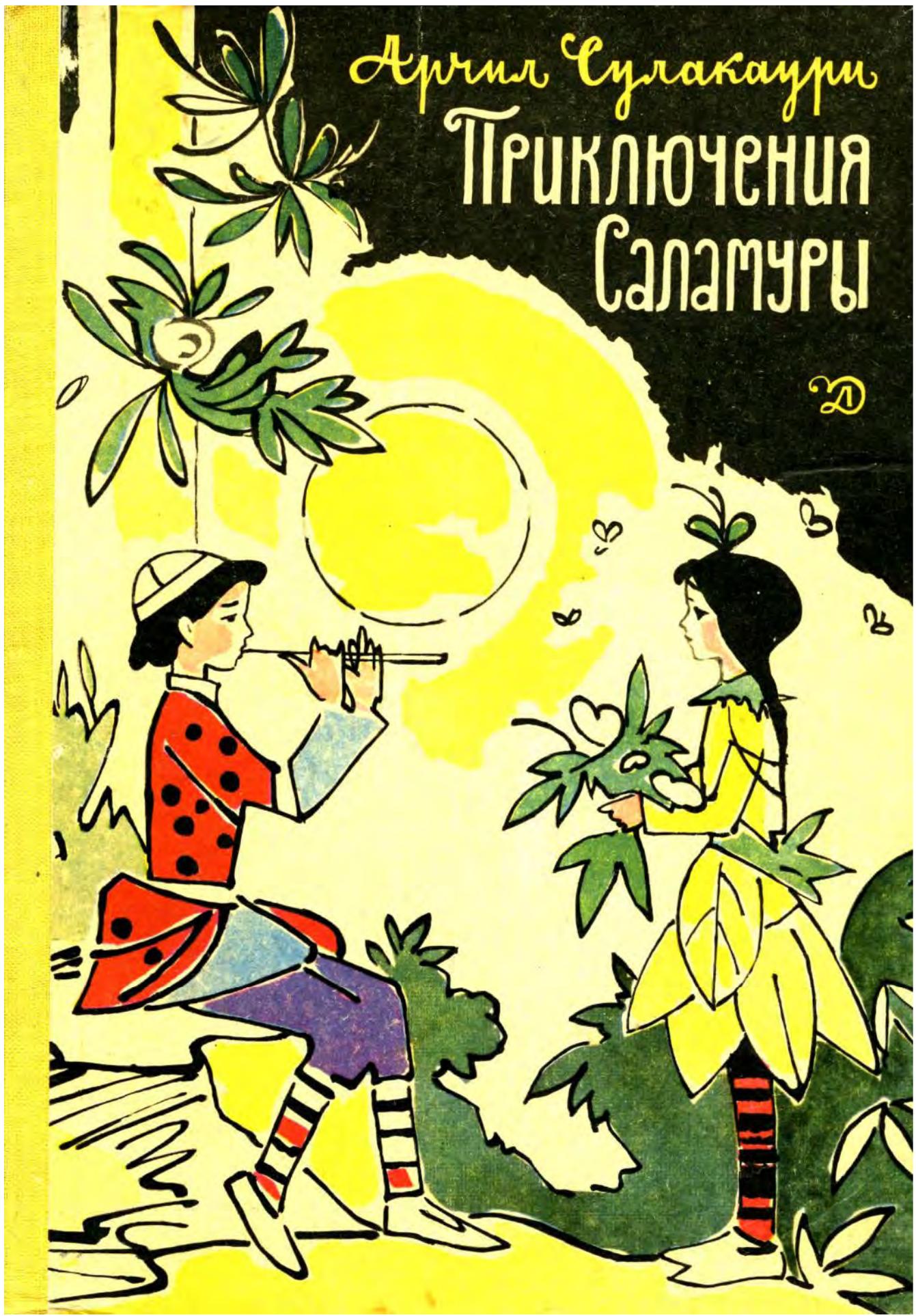

Арчил Сулакаури
Приключения
Саламуры

Э

Приключения Саламуры

Повесть-сказка для младшего возраста

Сулакаури Арчил Самсонович, грузинский писатель

Рисунки В. Алфеевского, перевод с грузинского Б. Гаас

Издательство «Детская литература», Москва, 1969.

Странный сон принца

Однажды наследнику короля могущественного государства Сноготок приснился странный сон...

С этого-то я и решил начать свой рассказ, но затем передумал. В самом деле, хорошо ли начинать так, с бухты-баряхты. Ведь вы ещё и не знаете, что это за страна Сноготок и какие люди её населяют. Расскажу сначала об этом, а потом уже про сон.

Сегодня даже самый знаменитый путешественник удивлённо захлопает глазами, если вы спросите его о государстве самых крохотных людей в мире — Сноготок. А некогда такое государство существовало, я это точно знаю.

В те далёкие времена на всём земном шаре было много чудесных стран. И жили в них герои ваших любимых сказок. Все прекрасные сказки, которые вы слышали или читали, относятся именно к тем временам...

Итак, начнём.

С высокой горы сбегала сломя голову река Пенистая. Она бешено мчалась по лесистым склонам, а спустившись в долину, вдруг становилась кроткой и спокойной.

Два рукава Пенистой обнимали цветущий клочок земли — прекраснейшую страну Сноготок. Она была чудо как хороша, эта благословенная страна. И был у неё король — Ноготок XV. Он очень гордился своим знатным родом. Но ещё больше тем, что являлся не четырнадцатым и не шестнадцатым, а именно пятнадцатым королём государства Сноготок.

Жена короля — Заусеница — в молодости, говорят, слыла красавицей. Но, подарив миру принца, расплнела, стала поперёк себя шире. Первым министром двора был господин Бородавка. Конечно, и ему было чем похвалиться, но из скромности он гордился только длинным носом, украшенным бородавкой.

Когда, бывало, первый министр разок чихнёт, в тридевятом царстве птички падали с деревьев. А уж если всерьёз расчихается, такой подымался грохот, будто война началась.

На всём белом свете ни одна дочь так не походила на своего отца, как Фринта на Бородавку. Отец и дочь были на одно лицо. Первый министр души не чаял в своей Фринте. И каждое утро твердил ей: «Если хочешь стать невиданной красавицей, не показывайся людям».

Только принц Бутуз мог видеть Фринту. бородавка построил дочери роскошный дворец с одним-единственным окном — как раз напротив балкона принца.

Однажды в окне мелькнул нос Фринты. С тех пор Бутуз больше не выходил на балкон.

Но я обещал вам рассказать о чудесном сне принца. Начну с того, что Бутуз сам никогда не видел настоящих снов. Просто добрый сказочник подсаживался к его постели и рассказывал спящему королевичу разные занятные истории. Эти-то сказки принц и принимал за сны.

Мальчику нравились сказки, поэтому он только и делал, что спал. И днём и ночью. Представьте себе, сколько снов он перевидал. Но только тот сон, о котором я хочу рассказать вам, вовсе не был похож на все остальные.

После сытного и вкусного обеда — а покушать Бутуз ох как любил! — принц уснул крепким сном. Был полдень, а снилась ему ночь. Но в этом виноват сказочник. Доброму старику надоело хвалить пышные пироги и сочные шашлыки. Вот он и рассказал принцу о красавице Байе.

Байя была повелительницей светлячков и с вечерней до утренней зари гуляла по лесу. Крохотные светлячки мерцали, как звёздочки, освещая путь. А когда они уставали, устраивались подремать в её волосах, и тогда голова красавицы казалась осыпанной алмазными зёрнами.

Такого сна принц никогда в своей жизни не видел. Он уже не мог забыть Байю, в платье из жёлтых лепестков.

С этого дня принц не ел, не пил, не спал. Бедняжка таял на глазах. Король в гневе прогнал и повара, и сказочника. А Бутуз всё ревел:

— Приведите мне девочку из царства светлячков, я хочу с ней играть...

Придворные мудрецы стали думать и гадать: что это за страна светлячков и где она находится?

Саламура и ленивые божьи коровки

Только Саламура знал о царстве светлячков.

Саламура пас божьих коровок и жил далеко-далеко от государства Сноготок.

Некоторые из вас, наверное, думают: «И для чего надо пасти божьих коровок?»

В те далёкие времена ещё не было на свете бюро погоды, и аленькие букашки приносили большую пользу. Достаточно было пропеть: «Божья коровка, какая завтра будет погода?» — и обученные Саламурой букашки взлетали в небо. Через два-три часа они возвращались с ответом. А знать о погоде очень и очень важно — это помогает крестьянам выращивать хороший урожай.

И путешественники шагу не могли ступить без божьих коровок. С их помощью они решали — продолжать путь или переждать бурю. Поэтому тогдашние путешественники непременно держали при себе коробок с божьими коровками.

Вы и сейчас можете поймать эту букашку, посадить её на ладонь и несколько раз повторить:

Божья коровка,

Улети на небо...

Она тотчас же полетит узнавать о погоде и если не вернётся, то лишь потому, что волны радио и телевидения, которые должны каждый день передавать прогноз погоды, помешают ей.

Итак, Саламура пас божьих коровок.

А назвали мальчуган Саламурой потому, что он появился на свет со свирелью за поясом. Свирель по-грузински называется «саламури».

Едва начинало светать, пастушок уже был на ногах. Он проворно надевал лапотки и умывался росой с лепестков кувшинки. Потом надевал красную в чёрных крапинках рубашку, войлочную

круглую шапочку, брал свою дудку из тростника и играл песню рассвета. Под эту музыку просыпалась природа, листву деревьев знобило от лёгкого ветерка.

Мирно спавшие в траве красные и жёлтые божьи коровки выползали к Саламуре. Пастушок отбирал двух букашек и посылал :красную в Страну ветров, жёлтую в Страну дождей. Иногда с ними летала малютки: опытные родители показывали им дороги в эти страны.

Из-за гор выползал огромный шар. Саламура играл песню восхода солнца и гнал своё стадо на пастбище.

В тот день Саламура, как всегда, послал двух божьих коровок в Страну ветров и в Страну дождей. Наступил полдень. Божьи коровки всё не возвращались. Пастушок заволновался. А тут, как назло, пришли из села крестьяне:

— Саламура, какая завтра будет погода?

Что он мог ответить, ведь букашки ещё не вернулись. Так и ушли крестьяне ни с чем. А Саламура решил пойти на поиски заблудившихся божьих коровок. Шёл он нагорным лугом и играл на свирели. «Если они и вправду заблудились, — думал пастушок, — то услышат мою свирель и прилетят на песню».

Наконец он подошёл к тому месту, где разветвлялась тропинка: одна сворачивала направо, другая — налево. Правая вела в Страну ветров, левая — в Страну дождей.

Стоял Саламура на распутье и думал, куда же ему идти. Пастушок огляделся по сторонам и вдруг заметил своих букашек — обе божьи коровки лежали в тени листьев травы и спали богатырским сном.

— А ну, вставайте, сони вы этикие! — возмутился Саламура.

Букашки испуганно забили крылышками. Они уже собрались лететь в Страну ветров и в Страну дождей, но пастушок строго приказал:

— Сейчас же домой, лежебоки!

Близился вечер. Саламура с ленивыми божьими коровками возвратился домой.

Буря. Встреча на лесной опушке

Утром разыгралась непогода. Ветер пригнал свинцовые тупи. Раскатился гром. Хлынул сильный дождь. В мгновение ока бурные потоки воды изрезали горные склоны. А реки разбухли так, что грозили затопить сёла у подножия горы.

Такого никто не ожидал. Крестьяне ругали на чём свет стоит ленивых божьих коровок. А Саламура, промокший до ниточки, бегал по лужайке, собирал своё стадо.

— Вот что бывает из-за лени, — говорил пастушок, — из-за двух нерадивых страдаем все. А знай мы о приближении бури, не случилось бы такой беды.

Наконец ветер унялся, солнце проклюнуло тучи. Саламура собрал стадо и устроил переключку. Результат оказался плачевным. Пастушок недосчитался тридцати божьих коровок. Среди пропавших были и те две, что спали вчера в траве.

Саламура пошёл искать их. Он перевалил гребень высокой горы и вскоре очутился у леса. Пастушок сел на камень и вдруг почувствовал большую усталость. Он тоскливо смотрел на лес: как найти в этой дремучей чаще крохотных букашек?

Надвигались сумерки. Саламура заиграл на дудке песню вечерней зари. Он так увлёкся, что не заметил, как подкралась ночь. В небе зажглись звёзды. Саламура не мог оторвать от них глаз. До этой ночи он только понаслышке знал о бархатном небе с гроздьями звёзд. Сам же никогда в жизни не видел мигающих так высоко огоньков. Да и когда он мог видеть их, если ложился и вставал вместе с божьими коровками.

На деревья присела луна. Она залила всё окрест матовым светом. Пастушок узнал её и улыбнулся как старой знакомой — ведь луна бывает видна и днём.

Саламура перевёл взгляд на деревья. Вдруг ему показалось, что и лес полон звёзд. Только эти лесные звёзды двигались, то вспыхивая, то угасая, то вспыхивая, то угасая. Потом ему почудилось, что в лесу кто-то поёт. Пастушок прислушался. Песня всё приближалась. Наконец из лесу вышла девочка в жёлтом платье. Вокруг неё роились звёздочки. И лес, и горы, и поля затаив дыхание слушали песню девочки.

Саламура невольно заиграл на свирели. Девочка ещё ближе подошла к пастушку, и звёздочки завели вокруг него весёлый хоровод. В их свете сейчас хорошо был виден мальчик в красной рубашке.

— Кто ты? — спросила его девочка.

— Я Саламура, пастух божьих коровок.

— Но как ты попал сюда, да ещё в такую ночь?

— Ветер угнал моих букашек, вот я и ищу их.

— Но откуда ты знал, что я могу помочь тебе?

— Я случайно здесь. Но если ты и вправду можешь помочь, буду тебе очень благодарен.

— Ладно, помогу.

— Скажи, как тебя звать и кто ты?

— Я пасу светлячков. А зовут меня Байя.

— Байя! Какое хорошее имя. У меня на лужайке растут жёлтые красивые цветочки, они называются байя, то есть лютики. Вот и твоё платье из жёлтых лепестков лютика.

Девочка только улыбнулась.

— Как же мне разыскать пропавших божьих коровок? — спросил Саламура.

— Не волнуйся. Я пошлю за ними светлячков — они непременно найдут. Светлячки очень добрые: они помогают заблудившимся в ночи, освещают им путь.

И она разослала светлячков во все четыре стороны света.

Беседа Саламуры с Байей. Песня ночи

Байя и Саламура сидели на опушке леса. Улетевшие на поиски божьих коровок светлячки ещё не вернулись.

— Как прекрасна ночь! — сказал Саламура. — Я и не знал. Всегда засыпал и просыпался со своими жучками, поэтому никогда не видел ночи.

— А я засыпаю и просыпаюсь одновременно со светлячками, поэтому не знаю, что такое день.

— Ты не видела дня? — удивился Саламура. — И солнца не видела?

— Как же я могла его видеть?

— Разве можно не видеть солнца!

— Днем я сплю, иначе не смогу пасти светлячков. — Байя чуть не плакала, уж очень захотелось ей хоть разок взглянуть на солнце.

— Ты обязательно должна увидеть восход.

— Но как?

— Я завтра попасу за тебя светлячков, а ты будешь спать. Я рано утром разбужу тебя, и мы вместе посмотрим восход солнца.

— Но ты ведь не выспишься? Кто же тогда будет пасти божьих коровок?

— Давай спать по очереди.

— Хорошо, — согласилась Байя.

— Значит, договорились.

— Саламура, сыграй мне на свирели, — попросила девочка.

— Что?

— Что хочешь.

— Сейчас ночь, а я умею играть только песню утренней зари, песню восхода солнца, песню полдня и песню вечера. Песню ночи я не знаю.

— А ты сыграй песню восхода.

— Что ты, Байя, где это слыхано, чтобы ночью играли песню восхода.

— Мне так хочется послушать тебя.

— Хорошо, я сыграю песню ночи.

— Но ты ведь сказал, что не знаешь её.

— Я слышал твою песню, пусть она и будет песней ночи.

Саламура играл на дудке из тростника, а Байя дивилась: как хорошо этот мальчик запомнил мотив её песни. Свирель воспевала сияющую над лесом луну, мерцающие звезды, ночной ветерок...

— Спасибо, — сказала Байя, когда Саламура отложил дудку. — Никогда не забуду этой ночи.
— Спасибо и тебе, — ответил пастушок, — ты научила меня новой песне.

Байя увидела возвращающихся светлячков. Посланцы принесли добрую весть: божьи коровки целы и невредимы, сейчас они спят на развилке дороги дня и дороги ночи. Саламура в благодарность ещё раз сыграл песню Байи. Небо начало литься. Луна скрылась, звёзды сомкнули глаза.

— Уже поздно, — вдруг заторопилась Байя. — Видишь, как угасают светлячки, им пора спать.

— До свидания, Байя!

— До свидания, Саламура!

— Байя, так ты хочешь встретить восход солнца?

— Очень хочу!

— Значит, завтра я приду, и мы будем по очереди пасти светлячков.

— Я буду ждать тебя, Саламура.

— Обязательно приду.

— До свидания, Саламура!

— До свидания, Байя!

Так расстались пастух божьих коровок и повелительница светлячков. Байя увела своих питомцев в глубь леса, а Саламура пошёл за букашками, которые спали на развилке дорог дня и ночи.

Вновь страна Сноготовок. Поражение известного футболиста

Пока Саламура ищет своих божьих коровок, давайте вернёмся в страну Сноготовок и посмотрим, как ведёт себя Бутуз, который видел во сне прекрасную царицу светлячков. Вы ведь помните, он целый день после этого сна не ел, не пил?

Однако на второе утро к принцу всё же вернулся аппетит. Но его мама считала, что голодовка пагубно отразилась на здоровье наследника престола. Заусеница была в большом горе. А ко всему ещё принц не переставал хныкать и требовал немедленно привести к нему девочку из царства светлячков.

Король и его супруга потеряли покой. Не зная, что предпринять, его величество Ноготок XV созвал совет мудрецов. Пока они судили да рядили, Заусеница сама нашла выход. «Надо чем-то развлечь Бутузика», — решила она.

— Может, тебе хочется посмотреть футбол? — спросила мать опечаленного сына.

— Футбол — это замечательная игра! — вставил словечко первый министр.

— А почему бы и не посмотреть футбол, — согласился королевич.

Ноготок XV тут же послал скорохода за известным футболистом Подножкой. В государстве Сноготовок не было своей футбольной команды, и Подножка считался единственным мастером кожаного мяча. В дни большого футбола он выходил на поле и гонял мяч от одних ворот к другим. Болельщики яростно аплодировали. Жители страны Сноготовок — надо отдать им должное — были на редкость строгими и требовательными знатоками этой замечательной игры. Они умели не только подбодрить своего любимца, но и в случае неудачи освистать его. «Подножку на мыло», — гремел стадион, если футболист промахивался. Ну, а как он мог не промахиваться, когда правая нога у Подножки была кривая. После его удара мяч редко попадал в сетку ворот. И всё же население страны Сноготовок гордилось прославленным футболистом.

Во дворце все с нетерпением ждали Подножку. Наконец он явился. Славный футболист установил мяч на одиннадцатиметровую отметку и отступил для разгона. Король Ноготок XV, его супруга, принц Бутуз и первый министр наблюдали за игрой из окон своих покоев.

Виртуоз Подножка с разбегу сделал свой коронный удар. Но, как мы уже говорили, правая нога у него была кривая, — мяч описал дугу и попал в то самое окно, у которого стоял Бородавка. Стёкла со звоном разлетелись во все стороны. Первый министр схватился за нос. Острый осколок впился ему прямо в бородавку.

Врачи немедленно оказали первому министру скорую помощь — выдернули осколок, но тут Бородавка расчихался. Стены и окна дворца дрожали, словно от землетрясения.

— Не хочу смотреть футбол, — заревел принц.

Известного футболиста Подножку за разбитое окно и оскорбление личности первого министра Бородавки бросили в темницу.

— Это не футболист, а разбойник с большой дороги, — сказал первый министр и, почесав указательным пальцем свою бородавку, еще раз громко чихнул.

Как были уничтожены двадцать три стихотворения, написанные за одну ночь

Когда придворный поэт Хиларио Буэра узнал о дивном сне принца, он в ту же ночь написал двадцать три стихотворения, посвящённые прекрасной царице светлячков.

Буэра — вымышленная фамилия поэта. Если вас интересует настоящая его фамилия, могу сообщить. И его прадед, и дед, и отец носили фамилию Цомизелия, что значит тестодел. В самом деле они были знатными пекарями.

Отец Буэры мечтал и сына видеть мастером пекарного дела. Однако мечтам его не суждено было сбыться. Сын предпочёл печь не хлеба, а стихи. Но какой поэт согласится носить фамилию Тестодел?

— У настоящего поэта должна быть вымышленная фамилия — псевдоним, — говорил Хиларио Буэра.

Правда, наш поэт и сам не знал, что это значит — Буэра и почему пишется через «э», однако звучность псевдонима ласкала его слух.

— Что вы скажете, не правда ли здорово — Бу-э-ра? — спрашивал он каждого.

— Удивительно! Великолепно! — соглашались в один голос друзья.

И только один простачок наивно заметил:

— По-моему, это бессмыслица, абракадабра какая-то!

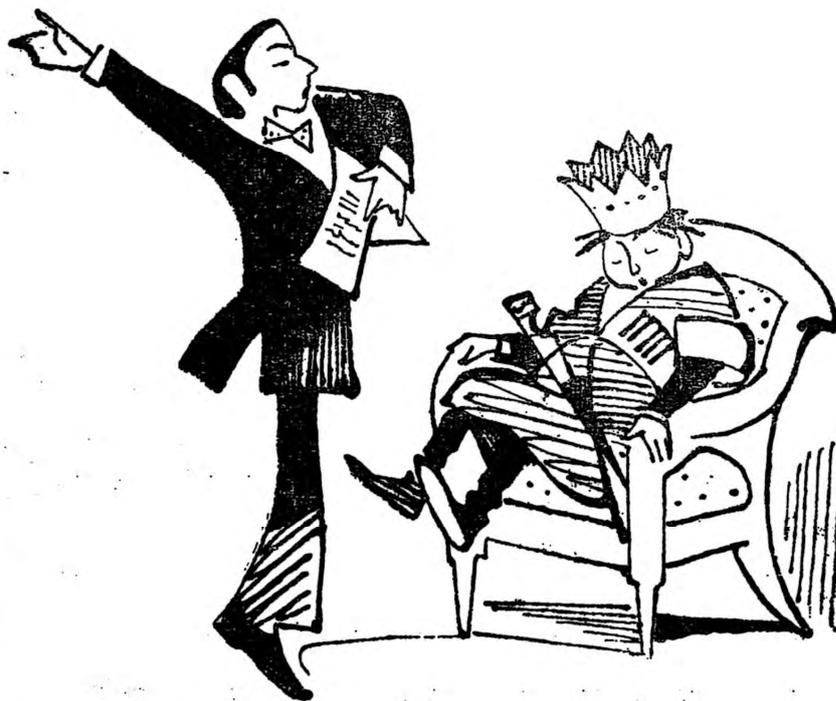
С этого дня поэт перестал здороваться с этим простачком. А в государстве Сноготок считалось большим позором, если с тобой не раскланивается поэт.

Хиларио Буэра был выдающимся талантом. В ту ночь, когда поэт в один присест написал двадцать три стихотворения, на него воистину снизошло вдохновение. Ах, что это была за ночь! Правда, создавая последний, двадцать третий сонет, он стал клевать носом, но скоро проснулся и поставил точку.

Буэра был несказанно доволен плодами бессонной ночи. Он тут же направился в покои принца с кипой свежееиспечённых стихов. Хиларио читал свои сонеты дремлющему королевичу. Лишь на тринадцатом стихотворении Бутуз проснулся, прислушался к голосу поэта, протёр глаза и... захныкал. Хиларио вдохновенно читал стихи, а принц ревел в три ручья. Действительно, только каменное сердце не тронули бы такие строки:

Неужто я не увижу тебя,
Царица возлюбленная моя!

Но, оказывается, поэт слушал не только принц. У первого министра была волшебная миска. Если ему хотелось знать, о чём говорят в соседней комнате, он прикладывал эту миску к стене и отлично всё слышал. Так поступил Бородавка и в то утро. Взял он волшебную миску и приложил ее к стене. Голос Хиларио Буэры доносился так отчетливо, как если бы кто-нибудь из ныне здравствующих поэтов читал свои стихи по радио.

Довольный собой, Буэра поклонился принцу и вышел из спальни. Но тут кто-то сильно сжал его локоть. Буэра испуганно обернулся и расплылся в улыбке.

— О, это вы, господин министр! Доброе утро!

— Что ты читал принцу? — угрожающе сверкнул глазами первый министр.

— Ничего особенного. Стихи ночью написал... о прекрасной повелительнице светлячков.

— О ком?..

— О светля...

— Но разве ты не знаешь, что об этой уродине не только стихи писать — и заикаться нельзя.

— Извините, не знал, простите...

— Подумать только: за одну ночь двадцать четыре стихотворения. Эти поэты просто с ума сошли.

— Двадцать три, — осторожно поправил его Буэра.

— Пусть двадцать три. Разве двадцать три мало?!

Поэт ничего не ответил.

— Где эти стихи? — спросил первый министр.

— При мне они, господин министр, в кармане.

— Сейчас же сожги их, мазилка!

Рядом горел камин. Поэт покорно достал из кармана стихи и швырнул в огонь. Потом тряхнул головой, откинул со лба волосы. Так миновала придворного поэта кара первого министра. А человечество навсегда лишилось двадцати трёх стихотворений, написанных за одну ночь.

Совет в королевском замке. Мудрый Акти-Лу

Король, его величество Ноготок XV, велел созвать совет. Лучшие умы государства собрались в тронном зале. Первым выступил сам государь. Он сообщил вельможам об опасности, которая нависла над страной.

— Принц отказывается от пищи! — со вздохом заключил свою речь Ноготок XV.

Это сообщение повергло всех в отчаяние. Вельможи так ожесточённо закачали головами, словно хотели стряхнуть набежавшие на глаза слезы.

— Принц ничего не ест!

— Боже, что с нами будет!

— А как он любил покушать!

— Да он ел за десятерых! — наперебой голосили вельможи.

— Плачем делу не поможешь! — изрёк король. — Надо искать выход.

Но как найти этот выход? Ведь никто не знал, существует ли на самом деле царство светлячков и кто им управляет.

...В те времена нелегко было решать такие вопросы. Совет вельмож разбился на три лагеря. Первый утверждал:

— Вполне может быть, что такое царство существует. Мы должны найти его.

Эту группу возглавил сам король. Второй лагерь утверждал обратное:

— Не может быть, чтобы где-то существовало царство светлячков. И искать его нечего.

Во главе этой группы оказался первый министр.

Третий лагерь ничего не утверждал, он состоял из воздержавшихся. Поэтому его никто и не возглавил.

Спорили долго, до седьмого пота. Наконец второй министр воскликнул:

— Давайте спросим у мудрого Акти-Лу.

Это предложение было встречено аплодисментами. Каждый из вельмож считал своим долгом подойти ко второму министру и крепко пожать ему руку. Ни для кого не составляло секрета, что второй министр куда умнее первого. Но второй был молод, и рассчитывать на более высокий пост ему пока что не приходилось.

Бородавка, опустив нос до подбородка, стоял в стороне и недовольно ворчал:

— Кажется, я первый министр, так почему же не мне, а второму пришло на ум посоветоваться с Акти-Лу?

— Пригласите мудреца во дворец! — приказал Ноготок XV.

— Осмелюсь доложить, государь, — сказал Бородавка, — Акти-Лу никуда не ходит.

— Как это не ходит? — удивился король.

— Не хочет и не ходит, — повторил первый министр.

— Силой приведём! — рассердился Ноготок XV.

— Какой в этом смысл? — вмешался второй министр. — Если привести его силой, Акти-Лу и слова не вымолвит.

— Так что же делать? — растерялся король.

— Великий государь! Назначьте меня послом к Акти-Лу, — вызвался второй министр. — И пусть сопровождает меня несколько вельмож. Вместе мы лучше запомним слова мудреца.

— Мы все пойдём! — воскликнул Бородавка и, низко поклонившись Ноготку XV, добавил: — Конечно, кроме его величества короля!

Акти-Лу был ума палата. В молодости он от кого-то слышал, что некий древний мудрец провёл всю жизнь в бочке, и тут же решил последовать его примеру. Только в государстве Сноготок не делали бочек. Акти-Лу глубоко задумался. Но вскоре он подобрал на краю дороги раковину улитки, заглянул в неё, понюхал, даже лизнул: мол, какая она на вкус. Понравилась.

Наконец-то он нашёл достойное мудреца жильё. И поселился в раковине, что валялась па обочине дороги. В тот же день он придумал себе новое имя — ведь мудрецу это легче лёгкого. То, что знаменитому поэту Хиларио Буэра далось в поте лица, для мыслителя было раз плюнуть. Он разбил слово «улитка» на слоги и обнаружил, что оно состоит из шести букв. Потом переставил их и получил из слова «улитка» Акти-Лу. Прочитайте «улитка» с конца, и вы убедитесь в находчивости мудрого затворника.

Акти-Лу вовсе не удивился, когда вельможи вызвали его из раковины и окружили плотным кольцом. К нему не в первый раз обращались за советом. Однажды Акти-Лу спросили:

— Мудрейший из мудрых, будет ли в этом году засуха?

Он ответил так:

— Если не будет дождей, ждите засухи.

В том году действительно не шли дожди и случилась засуха. Ещё такой вопрос задали Акти-Лу:

— Мудрейший из мудрых, будет ли в этом году хороший урожай свёклы?

Он ответил так:

— Если будет вообще хороший урожай, то уродится и свёкла.

В тот год действительно выдался богатый урожай и свёклы было хоть отбавляй. Вот каким мудрым был Акти-Лу. Послы государя так обратились к затворнику:

— Достойнейший Акти-Лу, скажи, есть ли на белом свете царство светлячков.

— Ночь! — коротко ответил мыслитель.

— Что?

— Ночь!

— Что? — переспросил Бородавка.

— Ночь! — в третий раз сказал Акти-Лу и залез в свою раковину.

Ну и головоломку задал вельможам мудрец!

Второй министр выручает обескураженных вельмож

Государевы послы грустными возвращались во дворец. У всех на языке было только одно слово — «ночь». Но что это могло значить? Вельможи не сомневались, что Акти-Лу изрёк очередную мудрость, однако разгадать её тайный смысл оказалось им не под силу.

И вдруг у второго министра заблестели глаза.

— Я отгадал! — воскликнул он. — Если мы хотим найти царство светлячков, надо искать его ночью!

Вельможи, как по команде, бросились к дворцу. Каждый из них хотел заслужить похвалу государя. Железные ворота дворца были очень узкие, и, конечно, все сразу не могли протиснуться. Послы застряли в них и, забыв о славном роде и знатности, пинали друг друга, рвали на соперниках одежду. А государственный казначей даже повис, словно серьга, на носу у одного министра.

Ворота заскрипели и рухнули. Вышла такая свалка, будто вельможи играли в кучу малу. Трудно было разобрать, где чья нога или голова. Но самым проворным оказался второй министр. Он на четвереньках выполз из свалки и стрелой полетел к его величеству.

Вы уже знаете, что второй министр был моложе всех. И в этом случае молодость взяла своё.

Коварный замысел Бородавки

В свалке не участвовал только Бородавка. Едва второй министр разгадал тайный смысл мудрого изречения Акти-Лу, в голове у Бородавки зародился коварный план.

Оставив спорящих, он помчался в свой дворец, быстро взбежал по мраморным ступеням и открыл дверь спальни дочери. Фринта причёсывалась. Она увидела в зеркало, как вошёл отец, и бросилась ему на шею.

— Ах, папочка!

— Как тебе спалось, доченька? — спросил Бородавка,

— Хорошо, — ответила Фринта и продолжала делать укладку. — Ты слышал, папа, говорят, в городе объявился врач, который укорачивает носы.

— Чепуха. Нос — наша фамильная гордость, не смей его трогать.

— Чуть-чуть отрежу, тогда стану ещё красивей. Или хотя бы бородавку сниму.

— Я тебе сниму! — разъярился первый министр. — Ты будешь делать то, что я велю.

Он достал из кармана объёмистый кошелек и опрокинул его над столом. Посыпались бриллианты, драгоценные камни. У Фринты зарябило в глазах.

— Прикажи служанке, — сказал отец, — пришить эти камни к твоему платью. А семь бриллиантов прикрепи к волосам.

Бородавка выбрал семь самых крупных бриллиантов чистой воды и отложил их в сторону.

— Ух, как они сверкают, — зажмурилась Фринта.

— Принц желает играть с повелительницей светлячков, с сегодняшнего дня ты и будешь ею.

— Какая прелесть! — захолопала Фринта в ладоши. — Но во что мы будем играть?

— Во что хотите.

— И я стану красавицей из царства светлячков?

— Послушай, Фринта, не глупи. Ночью ты спрячешься в кустах, что под окном принца.

— В кустах? Да ещё ночью? Я боюсь!

— Возьми с собой служанку. Ты будешь в платье с бриллиантами, а она в простом, чёрном, и никто её не увидит. Когда я подам знак, ты выйдешь из кустов, на тебя упадёт свет из покоев принца, бриллианты засверкают, и Бутуз подумает, что ты повелительница светлячков.

— И что?

— Он пожелает играть с тобой.

— Во что?

— Ну, скажем, в жмурки или в салки.

— Не люблю салки.

— Будь умницей, Фринта. Главное, чтобы принц играл с тобой.

Первый министр ещё раз объяснил дочери, как она должна поступать, и вышел.

Принц просыпается. В саду лжекрасавица

Было двенадцать часов ночи, когда Бородавка с двенадцатью верными слугами вошёл в спальню принца. Бутуз спал.

— Принц! — громко позвал его первый министр. — Принц, проснитесь!

Бутуз храпел.

— При-и-нц! — Бородавка осторожно потряхнул его за плечи.

Королевич повернулся на спину и почесал свой круглый, как арбуз, живот. Первый министр ещё сильнее потряхнул его. Но Бутуз и не думал просыпаться. Бородавка переглянулся со слугами и отошёл к окну. Во дворе удивительно блестел один куст. Можно было подумать, что к нему слетелись все светлячки мира. Первый министр вернулся к постели королевича.

— Принц! Принц!

Один из слуг пощекотал королевичу пятки. Тот улыбнулся во сне и, спрятав ногу под одеяло, продолжал спать. Тогда все двенадцать слуг окружили спящего. Кто кричал ему в самое ухо, кто тряс за плечи, кто щекотал пятки. Наконец чаша их терпения переполнилась. Самый маленький и самый толстый слуга впился зубами в мизинец королевича. Бутуз взвизгнул и проснулся.

— Скорее, принц, — торопил его Бородавка, — царица светлячков сама пришла к вам!

— Ой, палец! — кричал принц, сжимая укушенный палец.

— У вас во дворе повелительница светлячков, принц!

— Где? — Бутуз бросился к окну.

— Вон там. — Бородавка распахнул окно и подал сигнал дочке.

Фринта вышла из кустов. Бриллианты на её платье и в волосах блестели, сверкали, переливались.

— Оденьте меня скорее!

Принц и моргнуть не успел, как двенадцать слуг нарядили его. Бутуз сбежал по лестницам во двор и застыл от изумления; навстречу шла сверкающая царица светлячков.

— Как тебя звать? — спросил принц.

— Дочь Бородавки — чуть не выпалила Фринта, но вовремя прикусила язык.

— Хочешь поиграть со мной? — предложил принц.

— Во что? — спросила лжекрасавица.

— В салки, — ответил Бутуз.

— Не люблю салки, — капризно сказала она.

Первый министр, приложив к стене свою волшебную миску, слушал их разговор. Он чуть не лопнул от злости — эта дурёха забыла его наставления.

— Тогда сыграем в жмурки, — предложил принц.

— Давай, — согласилась лжекрасавица.

— Кто первый будет прятаться?

— Только не я.

— Почему?

— Разве не видишь?

— А, светлячки тебе мешают? Знаешь, лучше сыграем в растрёпу.

— Первый раз слышу о такой игре.

— Я тебя научу. Ты побежишь, а я постараюсь догнать тебя. Если поймаю, буду трепать за волосы.

— Но мне будет больно.

— Ничего. Надо терпеть.

Фринта побежала. Бутуз за ней. Наконец подскочил он к девочке, хотел схватить за волосы, но тут увидел её лицо и завопил:

— Нос! Меня обманули! Это Фринта!

И убежал к себе в спальню. Принц хотел наказать первого министра за низкий обман, но тот успел скрыться. Буруз махнул рукой и лёг в постель. А утром, когда проснулся, не мог понять: сон ему такой приснился или на самом деле его обманул Бородавка.

В ту же ночь Ноготок XV тайно совещался со вторым министром. Они решили отправить во все концы света ночных разведчиков — может, гонцы разузнают что-нибудь о царстве светлячков.

Саламура находит божьих коровок. Вновь опушка леса

Саламура нашёл своих божьих коровок на скрещении дорог дня и ночи. Надо было видеть, как обрадовались букашки пастуху: сели ему на руки и плакали от счастья.

— На этот раз не стану вас наказывать, — сказал Саламура двум ленивым божьим коровкам, — вы и так хлебнули горя. Надеюсь, вы поняли, сколько несчастий может произойти из-за лени.

Вдали от своих пастбищ букашкам многое пришлось пережить; дождь и ветер, страх и голод.

— Мы находимся на развилке дорог дня и ночи, — сказал Саламура. — Вы, к сожалению, знаете только дорогу в Страну ветров да в Страну дождей.

Когда уже собрались в путь, выяснилось, что у трёх божьих коровок вывихнуты крылышки. Бедняги не могли летать. Саламура перевязал им раны паутинным шёлком, затем посадил их, букашек-инвалидов, себе на плечи и пошёл. Остальные полетели вслед за пастухом.

Саламура шёл пастушьей тропой и очень скоро достиг родного пастбища. Божьи коровки допоздна лакомились сочным кормом. Потом Саламура сыграл им песню вечерней зари и уложил аленьких букашек спать.

Весь этот день пастушок только и думал что о встрече с Байей. Он с нетерпением ждал заката.

И вот Саламура свободен — божьи коровки спят, он может идти в лес. Как спешит Саламура, как бьётся его сердце! На опушке леса его ждёт Байя!

Какой длинной кажется Саламуре короткая дорога. За горой уже упала ночь, скоро из лесу выйдет Байя, а он словно на одном месте топчется. Саламура хочет бежать, но не может.

Тело ноет, колени подгибаются, глаза слипаются. Ничего, он пересилит усталость, ведь его ждёт Байя. Саламура обещал ей показать восход солнца и непременно сдержит слово.

Но что с ним происходит?.. Саламура опускается на землю, кладёт голову на ладонь: «Немного отдохну и продолжу путь...»

Утомлённый мальчик засыпает крепким сном. Вы, конечно, помните, что Саламура не спал два дня и одну ночь. А с утра он воевал с дождём и ветром, потом искал божьих коровок, потом встретил Байю, на второе утро нашёл букашек, потом пас их до вечера... Что и говорить, Саламура очень устал и уже не смог отогнать сон.

Когда пастушок проснулся, небо начало светлеть. Звёзды стали совсем тусклыми, какими-то вялыми. Саламура понял, что ночь уходит в своё царство, уступая место дню. Он вскочил на ноги и бегом пустился по склону горы. Саламура хотел повидать Байю, чтобы извиниться перед ней за опоздание. Конечно, он уже не сможет показать девочке восход солнца, её, наверное, клонит ко сну. Но пусть Байя не думает, что он, Саламура, лгун и обманщик. Нет, его просто усталость свалила с ног. А вечером он обязательно придёт. Спать они будут по очереди, а утром станут наблюдать восход. Саламура не подведёт Байю. Это ей он обязан тем, что видел ночное небо и россыпи звёзд.

Наконец показалась лесная опушка. Трудно описать радость Саламуры, когда он увидел мерцающих светлячков. Правда, они не горели так ярко, как ночью, но, главное, были там, ждали его. Значит, и Байя не спит. Пастушок побежал ещё быстрее. Светлячки, завидев его, полетели навстречу. Они казались растерянными и грустными. Саламура искал глазами Байю.

— А где Байя? — спросил он наконец у светлячков.

Те опустили головы. Сейчас они казались и вовсе потухшими.

— Где Байя? — повторил Саламура. — Неужели она уже спит?

— Нет! — хором ответили светлячки.

— Так где же она?

— Байю похитили!

— Похитили?

— Да, похитили!

— Кто?!

— Не знаем.

— Куда её увели?

— Не знаем.

— А вы что, не могли полететь за разбойниками и запомнить дорогу?

— Мы не воины, мы мирные жучки. И всё же вступили в бой. Больше половины из нашей дружины пало в неравной схватке. Нас силой загнали в глубину леса, а Байю похитили.

— Несчастливая!

— Несчастливая Байя, — заплакали светлячки.

— А с вами что будет?

— Не знаем, не знаем.

— Бедняжки!

— Нам пора в лес. До свидания, Саламура!

— До свидания, светлячки! Спите спокойно, я найду Байю, хоть на краю света, да найду.

— Если ты решил искать Байю, возьми и нас с собой, — запросили светлячки, — мы поможем тебе.

— Куда мне вас всех девать? Впрочем, нескольких я могу взять.

Светлячки посоветовались и решили: с Саламурой пойдут самые яркие и смыслённые жучки.

Саламура посадил светлячков в коробок и пошёл к дому.

Он рассказал божьим коровкам о злой участи Байи, посадил в тот же коробок, в котором спали светлячки, нескольких самых умных и находчивых своих букашек и стал готовиться к путешествию.

Кто знает, сколько дорог он пройдет и какие приключения ждут его впереди!

Поиски Байи. Канатный городок

Саламура проснулся ранним утром. Он надел новые лапотки, наполнил котомку едой и только тогда разбудил божьих коровок. На летучке — так называется короткое совещание — он назначил дежурных по погоде, старосту и попросил всех не отлучаться надолго.

Божьи коровки обещали пастушку вести себя хорошо. Саламура сыграл песню прощания и покинул своё стадо.

Не могу вам точно сказать, много дорог исходил Саламура или мало. Знаю лишь, что в одно прекрасное утро он увидел вдалеке высокую стену.

«Наверное, за ней город», — подумал пастушок и ускорил шаг.

Подойдя к стене, он внимательно осмотрел её. Ни справа, ни слева не было ворот. Саламура решил поискать вход с другой стороны. Целых два часа он обходил стену.

Как вы думаете, нашёл Саламура ворота? Нет, не нашёл. Да и не мог найти — этот город был без ворот.

— Что за чертовщина! — удивился Саламура. — такая длинная стена, а без входа и выхода. Интересно, как попадают в город люди? И если Байя томится в этом городе, то как она узнает, что я пришёл вызволить её? Сыграю-ка на свирели.

Пастушок заиграл песню полдня.

— Эй, кто ты? — услышал Саламура откуда-то сверху.

Он задрал голову и увидел на стене мальчика.

— Я Саламура, — представился пастушок.

— Какой ещё Саламура?

— Пастух божьих коровок.

— Вот не знал, что у божьих коровок бывают пастухи. А ну, покажись, какой ты есть.

Саламура вскарабкался на камень.

— Чего ты прячешься, выходи! — крикнул сверху мальчик.

— Да я не прячусь, вот я, на камне.

— Ух ты какой маленький! Хотя, конечно, пастух божьих коровок не может быть великаном. Скажи, что привело тебя к нам?

— Решил свет повидать, вот и путешествую, — схитрил Саламура. А сам подумал: «Надо держать ухо востро, нельзя доверяться первому встречному». Я уже добрых три часа ищу в этой стене ворота, где они? — спросил пастушок.

— Можешь искать ещё три дня, всё равно не найдёшь.

— Как это?

— Да так. Если ты не умеешь ходить по канату, не видать тебе нашего города как своих ушей.

— А если умею?

— Тогда смотри. Видишь то дерево? — мальчик показал на чинару в два обхвата. Я накину на него верёвку.

— И что потом?

— А ничего. Пройдёшь по верёвке ко мне.

Правда, Саламура иногда пользовался арканом, но ходить по верёвке ему ещё не приходилось.

— Лучше сбрось мне один конец верёвки, — попросил он.

— Э-э, да ты, наверное, не умеешь ходить по канату?

— Не умею, — сознался пастушок.

— Ну, скажем, я подыму тебя. А как ты думаешь выбраться отсюда?

— Ты научишь меня.

— Ладно. Держи конец! — мальчик бросил Саламуре длинную верёвку.

Пастушок потянул её: не порвётся ли?

— Да не сомневайся, она дюжину таких, как ты, выдержит, — засмеялся наверху мальчик.

Саламура полез, упиравшись ногами в стену, — так было легче.

Наконец он добрался до цели и облегчённо вздохнул. Мальчик протянул ему руку:

— Давай знакомиться. Я почтальон, разношу письма. А зовут меня Бегун. Быстрей меня никто не бегают.

Саламура удивлённо огляделся по сторонам. Этот канатный город не был похож ни на один из тех городов, которые он видел. От одной крыши к другой тянулись канаты, а по ним деловито шагали люди. Сутолока была, как в Тбилиси на проспекте Руставели.

Жители вели счёт этажам сверху. И парадная дверь у них находилась под самой крышей. Наверху были протоварные и продуктовые магазины, рестораны, базар, мастерские.

Для примера возьмём один из пятиэтажных домов. Так вот, пятый этаж находился в самом низу, где обычно помещается первый. Если мы говорим: «Надо подняться на пятый этаж», то жители этого города говорили: «Надо спуститься на пятый этаж».

— Чудной какой-то город, — сказал Саламура.

— Это ваши города чудные, — ответил Бегун. — Мы дышим чистым воздухом, а вы глотаете пыль и месите грязь. У нас не найдёшь ни одного больного. Все здоровы и живут долго.

— Интересно, — сказал пастушок.

— А что у тебя в котомке?— спросил Бегун.

— Припасы. Захватил на дорогу.

— Табаку нет? Ты не куришь?

— Нет.

— И слава богу. Не то тебя ни за что в город не пустят. Могут даже со стены сбросить. А спиртного тоже ничего нет? И вина тоже нет?

— Нету.

— У нас и за спиртные напитки строго наказывают. В городе сухой закон. Если кого поймают с вином, не задумываются — повесят вниз головой.

Саламура показал Бегуну содержимое котомки. Даже коробок с божьими коровками и светлячками не утаил.

— На них у нас не обращают внимания, — сказал почтальон, — можешь держать при себе.

Чья-то сильная рука хватает Саламуру

Бегун оказался добрым и хорошим товарищем. Он пригласил пастушка к себе, чтобы тот отдохнул и выспался, а потом обещал и город показать. Но Саламуру, как вы понимаете, город не очень интересовал, он думал о Байе. Как найти её и освободить из плена?

— Знаешь, Бегун, раз уж я не умею ходить по канату, не лучше ли мне спуститься на землю? — спросил Саламура.

— Ничего из этого не получится, — ответил почтальон.

— Почему?

— Ты ведь не знаешь, где мой дом.

— Да-а... — Саламура почесал затылок. — Давай сделаем так: ты иди по канату, а я снизу буду идти за тобой, куда ты пойдёшь, туда и я.

— Хочешь, я понесу тебя? Мне это нетрудно — ты же лёгкий, как пушинка.

— Нет, уж лучше я пойду по земле.

Почтальон бросил верёвку, и Саламура соскользнул по ней вниз. Он шёл по безлюдной улице, не сводя глаз с Бегуна — как бы не потерять друга в толпе снующих по канатам.

Внимание всех жителей города было приковано к Саламуре. Канатоходцы сразу же догадались, что этот мальчик с пальчик чужестранец, и потому с любопытством разглядывали его сверху.

Пастушок, желая сообщить Байе, что он пришёл выручать её, заиграл на дудке из тростника. И тут случилось необыкновенное: его песня произвела на всех такое впечатление, что сразу распахнулись все окна домов, прекратилось движение по канатам — канатоходцы слушали Саламуру.

Саламура играл, а глазами искал Байю. Но её не было нигде: ни в окнах, ни на улицах. Расстроенный Саламура заткнул свирель за пояс и пошёл дальше.

— Эй, паренёк, сыграй ещё! — попросили его сверху.

И тут Саламура задрал голову. «Ой, а где же Бегун?» Пастушок, забывшись, потерял его из виду. Попробуй, найди почтальона в такой толпе.

«Ничего, — подумал Саламура, — Бегун, наверное, сам следит за мной, ведь на улице, кроме меня, никого нет».

— Кого ты ищешь, малютка? — услышал пастушок ласковый голос.

Он обернулся и увидел в окне лысого пожилого мужчину.

— Бегуна, — сказал Саламура.

— Бегуна? А ты разве не знаешь, что он мой сын?

— Правда? — обрадовался Саламура. — Значит, это его дом? Какой у вас замечательный город!

— Приятно, что тебе понравился наш город! У нас и люди здесь хорошие. Очень хорошие, — сказал лысый и почему-то ухмыльнулся. — Любят музыку... А ты играешь прекрасно... Ну, чего стоишь посреди улицы?

Саламура подошёл к окну шестого этажа. (Вы, надеюсь, не забыли, что в канатном городе счёт этажам вёлся сверху.) Он прислонился к стене и стал ждать Бегуна.

Люди сновали по канатам взад и вперёд, и пастушок разглядывал их ноги.

Вдруг Саламура почувствовал, как чьи-то сильные руки оторвали его от земли. И он, не успев и ахнуть, очутился в объятиях лысого мужчины.

Никто не заметил, как исчез маленький чужестранец.

Але-Гоп — хромой акробат

— Ха-ха-ха, — смеялся лысый, потирая от удовольствия шею. — Не бойся, ягодка, ты попал в надёжные руки. Слышал об Але-Гопа? Ничего, теперь услышишь, никогда не поздно. Але-Гоп — это я. Всеми забытый и покинутый акробат.

Лысый ходил по комнате, припадая на левую ногу.

— Они у меня ещё попрыгают! Забыть Але-Гопа? Дудки! Ха-ха-ха! — Он смеялся всё громче. — Тебя не пугает мой смех, ягодка? Хочешь, перестану? Не бойся, ты скоро увидишь, какой я добрый и ласковый. А они злые. Я тебя, мой мальчик, выдрессирую, как щенка. мы будем ездить по городам и лопатами загребать деньги. Во всех столицах будут развешаны афиши об играющем на свирели чудо-акробате.

Пастушок со страхом наблюдал за Але-Гопом.

— И денег у нас будет хоть отбавляй!

— Не нужны мне деньги, — сказал Саламура. — Отпусти!

— Куда тебя отпустить, ягодка?

— Пойду своей дорогой.

— Но куда ведёт твоя дорога?

— Не знаю. Я ищу Байю.

— А не знаешь, так и нечего идти. Какая тебе ещё Байя нужна? Твоя Байя — деньги. Тебя ждут деньги и слава! Твоё имя будет у всех на устах. Весь мир заговорит о замечательном акробате. И деньги потекут рекой. Только успевай их собирать.

Саламура заплакал. Что будет с несчастной Байей? Неужели он не сможет помочь ей, неужели они не будут вместе наблюдать восход солнца?

— Не плачь, ягодка, не плачь. Я не дам тебя в обиду, — ухмыльнулся хромой акробат.

Дрессировка

Але-Гоп держал Саламуру взаперти, даже к окну не разрешал ему подходить. Словом, не жизнь, а каторга.

Хромой акробат протянул от одной стены к другой верёвку и стал учить пастушка ходить по ней. На первых порах Саламуре было очень трудно. Занимался он неохотно, да и страшно уставал. А ночью так болели мышцы, хоть плачь.

Но вскоре Саламура понял, что только тогда он сможет избавиться от Але-Гопа, когда научится бегать по верёвке.

Через неделю лысый учитель не мог нахвалиться.

— Молодчина, ты уже настоящий канатоходец! — говорил он. — До циркача пока далеко, но вот научимся делать сальто... Ты знаешь, что такое сальто? Это — кувыркание. Ты должен подпрыгнуть, перевернуться в воздухе и опуститься на верёвку.

Але-Гоп упрямо заставлял мальчика делать сальто. По восемь часов в день тренировал хромым акробат своего ученика. Начали с пружинистой тахты. Она хорошо подбрасывала Саламуру, а если он падал, то не было больно.

— Але-гоп! — кричал лысый акробат, и Саламура делал сальто.

С тахты перешли на пол. Учитель провёл линию мелом и сказал:

— Постарайся, мой мальчик, после прыжка становиться на эту линию. Запомни: главное — точность. Начнём. Але-гоп!

Саламура напряг мышцы, подпрыгнул, перевернулся в воздухе и... упал на пол.

— Не получилось, ягодка, но ничего, попробуем ещё раз.

Саламура с трудом поднялся — очень болела спина.

— Сил нет, господин Але-Гоп, — сказал он.

— Выходит, ты отказываешься от ужина?

Пастушку так хотелось есть, что он согласился повторить трюк. На это раз он опустился точно на линию.

— Вот это дело! — улыбнулся Але-Гоп. — Ещё разок, и отдохнем.

А дни ползли медленнее черепахи.

Саламура уже прыгал на верёвке. Прыгал и играл на свирели. Но лысый всё повторял:

— Ещё разок, ягодка, ещё разок. Главное — не ударить лицом в грязь. восемь часов в день, и так уставал, что не в силах был думать о чём-нибудь другом. По утрам он злился на себя — забыл о Байе, предал её, — но начинались занятия, и мальчику было не до чего.

— Теперь мы будем делать двойное сальто, — сказал как-то Але-Гоп.

— Как это двойное? — удивлялся Саламура.

— А очень просто. Надо два раза перевернуться в воздухе.

— Не понимаю, господин Але-Гоп.

— Поймёшь, когда ляжешь спать голодный, — ухмыльнулся хромой акробат. — Слушай внимательно: когда один раз переворачиваешься в воздухе, это называется простое сальто — его у нас делает любой, — а перевернёшься два раза, будет двойное сальто. Это тоже не фокус.

— Но как перевернуться в воздухе два раза?

— Легче лёгкого. Ты скоро убедишься, что и двойное, и тройное сальто делать не сложно. Наша цель — сделать четыре сальто. Такого даже канатный город не видел. Ты будешь первым.

Бегун находит Саламуру

На улицах канатного города появились огромные афиши:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

**ИСТИННОЕ ЧУДО! ИГРАЮЩИЙ НА СВИРЕЛИ АКРОБАТ
ЧЕТВЕРНОЕ САЛЬТО**

*Мы не избалованы чудесами, и если вы желаете увидеть чудо,
можете сделать это всего за 20 копеек! Не забудьте захватить деньги!*

Начало в 7 часов вечера

**МАЛЬЧИКА ТРЕНИРОВАЛ
ИЗВЕСТНЫЙ АКРОБАТ АЛЕ-ГОП**

Афишу составил сам хромой акробат Але-Гоп. Он читал её и перечитывал раз двадцать. Сперва про себя, потом вполголоса, потом громко и уже под конец даже нараспев.

— Симфония, а не афиша, — говорил он Саламуре. — Вышло именно то, что мне хотелось. Эх, возмись я вовремя за ум, из меня бы, может, получился писатель.

Первым афишу прочитал Бегун. Почтальоны ведь ранним утром выходят из дому. А хромой акробат расклеил афиши ещё ночью, чтобы люди ещё до начала работы узнали об аттракционе, тогда они смогут к семи часам освободиться от всех дел и попасть в парк Райских куц на представление.

Почтальон внимательно прочитал афишу и сразу догадался, что играющий на свирели акробат — это Саламура.

— Вот, оказывается, в чьи руки попал мой бедный дружок! — сказал Бегун и раскрыл сумку: «Нет ли письма Але-Гопу? Был бы хороший повод зайти к нему, а там, может, и с Саламурой увижусь».

В сумке, на счастье, оказалось письмо лысому акробату. Бегун от радости даже подпрыгнул и чуть не поплатился за это жизнью. Только благодаря ловкости и сноровке почтальон не грохнулся с каната на землю.

Бегун поправил съехавшую на затылок фуражку, осторожно спустился к дому Але-Гопа и постучался в дверь шестого этажа.

— Кто там? — спросил его чей-то голое.

— Мне господина Але-Гопа.

— Его нет дома.

— А ты кто?

— Я Саламура.

— Здравствуй, дружок! Это я, Бегун! Как поживаешь! Ищу тебя по всему городу, а ты вот где скрываешься.

— Здравствуй, Бегун!

— Отвори дверь, Саламура.

— Не могу. Она заперта на ключ.

— А куда ушёл Але-Гоп?

— Не знаю.

— Придёт скоро?

— И этого не знаю. Умоляю тебя, Бегун, помоги мне.

Почтальон навалился на дверь, но она не поддавалась. Тогда он принялся барабанить ногами.

— Проклятая, — сердился мальчик, — её и силач не откроет... Саламура, а может, ты из окна выпрыгнешь?

— Ставни закрыты наглухо.

«Как же быть?» — задумался Бегун. Потом спросил:

— Это правда, что ты делаешь четыре сальто?

— Правда. Да что толку?

— Если так, то ты, значит, прекрасно ходишь по канату, и мы легко устроим твой побег. Але-Гоп хромой, он не догонит тебя. Не падай духом, Саламура. Вечером я приду на твое представление, увидимся. А сейчас мне надо разнести письма. До свидания, друг.

— До свидания, Бегун.

Почтальон опустил письмо в ящик на двери и бегом поднялся по верёвочной лестнице. На третьем этаже он столкнулся с Але-Гопом. Хромой акробат спускался, напевая что-то себе под нос. Бегун хотел пропустить Але-Гопа, но тот вспомнил, что Саламура знаком с ним, и остановил мальчика.

— Чего ты здесь околачиваешься?

— Письмо вам принёс, господин.

— Где оно?

— Опустил в ящик.

— И что?

— Ничего.

— Ты стучался в дверь?

— Стучался, господин Але-Гоп.

— Кто-нибудь ответил?

— Вас не было, кто же мог ответить.

У Але-Гопа словно камень с души свалился.

— Значит, письмо в ящике... ага... ну, ступай!

Хромой акробат боялся, что люди узнают правду о Саламуре и помогут мальчишке бежать. Поэтому так подробно и придирчиво расспрашивал почтальона. А когда поверил, что Бегун ни о чём не догадывается, снова повеселел.

— Надеюсь, ты вечером придёшь? — остановил он почтальона, уже готового бежать дальше.

— Непременно приду, господин Але-Гоп.

— Не забудь прихватить с собой деньги.

— Если хотите, заранее заплачу.

— Давай! — Але-Гоп протянул руку. Бегун порылся в карманах, наскрёб двадцать копеек и отдал их Але-Гопу.

Письмо старого боксера

Але-Гоп достал из ящика письмо и тут же прочитал его.

«Дорогой друг Але-Гоп!

Получил твоё письмо, оно меня очень обрадовало. В нём так много интересного, что мне сразу же захотелось ответить. Прекрасно понимаю, мой дорогой друг, у тебя было всё: слава, аплодисменты, почести, да и деньгам не знал счёту. И вдруг всё рухнуло: ты хотел сделать четверное сальто, сорвался и сломал себе ногу. А хромой акробат то же, что однорукий боксёр. Не так ли, друг мой?!

Но счастье снова улыбнулось тебе. Ты нашёл мальчугана, который вернёт всеми забытому акробату прежнюю славу. Имя твоё вновь будет красоваться на афишах. Это ли не радость!

И я готов служить тебе, мой старый друг. Кое-что ещё в моих силах, дорогой Але-Гоп! Не подумай, что Бей-Нежалей постарел и уже не сможет тебе пригодиться!

Ты поступил правильно, прислав мне текст афиши. Завтра же раздобуду большие листы бумаги, собственноручно напишу ещё много-много афиш и обклею ими все стены города. А в интересах дела кое-что добавлю и от себя, чтобы афиши стали ещё завлекательней. Уж кто-кто, а я отлично знаю нравы местных жителей.

Неужели и вправду этот мальчуган делает четверное сальто? Невообразимо! Трудно поверить! Хвала тебе, несравненный Але-Гоп!

Словом, приезжай к нам со своим мальчуганом. В остальном положишься на меня.

Целую. Обнимаю по-братски.

Твой вернейший и преданнейший друг Бей-Нежалей.

О жильё не беспокойся — устройтесь у меня».

Але-Гоп сиял от удовольствия. Он ещё раз прочитал письмо друга, аккуратно сложил его и спрятал в карман. Потом открыл дверь.

Саламура уже лежал на тахте — он притворился спящим: ведь Але-Гоп приказал ученику спать до его прихода, Хромой акробат закрыл дверь, а Саламура, будто разбуженный её скрипом, поднял голову.

— Полный порядок, мой мальчик, — сказал ему Але-Гоп, — я был в парке, проверил, хорошо ли натянут канат. Всё прекрасно! Я не нашёл никаких недостатков. — Лысый акробат присел на край тахты и погладил Саламуру по головке. — Как тебе спалось?

— Хорошо, господин.

— В моё отсутствие приходил почтальон. Он принёс письмо. — Але-Гоп внимательно поглядел на Саламуру.

— Правда? А я и не слышал, — схитрил мальчик.

— Значит, говоришь, выспался...

— Ещё бы, спал как убитый.

Але-Гоп окончательно уверился, что Саламура не разговаривал с Бегуном.

Играющий на свирели акробат. Четверное сальто

Парк, названный почему-то Райскими кущами, был расположен на крыше огромного здания. Вокруг его обнесли высокой железной решёткой. Без билета в этот парк даже птица не пролетела бы. У входа стоял сам Але-Гоп. Он проверял, не фальшивые ли билеты, и по одному пропускал желающих увидеть чудо-аттракцион.

А к парку Райских кущ в этот вечер устремился весь город. Каждому хотелось собственными глазами увидеть играющего на свирели акробата, который делает четверное сальто. Жители канатного города знали цену такому сальто!

Сквозь толпу протиснулся Бегун. Он улыбнулся Але-Гопу и хотел пройти, но тот остановил его.

— Твой билет, — сказал ему хромой акробат.

— Я ведь уже заплатил вам, господин Але-Гоп?

— Когда?

— Утром, когда письмо приносил.

— Не помню. Покажи билет.

— Как не помните? Я же дал вам двадцать копеек, — удивился Бегун.

— Билет!

— Вы ничего не сказали тогда о билете.

— Не морочь мне голову. Ох уж эти зайцы! Отойди, ты мешаешь публике!

Бегун перешёл на другую верёвку. Его душили слезы обиды и отчаяния. «Глупец, простофиля, — ругал он себя, — нашёл кому платить заранее».

В кармане у Бегуна больше и гроша не было. И всё же он не терял надежды. «Вот схлынет толпа, — ободрял себя почтальон, — ещё раз напомним Але-Гопу о нашей встрече, он просто забыл, что я отдал ему двадцать копеек».

А люди всё шли и шли. Бегун подходил к каждому и робко спрашивал, нет ли лишнего билетика. Ни у кого не было.

Почтальон не знал, что и предпринять. Ведь в парке его ждут друзья — договорились во что бы то ни стало освободить Саламуру. Даже план побега составили. И всё это могло рухнуть по его, Бегуна, вине.

Почтальон решительно направился к воротам. Но Але-Гоп захлопнул их перед самым его носом.

Потеряв всякую надежду, Бегун шёл вдоль железной решётки. Он знал, что проникнуть в парк ему не удастся — через каждые десять метров стояли полицейские.

«По всему видно, побег Саламуры придётся отложить», — решил почтальон и чуть не заплакал от обиды.

Саламура тем временем подымался па столб, к которому был привязан конец каната.

Але-Гоп метался по арене и всё просил зрителей отойти подальше.

— Уважаемая публика, освободите арену, чем дальше будете стоять, тем лучше вам будет видно.

Саламура прошёлся по канату, достал из-за пояса свирель и заиграл. Он играл грустную песню вечерней зари, и некоторые женщины даже всплакнули.

Пастушок играл на свирели и бегал по канату от одного столба к другому.

— Внимание! — крикнул Але-Гоп.

Воцарилась тишина. Женщины перестали всхлипывать.

— Але... гоп! — скомандовал хромой акробат. Саламура подпрыгнул, перевернулся в воздухе и вновь оказался на канате. Причём даже в воздухе он не переставал играть на свирели.

Раздались возгласы одобрения, аплодисменты. Правда, пока ещё жидкие. Але-Гоп сорвал с головы шапку и с протянутой рукой обошёл передние ряды.

— Такое зрелище стоит дороже двадцати копеек, — уговаривал он публику, — не стесняйтесь, выворачивайте карманы. Откажитесь от порции мороженого, наградите мальчишку.

В шапку хромого упало несколько пятак.

— Внимание! — вновь крикнул Але-Гоп. — Внимание!

Зрители насторожённо ждали нового трюка.

— Але... гоп... гоп!

Саламура дважды перевернулся в воздухе. И на этот раз он не переставал играть на свирели.

Двойное сальто ещё больше понравилось зрителям, и они уже охотнее полезли в карманы. Шапка хромого акробата стала потяжелеей.

Саламура ходил по канату, играл на свирели и в то же время всё смотрел вниз — искал Бегуна. Но как он мог найти своего друга, когда тот остался на улице?

Парк Райских куш гудел. Наверное, Саламура сделал сальто, подумал Бегун, и совсем прилип к решётке. Вдруг он увидел, что полицейских-то и нет — все убежали смотреть, как Саламура делает сальто.

Бегун только об этом и мечтал. Он мигом перелез через решётку и скоро был на крыше — ведь парк-то расположен на крыше дома. Почтальон так бежал к арене, что только пятки у него сверкали.

Горожане не отрывали глаз от натянутого каната, по которому расхаживал, играя на свирели, мальчик с пальчик.

— Внимание! Внимание! Внимание! — услышал Бегун голос Але-Гопа. — Сейчас вы увидите чудо! Четыре сальто! Четыре! Смотрите! Смотрите! Смотрите!

За всю историю канатного города здесь ещё никому не удалось сделать четверное сальто. Даже прославленному акробату Але-Гопа. Исполняя этот номер, Але-Гоп, как известно, сорвался с каната и сломал себе ногу.

И вот совершилось чудо! Саламура выполнил сложный прыжок и при этом тоже играл на свирели!

В шапку Але-Гопа дождём посыпались медяки. Хромой акробат бегал по арене, ловил деньги, совал их за пазуху — шапка уже давно была полна. И в то же время не забывал показывать глазами на Саламуру: мол, награждайте его аплодисментами.

Тухлые яйца. Саламура пытается бежать

Довольные горожане не спеша покидали парк. Саламура слез со столба, и Але-Гоп тут же схватил его за руку.

— Стой здесь, мой славный мальчик, не отходи от меня, иначе мы можем потерять друг друга.

Хромой акробат притянул к себе Саламуру, но в ту же минуту что-то с треском разбилось о его лысину. Але-Гоп даже подпрыгнул. Потом вытер ладонью голову — по всей лысине растеклось тухлое яйцо. Але-Гоп вытирал платком голову и в то же время бросал по сторонам суровые взгляды, выискивал глазами того, кто посмел оскорбить его. Не успел он спрятать платок, как второе яйцо шлёпнулось на лысину.

— Это уже чересчур! — взревел Але-Гоп. — Как можно так издеваться над старым человеком? Я не позволю!.. Фу, как пахнет...

Из кустов градом посыпались яйца. Саламура сразу догадался, что это дело рук Бегуна и надо скорее воспользоваться удобным моментом. Но чем больше яиц падало на голову Але-Гопа, тем сильнее он сжимал руку пастушка.

И вдруг хромой акробат обеими руками схватился за голову — огромное утиное яйцо чуть не свалило его с ног.

— Негодники, уже и утиные яйца бросаете! — крикнул он не своим голосом.

Саламура совсем растерялся. Но тут на помощь к нему, откуда ни возьмись, подбежал почтальон.

— Чего ты ждешь, беги!

И пастушок, уже не мешкая, дал стрекача. Але-Гоп вытер лицо и, увидев бегущего Саламуру, погнался за ним.

— Куда ты, Саламура! — крикнул он что было сил. — Остановись, от меня далеко не уйдёшь!..

Бежать Але-Гопу мешали не только хромая нога, но и туго набитые карманы.

Когда Але-Гоп был только у ворот, Саламура уже мчался по канату. Почтальон и его друзья, которые обрушили на хромого акробата целую корзинку тухлых яиц, праздновали победу. Они раскачивались на канатах и громко смеялись.

Но тут случилось непоправимое. Саламура и сам не мог понять, как это произошло: он вдруг выронил из рук свирель.

— Горе мне! — воскликнул пастушок и проводил взглядом летящую вниз дудку из тростника.

Бегун и его друзья были очень удивлены, когда увидели остановившегося посреди каната Саламуру. Они принялись кричать ему:

— Беги! Але-Гоп сейчас зацапает тебя!

Но пастушок стоял, понунив голову. Але-Гоп воспользовался этим и схватил беглеца за руку. И тут же, при всех, больно надрал ему уши.

— Смотри у меня! — пригрозил он Саламуре кулаком. — Я выбью из тебя всю дурь. Забудь даже думать о побеге...

А про себя хромой акробат решил: «Завтра же надо уходить из города, эти противные мальчишки всё равно не оставят меня в покое».

— Скажи, мой дорогой, — вдруг сменил Але-Гоп гнев на милость, — ты ведь не хотел убежать, это дурни мальчишки уговорили тебя?

Саламура ничего не ответил.

— Ну ладно. Идём домой. Надо отдохнуть. Ты славно поработал. И вообще всё было бы прекрасно, не подговори тебя эти бездельники... Но и ты хорош. Сколько я тебя кормил, поил... Научил делать четверное сальто... Неблагодарный!

Саламура шёл, с трудом передвигая ноги.

— Пошевеливайся, разбойник! — снова обозлился и погрозил кулаком хромой акробат.

— Там моя свирель...

— Где?

— Упала на землю. — Саламура показал рукой на то место, где валялась свирель.

— О-о, свирель нельзя терять, спустимся за ней, — сказал Але-Гоп и увлёк Саламуру вниз.

Боксёрский город. Старый боксёр

Ранним утром Але-Гоп и Саламура тайком покинули канатный город. Они направились к другу хромого акробата, к тому самому, которого звали Бей-Нежалей.

Дорога утомила пастушка. Он не поспевал за Але-Гопом и слёзно просил его немного отдохнуть, — Шире шаг, лентяй, — подгонял Але-Гоп. — Вчера ты отделался лёгким испугом, но сегодня я из тебя сделаю отбивную котлету, если ты вздумаешь сердить своего доброго учителя... Чего придумал! Он, видите ли, хочет отдохнуть.

Саламура был вынужден бежать за хромым Але-Гопом. Так они шли до самого вечера. У несчастного пастушка за целый день маковой росинки во рту не было.

— Пожевать бы что-нибудь, господин Але-Гоп, я голоден, — просил мальчик.

— Потерпи ещё немного, ягодка, скоро мы досыта наедемся у моего благородного друга.

Город, куда пришли Але-Гоп и его ученик и где жил Бей-Нежалей, оказался таким, как и все города на свете. Люди там ходили по земле, а парадные двери домов находились, как обычно, на первом этаже. Одно только поразило Саламуру: на всех площадях шли кулачные бои.

— В этом городе, — объяснил Саламуре старый акробат, — очень любят драться.

Каждый вечер люди собираются на площадях только для того, чтобы расквасить друг другу нос. Хороший боксёр здесь собрал бы кучу денег... Впрочем, я и без бокса наживусь... Однако на что это похоже, почему не расклеены на стенах афиши?! Или я плохо вижу...

— Во всём городе нет ни одной афиши, господин Але-Гоп, — сказал Саламура.

— Тем хуже для этих драчунов, — ухмыльнулся хромым акробат. — Уж я заставлю их раскошелиться, будь спокоен!..

Они подошли к приземистому домику.

— В этом особняке живёт мой гостеприимный друг, — похвалился Але-Гоп и постучал в дверь.

— Кто там? — спросил чей-то сиплый голос.

— Это я, Але-Гоп.

— О мой добрый и честнейший друг Але-Гоп! — Дверь открылась, и Саламура увидел огромную лохматую голову. — О-о великий и бессмертный Але-Гоп, кого я вижу, неужели это ты, дай прижать тебя к сердцу!

Бей-Нежалей так крепко обхватил Але-Гопа, что, казалось, никакая сила не оторвёт лысого акробата от заросшего густой щетиной боксёра. Они целовались, хлопали один другого по спине. Наконец Бей-Нежалей выпустил своего друга из объятий. Но они ещё долго разглядывали друг друга.

— Рассказывай, как ты живёшь, старина? — спросил Бей-Нежалей и хлопнул друга по плечу.

— Теперь ничего, а было худо.

— Но где твой хваленый акробат? Показывай, посмотрим, что за птичка.

— Саламура, подойди ближе. Поздоровайся с господином Бей-Нежалей.

Пастушок встал на ступеньку лестницы и поклонился.

— Какой ты крохотный! — удивился боксёр.

— Мал золотник, да дорог, — улыбнулся хромым акробат. — А это правда, что он делает четверное сальто?

— Делает, да ещё как!

— Интересно. — Бей-Нежалей задумался на минуту, потом сказал: — Что ж вы стоите у порога? Заходите. Наверное, устали, не грех и отдохнуть. Будьте как дома.

Все четыре стены комнаты боксёра были увешаны фотопортретами разных размеров. И с каждого смотрело незнакомое лицо юного Бей-Нежалей. Надо сказать, боксёр в молодости был мастером своего дела. Даже по портретам нетрудно было догадаться об этом — нос у славного Бей-Нежалей так расплющен, словно на нём ковали подковы.

— Мы очень устали, — сказал Але-Гоп, опускаясь на табуретку. — К тому же и голодны как волки.

— Отдыхайте, гости дорогие, отдыхайте, — сказал Бей-Нежалей. — Только вот насчёт еды... Видите ли, я не ждал вас сегодня, поэтому и об ужине не позаботился.

— Да нам немного надо, хотя бы хлеба с сыром.

— Эх, дружище Але-Гоп, если бы ты знал, в какой нужде я живу. Признаться стыдно: в моём доме все мухи и крысы передохли с голоду.

— Я, признаться, подумал, что ты изменился, когда читал твоё письмо. Вижу, ошибся, и ты всё такой же скупердяй.

— Бедный я, а не скупой. Будь у меня деньги, такой пир вам закатил бы...

Старые друзья ещё битый час пререкались и обменивались новостями. Но Саламура из всей их беседы понял одно: как и накануне, он ляжет спать на голодный желудок.

Разрыв. Побеждает старый боксёр

Пастушка разбудила громкая перебранка старых друзей.

— Почему не расклеены по улицам афиши? — кричал боксёру Але-Гоп.

— Не успел. Точнее, не смог достать бумаги. Бесплатно в нашем городе ничего не дают.

— Это же безобразие, — возмущался хромой акробат, — так торопил меня с приездом, а сам даже ужином с дороги не угостил и бумаги не купил, пожалел денег! Да я бы отдал тебе!

— Откуда мне было знать, что ты нехватишь с собой еды!

— По-твоему, я должен был из другого города тащить на себе припасы?

— Не сердись, Але-Гоп, вместо ужина я такое придумал, ахнешь! Идея тоже чего-то стоит, не так ли?

— Старый хрыч! В твоей голове только ветер гуляет, откуда в ней появиться идее.

— Друзья мы с тобой или нет?

— Что это меняет?

— Если друзья, то должны помогать друг другу.

— Я не совсем понимаю тебя, Бей-Нежалей.

— У нашего мальчугана все данные стать замечательным боксёром. Он мал, подвижен, ловок, смыслён. Эта крошка сможет со временем отдубасить любого верзилу. Представляешь, какая будет сенсация!

— Саламура не любит драться, — отрезал Але-Гоп.

— Мне почему-то кажется, что ему и на верёвке прыгать не очень хотелось, но ты же заставил его. А я научу Саламуру драться, и станет крошка первой перчаткой города.

— Ни за какие деньги я не соглашусь на это! — отрезал хромой акробат.

— Деньги будем делить пополам. Мы ведь друзья.

— Ни за что на свете! — Але-Гоп поднялся.

— Как — ни за что на свете? Или ты решил, что мальчуган — твоя собственность?!

— Вот именно — моя собственность. Я его нашёл, воспитал, обучил.

— А сейчас я его воспитаю и обучу. И он станет нашей общей собственностью.

— Нет, нет и нет!

— Но мы ведь друзья?!

— Не дай бог никому иметь таких друзей. Гостей без ужина оставил, а сам всю ночь что-то жевал.

— Значит, отвергаешь, Але-Гоп, моё предложение?

— Мы сейчас же уйдём отсюда.

— Скатертью дорожка. Иди на все четыре стороны. А мальчик останется у меня. Просто руки чешутся обучить его боксу.

— Как это останется у тебя?

— А так... просто! — Бей-Нежалей присел на тахту, сладко потянулся, зевнул. — Не выношу, когда один богатеет, а другой поддыхает с голоду.

— Саламура, вставай, мы уходим! — сказал Але-Гоп. — Побыстрее одевайся. С этим забиякой у нас нет ничего общего.

— Ну зачем же сердиться, дружок? — спокойным голосом сказал Бей-Нежалей. — И вообще советую тебе держать язык за зубами. Что касается мальчика, то оставь его в покое, а сам отправляйся хоть к чёрту на рога.

Але-Гоп, будто ничего не слышал, торопил Саламуру. А Бей-Нежалей ходил по комнате, что-то напевал про себя и при каждом повороте оглядывал с ног до головы старого друга и ехидно улыбался.

Саламура чувствовал, что дело пахнет дракой, и потому у него от испуга дрожали коленки.

Але-Гоп подтолкнул Саламуру к выходу. Но дверь оказалась закрытой на ключ.

— Открой! — приказал он хозяину.

— Последний раз прошу, Але-Гоп, не артачься, этот мальчик прокормит нас обоих. Мы ведь...

— Грабитель, разбойник, гангстер! — прервал его на полуслове хромой акробат. — Немедленно отвори дверь.

— Малютка, а ну отойди-ка в сторону, — сказал Саламуре боксёр. — Я сейчас покажу этому хромому шуту, как оскорблять почтенного человека.

— Ты ещё грозишься, мерзавец?! Я могу одним ударом выпрямить твой горбатый нос — станешь красивым.

Бей-Нежалей не вынес этого нового оскорбления. Он с такой силой ударил Але-Гопа в подбородок, что хромой акробат словно с трамплина взлетел в воздух, перевернулся и шлёпнулся на пол.

— Вот ты наконец и сделал четыре сальто! — засмеялся Бей-Нежалей.

Саламура пугливо жался и смотрел на своего мучителя, который теперь лежал на полу, широко раскинув руки.

Бей-Нежалей склонился над Але-Гопом и со смехом спросил:

— Как чувствуешь себя, дорогой, не жёстко ли тебе?

Он сделал шаг к Саламуре. Но Але-Гоп вдруг вскочил и дал своему старому другу такого пинка, что тот еле устоял на ногах. Бей-Нежалей повернулся лицом к хромому акробату, но лучше бы не поворачивался: на его расплющенный нос опустился тяжёлый кулак. Боксёр упал на колени.

— Ну как? — торжествовал Але-Гоп. — Получил удовольствие? Смотри, какой у тебя нос стал — красавец, да и только. Ха-ха-ха!.. Надеюсь, теперь ты откроешь дверь?!

И хромой акробат на всякий случай вlepил старому другу ещё оплеуху. Но тут произошло необъяснимое: вместо того чтобы окончательно свалить боксёра, оплеуха привела его в чувство. Бей-Нежалей вскочил и молниеносно обрушил на Але-Гопа град ударов. Он работал кулаками так, словно строчил пулемётные очереди. У хромого акробата искры из глаз посыпались. Он цеплялся руками за воздух, несколько раз падал и вставал, натыкался на стены

и опять падал. Наконец Бей-Нежалей открыл дверь и вытолкнул его. А на закуску дал ещё пипка пониже спины. Але-Гоп мячом покатился по тротуару.

Боксёр снова закрыл дверь на ключ.

— Вот тебе и Але-Гоп! — сказал он, довольно потирая руки.

Потом осмотрелся и, не увидев Саламуру, встревожился.

— Саламура, где ты? — позвал его старый боксёр.

Пастушок сидел под стулом, боясь и шелохнуться.

— Я здесь, господин Бей-Нежалей, под стулом.

— Выходи, — обрадовался боксёр, — я дам тебе поесть. Этот скряга, наверное, морил тебя голодом.

Саламура вылез из-под стула.

— Ну как, доволен, что я помял бока твоему мучителю? — спросил Бей-Нежалей.

Саламура ничего не ответил. Он уже понял, что боксёр такой же изверг, как и Але-Гоп.

Бей-Нежалей положил на стол краюху хлеба и кусочек сыра.

— Вода в графине, — сказал он и ласково добавил: — Ешь, не стесняйся.

Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул боксер.

— Это я, Але-Гоп.

— О мой добрый друг, какими судьбами? — с издёвкой спросил Бей-Нежалей.

— Прошу тебя, открой дверь.

— Зачем же открывать, мы и так прекрасно побеседуем. — Дорогой друг, я согласен на твои условия... Пусть будет так: ты сделаешь из Саламуры боксёра, а доходы станем делить пополам.

— Неужели ты согласен, любезный друг?! Я просто не верю своим ушам!

— Честное слово!

— Ну вот что, убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, пока я ещё раз твои рёбра не пересчитал.

— Мы же с тобой, дорогой Бей-Нежалей, старые друзья.

— Сказано тебе, убирайся!

Саламура ел хлеб с сыром и запивал холодной водой. А боксёр и хромой акробат продолжали обмениваться любезностями.

Наконец у боксёра лопнуло терпение. Он повернул ключ и выскочил к Але-Гопу. Саламура не видел и не знает, что произошло на улице. Только хромой акробат больше не появлялся и не стучал в дверь.

Уроки бокса. Первые бои

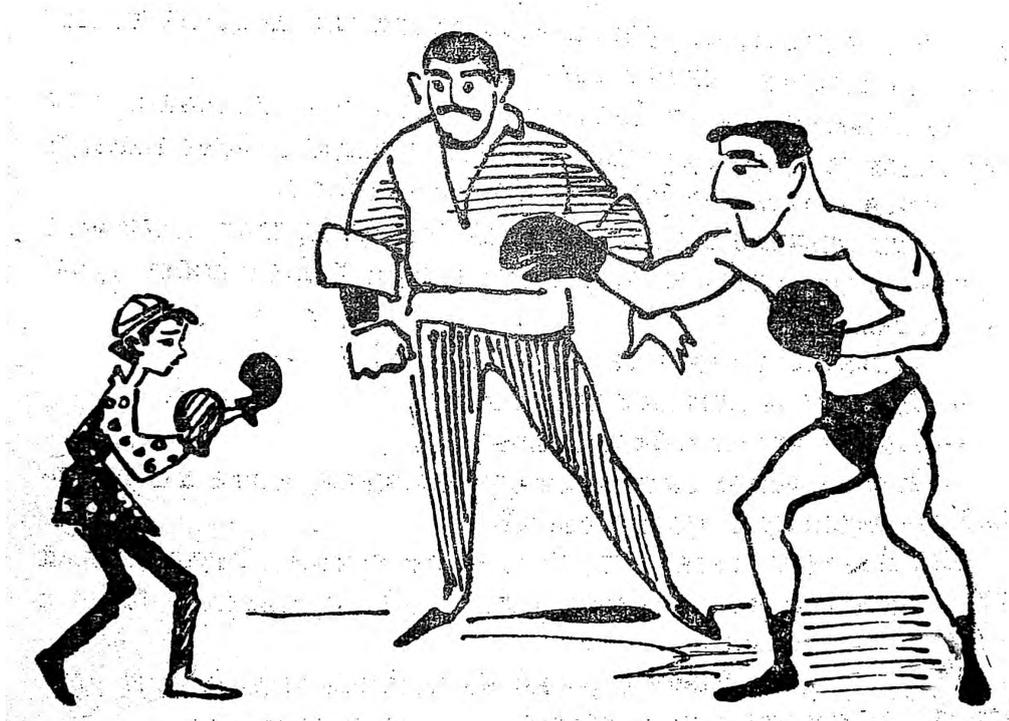
Саламура, как говорится, попал из огня да в полымя. У боксёра ему было не слаще, чем у хромого акробата. Снова изнурительные тренировки, снова жизнь в четырёх стенах. Боксёр тоже не выпускал ученика из комнаты.

Саламура целыми днями только и делал, что размахивал кулаками: колотил подвешенный к потолку мешок с опилками.

Бей-Нежалей обучал Саламуру боксёрским приёмам: как увернуться от кулака противника, как и когда самому нанести удар, как измотать соперника и добиться победы.

В один прекрасный день старый боксёр привёл соседского парня — здоровенного юношу с длинными большущими руками — и сказал:

— Саламура, ты будешь с ним драться!

— Почему? — удивился пастушок.

— Потому что он твой противник.

— Как он может быть моим противником, когда мы в первый раз видим друг друга в глаза?

Бей-Нежалей сказал, что бокс — это самый замечательный вид спорта и вовсе не обязательно, чтобы противники были в самом деле врагами.

— Однако, — добавил он, — вы не должны щадить друг друга. А ты, мой мальчик, постарайся нокаутировать его.

Бей-Нежалей протянул Саламуре специально для него сшитые маленькие кожаные перчатки.

— Начинайте! — скомандовал старый боксёр.

На первой же минуте боя Саламура получил сильный удар в подбородок. Он прислонился спиной к кровати, и ему показалось, что комната закружилась, перевернулась вниз потолком, начала качаться, как лодка на волнах, и рядом, откуда ни возьмись, появилась Байя...

Маленький пастушок потерял сознание. А когда пришёл в себя, почувствовал сильную боль в висках.

Бей-Нежалей, сложив на груди руки, ходил по комнате. Увидев, что Саламура очнулся, он подошёл к тахте и с упрёком сказал:

— Разве я учил тебя подставлять противнику лицо?!

Но Саламура не слушал старого боксёра. Перед его глазами стояли брошенные им на произвол судьбы божьи коровки. Пастушок видел одетые в зелень горы, серебристые ручьи и синее небо. Мыслями он был на опушке леса, где полтора месяца назад его ждала Байя. А вспомнив царицу светлячков, Саламура горько заплакал.

— Не плачь, мой мальчик, — приласкал его Бей-Нежалей. — Первое поражение — залог будущих побед.

Саламура по-прежнему думал о Байе. Неужели он никогда не освободится от этих страшных людей, не встретится с Байей? Бедная девочка, её тоже, наверное, мучают и терзают разные алегопы. И всё только ради денег!

— Может, тебе хочется оставить бокс и вернуться к прыжкам на канате? — спросил Саламуру Бей-Нежалей. — Да, но тогда ведь никто не поверит, что старый боксёр вырастил акробата. К тому же Але-Гоп может подать в суд и забрать тебя, плакали тогда мои денежки. Будешь боксёром, и только! С завтрашнего дня продолжим тренировки.

Через две недели Бей-Нежалей вновь привёл того же соседского парня. На этот раз он показался Саламуре просто великаном.

— Господин Бей-Нежалей, не могу я боксировать с таким слабаком, — заявил парень, — мне ничего не стоит одним пальцем его повалить.

— А ты не хвастайся. Ещё посмотрим, кто кого одолеет, — сказал старый боксёр и поставил соперников лицом к лицу. — Начали!

Соседский парень нацелил правый кулак прямо в переносицу Саламуре. Но пастушок сделал обманное движение, и перчатка противника мелькнула у самого его носа.

Тогда великан попытался нанести удар левой рукой. Саламура и на этот раз увернулся.

— Ух ты! — воскликнул соседский парень и в то же самое мгновение получил удар в скулу.

— Давай бей его, Саламура, — подбадривал старый боксёр.

Противники ожесточённо дрались. И преимущество было явно на стороне Саламуры. Он превосходил спарринг-партнёра и в быстроте, и в ловкости. Ученик старого боксёра легко уклонялся от ударов и часто сам переходил в наступление.

Соседский парень заметно устал. Тогда Саламура повёл решающую атаку. Вскоре здоровяк с длинными руками лежал на полу.

— Хватит, нокаут, — ликовал Бей-Нежалей. — О большем я и не мечтал.

Старый боксёр обрызгал соседского парня холодной водой, затем растёр ему уши.

— Следующий раз не будешь хвастать, — сказал он, ставя парня на ноги. — Иди, иди домой, мой хороший.

Соседский парень, пошатываясь, вышел на улицу. Бей-Нежалей был в отличном настроении. Он хвалил Саламуру, сулил ему замечательное будущее. Пастушок хорошо знал, чего ждёт от него Бей-Нежалей. Старый боксёр надеялся с помощью маленького Саламуры загрэбать большие деньги.

И всё же Саламура был рад победе над здоровяком. Она, эта победа, вселяла в него веру в свои силы. К Саламуре вернулась надежда избавиться от господина Бей-Нежалей.

«В конце концов, не вечно же будет длиться это заточение? — убеждал себя Саламура. — До каких пор эти злые люди будут использовать меня в своих грязных делах?!».

Бей-Нежалей потрепал ученика по щеке.

— На сегодня хватит, — сказал он ласково, — отдохни. Завтра о тебе заговорит весь город!

Побег

В тот вечер Бей-Нежалей вернулся домой пьяным в стельку. Он целую вечность возился с ключом — не мог нащупать замочную скважину. Потом ещё долго ходил по комнате, натываясь на стулья и на тахту. Саламуре показалось, что старый боксёр не мог найти свою кровать.

— Саламура, Саламура! — звал Бей-Нежалей своего ученика. — Ты спишь или притворяешься?.. Помнишь, как я отдубасил твоего Але-Гопа?

И наконец что-то с шумом упало. Саламура понял — это старый боксёр наткнулся на стул. Потом ещё что-то с грохотом повалилось — на сей раз упал сам Бей-Нежалей.

— Эх, постарел я, Саламура, очень постарел. Видишь, как развезло меня от стаканчика вина, — жаловался старый боксёр. — В молодости я пил бочками... В молодости вино мне было нипочём. — Бей-Нежалей стал заговариваться. — В молодости я был крепким... И в боксе не знал равного себе... Все валялись в моих ногах... А теперь вот вино меня свалило... свали... сва... хр... хрр...

Старый боксёр захрапел. Пастушок осторожно слез с тахты. Так же осторожно подошёл он к лежащему на полу старому боксёру, прислушался и... вдруг увидел оставшуюся открытой дверь. Пьяный Бей-Нежалей забыл закрыть её на ключ.

Саламура не поверил своим глазам. «Может, мне это только кажется», — подумал он.

И ещё раз посмотрел на дверь. Он увидел боксёрский город и усеянное звёздами небо. Звёздное небо напомнило ему о Байе. Однако времени для воспоминаний у него не было. Саламура быстренько оделся и юркнул в темноту. Некоторое время он бежал по тихому переулку, потом вышел на главную улицу.

Саламура и сам не знал, куда бежит, — просто следовал за дорогой. И вдруг остановился, словно перед ним разверзлась пропасть.

Что же произошло? Почему стоял Саламура на улице? Оказывается, он забыл под подушкой коробок с жучками. Как берёт Саламура верных друзей, как скрывал их сначала от Але-Гопа, потом от старого боксёра! А сейчас? Сейчас его божьи коровки и Байины светлячки остались под подушкой. Что же делать Саламуре: вернуться или бросить друзей в беде?

Вернуться!

А что, если Бей-Нежалей уже проспался? Тогда всё пропало! И Саламура долго не сможет вырваться из когтей старого боксёра. Но если он уйдёт, что будет с несчастными букашками?! Нет, Саламура даже думать об этом не хочет. Он вернётся, он должен вернуться.

Обратная дорога показалась Саламуре намного длиннее. Он шёл, шёл, а дом старого боксёра всё не был виден. «Может, я заблудился? — подумал Саламура. — Но нет, улицы освещены, да и из окон домов льётся свет. Я не мог заблудиться».

Наконец он свернул в переулок, где стоял дом господина Бей-Нежалей.

Пастушок замер — ноги отказывались идти. Дверь была открыта! Саламура подбежал к дому и заглянул в комнату. Старый боксёр уже не лежал на полу. У Саламуры сердце в пятки ушло. «Так и есть, — решил пастушок, — он проснулся и поджидает меня за дверью. Вот сейчас схватит за ухо и влепит оплеуху... Эх, была не была, войду», — решил Саламура и перешагнул через порог.

В комнате никого не было. Пастушок бросился к своей постели, достал из-под подушки коробок и спрятал его за пазуху.

— Надо скорее бежать, — сказал он вслух и испугался своего голоса.

Потом подошёл к двери, оглянулся по сторонам и снова исчез в ночи. На этот раз Саламура не пошёл главной улицей.

«Бей-Нежалей, проснувшись, понял, что случилось, и, наверное, ищет меня, — думал пастушок. — Конечно, ему в голову не пришло сначала, что я решусь бежать по освещённой улице, поэтому он определённо метался по всем переулкам, а не найдя меня, как раз сейчас и выйдет на главную улицу. Так что на этот раз мне надо держаться переулков».

Вскоре Саламура оказался за городом.

Идя по переулкам, пастушок плохо ли, хорошо ли, но все же угадывал дорогу. А здесь, за городом, кромешная тьма, хоть глаз выколи. Саламура выпустил из коробка светлячков.

— Освещайте дорогу. Вот так! Теперь пошли.

— Куда? Куда? — зашумели светлячки.

— Куда? Я и сам этого не знаю. Первым делом, надо уйти отсюда подальше. А затем мы должны найти Байю.

У светлячков от сидения в коробке затекли крылышки. Бедняжки уже не светили так ярко, как в памятный вечер на опушке леса. Однако и тот тусклый свет, который они излучали, был достаточным для Саламуры.

Саламура в Стране поэтов

Долго ли, коротко ли шёл Саламура, на пути его возник чудо-город. Такого райского уголка пастушок в жизни не видел. И сейчас, невольно сравнив его с парком Райских куц на крыше дома канатоходцев, усмехнулся: если уж называть что-то раем, то только этот красивый город.

Саламура так настрадался у Але-Гопа и господина Бей-Нежалей; что решил и на пушечный выстрел не подходить ни к одному городу. Да, но и дальше идти полями и лесами, хорониться от людей? А Байя? Вдруг она здесь?

Она непременно в этом прекрасном городе. Где же ей быть ещё?! Если Саламура сглотит и пройдёт мимо, то не видать ему Байи, не освободить её из плена.

Город утопал в зелени. Улицы были окаймлены газонами со множеством благоухающих цветов. Пальмы обмахивались веерообразными листьями, навевая на город прохладу.

На кустах белых, красных, чёрных роз сидели соловьи и пели о бессмертии красоты. Почти на каждом шагу были удобные скамейки или открытые беседки. Площади были украшены фонтанами.

Саламура направился к одному из них. В центре бассейна, на искусственной скале стоял высеченный из мрамора мальчуган с крылышками за спиной. В руках он держал лук и стрелы. Тетива была туго натянута, и Саламуре показалось, что озорной мальчуган целится прямо в него. Пастушок спрятался за дерево — чего доброго, вырвется у шалуна стрела и поразит его. Саламура ещё не знал, что мальчик мраморный и не может стрелять.

Вокруг бассейна сидели, на равном друг от друга расстоянии, бронзовые лягушки с широко раскрытыми ртами. А из горлышек у них били тоненькие струйки воды.

Саламура прошёл немного и оказался у второго фонтана. Здесь было всё наоборот. В центре бассейна, опять же на искусственной скамейке сидела огромная лягушка с выпученными глазами, а вокруг неё толпились мраморные мальчики. Они целились в бронзовую лягушку, но вместо стрел в лягушку летели струйки воды. Саламура подумал, что ей куда приятнее под обстрелом воды, чем мальчику с того фонтана.

Солнце уже поднялось, а на улицах ещё ни живой души. Саламура шёл, разглядывая притаившиеся под раскидистыми деревьями особняки. Вокруг было тихо: муравей пройдёт — услышишь. Лишь изредка доносилось щёлканье соловья.

Вдруг Саламура уловил какой-то шёпот. Он посмотрел в сторону, откуда слышался шёпот, и увидел мужчину. Пастушок подошёл ближе к голубой беседке. Мужчина удобно сидел в кресле, положив ноги на стол и устремив взгляд в пространство. Он вдохновенно шептал что-то, теребя ухо, за которым был карандаш. В ногах у него, на столе, лежала общая тетрадь.

Заметив Саламуру, этот чудак с карандашом за ухом изобразил на лице удивлений и радость. Он торопливо опустил ноги и приветствовал гостя:

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Добрый день! — ответил Саламура.

— Как давно вы приехали?

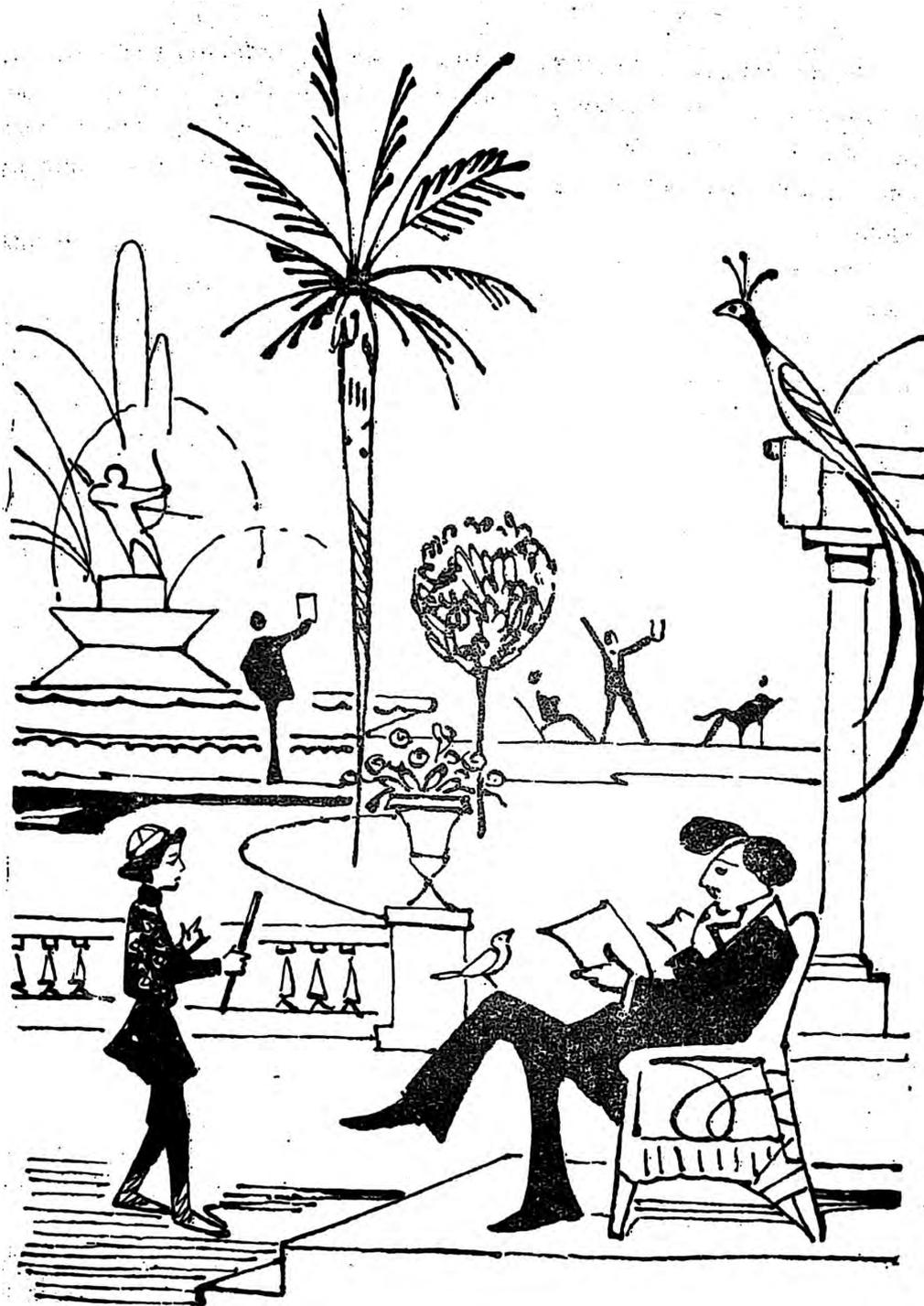
— Только что. Я не приехал, а пришёл пешком. И первым встретил вас.

— Очень приятно! Очень... очень приятно! Иначе и быть не могло, первым встретиться вам должен был именно я.

«Он принимает меня за кого-то другого, — подумал Саламура, — говорит, как со старым знакомым».

— Как вам понравился наш город?

— Я не успел ещё хорошо осмотреть его, видел только немного...

— Что именно? — нетерпеливо прервал гостя новый знакомый.

Саламура показал рукой в сторону площади с фонтаном.

— Вам просто не повезло. Это древняя окраина нашего города, там живут только престарелые поэты. Вы непременно должны увидеть новые районы.

— Почему здесь так поздно просыпаются? — спросил вдруг Саламура.

— Для вас, конечно, не новость, что мы, поэты, работаем по ночам. А днём отсыпаемся.

«За кого же он меня принимает? Откуда я должен знать, в какое время суток работают поэты?» — удивлённо подумал Саламура, но промолчал.

— Разрешите представиться: я поэт Агамемнон Лобан, — склонил голову чуть набок новый знакомый Саламуры. — Я всё ещё хожу в молодых поэтах, хотя уже начал терять зубы. Причём не молочные, — изящно сострил Лобан.

— Ага-мем-нон Ло-бан, — по слогам повторил Саламура.

— Вот именно. Вы, конечно, слышали обо мне. У меня за границей вышло книг намного больше, чем у кого-нибудь другого.

На улицу понемногу стали выходить мужчины с опухшими то ли от сна, то ли от бессонницы лицами. Неторопливо прохаживаясь вокруг голубой беседки, они с любопытством разглядывали Саламуру.

— Не позавтракать ли нам? — предложил Агамемнон, беря Саламуру под руку. — Милости прошу ко мне.

Наш пастушок был так голоден, что не заставил упрашивать себя. Лобан гордо прошествовал мимо поэтов всех поколений, с достоинством отвечая на поклоны.

— А вот и моя обитель, — сказал Агамемнон, когда они, миновав пальмовую аллею, очутились у одноэтажного особняка. — Я живу как раз на границе старого и нового районов.

Толки

На площадях, у фонтанов, в беседках собирались группами поэты всех возрастов. Разговоры велись только о заморском госте. Жители города поэтов были людьми добрыми. Поэтому приезд любого гостя становился для них истинным праздником. Ну, а если приезжий оказывался поэтом, то их ликование не было границ.

— Кто этот юноша и из какой он страны? — терялись в догадках люди.

— Мне кажется, это Хиларио Буэра, — сказал поэт среднего поколения.

— Прославленный поэт страны Сноготок? — не поверил своим ушам старый поэт.

— А кем он ещё может быть? Такие крохотульки живут только в стране Сноготок, — отвечал молодой.

И город мигом облетел слух о приезде знаменитого поэта.

— Нашу страну посетил сам Хиларио Буэра, — спешили сообщить друг другу радостную весть поэты.

Многие из них и раньше слышали о Хиларио Буэра, но стихов его никто не читал. Поэты всех поколений сошлись на том, что надо оказать именитому гостю достойный приём.

— Конечно же, первым долгом мы покажем ему наш город, — сказал один.

— Без сомнений, — поддакнул другой.

— Может, сначала угостить его завтраком? — робко вставил третий.

— Непременно, — согласился четвёртый. — В такую рань ему я перекусить-то было негде. Но вдруг все спохватились:

— А куда он пропал, наш Хиларио Буэра?

— Не сомневаюсь, — сказал умудрённый опытом старый поэт, — Хиларио сидит у Агамемнона.

— Ох, этот Лобан! Стоит появиться в городе чужестранцу, как он сразу же оказывается у Агамемнона.

— Всех иностранцев перехватывает у нас. А мы что, лыком шиты, не можем принять гостя?!

— Гость от бога. Гость принадлежит всем. Поэтому все мы должны принимать его.

— Твоими устами глаголет истина, — заключил самый молодой поэт, который пока что успел напечатать всего только одно стихотворение, да и то в стенгазете.

Словом, горожане были полны Хиларио Буэрой. Но мы-то с вами знаем: в Страну поэтов приехал вовсе не Хиларио Буэра. Прославленный стихотворец по-прежнему находился у себя на родине и всё казнил себя за то, что сжёг двадцать три стихотворения, написанные за одну ночь.

Впрочем, давайте наберёмся терпения и не будем забегать вперёд. Нас ждут ещё тысячи неожиданностей.

Беседа на веранде

Саламура за Агамемнон Лобан мирно беседовали на веранде, которая смотрела на новый район города поэтов. Этот район совершенно не был похож на старый. В старом районе всё: фонтаны, здания, беседки, деревья и даже цветы на газонах — имело овальную форму. Дома же являли собой типичные образцы архитектурных излишеств. В новых кварталах вы не увидели бы такого обилия цветов, а дома тут, казалось, состояли из одних углов.

— И скульпторы порадовали нас своим мастерством, — сказал Агамемнон Лобан. — Посмотрите на ту статую, что правее серого дома, она называется «Мечта поэта».

Саламура никак не мог понять, почему эта белая бесформенная глыба названа «Мечтой поэта».

— Надеюсь, вы надолго приехали к нам.

— Я не приехал, просто шёл мимо и решил заглянуть в ваш город.

— Куда вы, если не секрет, держите путь?

— И сам толком не знаю. Я ищу пропавшего друга.

— Ага, понятно... Мне известно, какое вы перенесли горе.

Саламура удивился:

«Откуда он может знать о моём горе?»

— Я как поэт сочувствую вам. Шутка ли, сжечь двадцать семь стихотворений. Да это варварство, как только у них рука поднялась па такое.

— Двадцать семь стихотворений? — удивился Саламура.

— Извините, я точно не помню, может, меньше?

— Не понимаю, о чём вы говорите?

— То есть как, уважаемый Хиларио Буэра?!

Оказывается, и Агамемнон Лобан принял нашего пастушка за известного поэта Буэру.

— Я не Хиларио Буэра, я Саламура.

Агамемнон лукаво улыбнулся.

— Не надо, дорогой, я вас узнал с первого взгляда. Разве не вашему перу принадлежат двадцать три сонета о повелительнице светлячков?

— Повелительница светлячков?!

— Да, да, та самая девочка в платье из лепестков лютика.

— Байя! Где она? — побледнел Саламура.

— Как, вы не знаете, уважаемый Хиларио Буэра, что повелительница светлячков уже в стране Сноготовок, у принца?

— Какой ещё Хиларио Буэра, говорю вам, я Саламура, пастух божьих коровок! Вы лучше объясните мне, что это за страна Сноготовок и как её найти.

— Так вы не поэт?

— Ох, какой вы непонятливый! Говорю же вам, никакой я не поэт!

— Значит, я ошибся?

— Не терзайте меня, скажите, где находится Сноготовок.

— Видите ли, я слышал, что Сноготовок — это страна карликов, а где её искать, я сам не знаю.

Вечер одного стихотворения

Саламура выбежал на улицу. Собравшиеся на площади поэты были страшно удивлены: Агамемнон отпустил именитого гостя! Они уже привыкли видеть входящих к Лобану иностранцев, но чтобы кто-нибудь так быстро выходил из его дома, да ещё и трезвым, — такого не бывало.

— Друзья, знаменитый Хиларио Буэра чем-то встревожен. Нам выпало счастье обласкать его!
— воскликнул поэт Парфенон. — Так устроим ему достойную встречу.

Соберёмся в клубе. Первым выступлю я. Затем со словом приветствия обратится к гостю Чичерон. Школьницы поднесут уважаемому поэту цветы. Устроим вечер родного стихотворения. И себя покажем, и гостя слушаем. Слова Парфенона пришлись всем по душе.

— За дело, товарищи, — заключил старый поэт.

Собравшиеся разбились на две инициативные группы. Первая помчалась в клуб, чтобы приготовить зал, а вторая направилась к Саламура, который стоял посреди улицы, не зная, куда ему податься.

— Господин Хиларио Буэра, — обратился к пастушку самый старый поэт. — Местные служители муз приглашают вас в клуб. Пожалуйста с нами.

— Я... я... — Саламура хотел сказать, что никакой он не Буэра, но поэты тесно обступили его и увлекли в клуб. По дороге мнимого Буэру забросали вопросами:

— Как вам понравился наш город?

— Есть ли в мире страна красивее нашей?

— Кого вы считаете величайшим поэтом современности?

— Кого из наших поэтов вы читали?

— Ваше мнение о стихах Агамемнона Лобана?

«И чего они пристали ко мне, — думал Саламура, — присосались, как пиявки. Лучше бы сказали, где находится страна Сноготовок, и я помчался бы к Байе».

Клуб был переполнен поэтами. На сцене за длинным столом сидело несколько человек. Когда Саламура вошёл в зал, все, словно по команде, вскочили на ноги и устроили овацию. Кто-то выкрикнул:

— Да здравствует славный Хиларио Буэра!

— Да здравствует! — подхватил весь зал.

Парфенон поднял руку — мол, успокойтесь, и посмотрел на Саламура, которого уже усадили в высокое, украшенное цветами кресло.

— Господа! — обратился к присутствующим Парфенон. — Нашу страну посетил великий поэт Хиларио Буэра.

Саламура опять попытался возразить: дескать, он не Хиларио и пришёл в этот город в поисках Байи, он даже привстал от волнения. Поэты приняли этот порыв Саламуры за выражение признательности, и с новой силой грянула овация.

— Садитесь, не беспокойтесь, — расплываясь в улыбке, сказал Парфенон. И сразу же приступил к торжественной части.

В своей краткой, но содержательной речи он охарактеризовал Хиларио Буэру как выдающегося гражданина и поэта. Парфенон не преминул добавить, что, к сожалению, он раньше не был знаком ни с Хиларио, ни с его стихами, но, к счастью, ему ещё предстоит это удовольствие. Присутствующие многозначительно переглянулись.

Затем слово взял Чичерон. Молодой критик начал издалека. Он подробно рассказывал о героической и многовековой истории страны, которая сегодня принимает великого поэта.

Саламура ёрзал в кресле. Чичерон увлечённо продолжал... Наконец он замолк, но с трибуны почему-то не сошёл. Забыл, что ли?

Двери зала широко распахнулись, и к Саламуре подбежали наряженные в белые платья девочки. Они засыпали гостя цветами с ног до головы. Стены зала дрожали от рукоплесканий. Саламура терял последнюю надежду. Сколько трудов ему стоило убежать от старого боксёра, и всё напрасно. Боксёр Бей-Нежалей хоть был один, а этих поэтов тьма-тьмущая. Неужели ему суждено задохнуться в аромате цветов?

Поэты уже приготовились читать свои стихи, но тут в зал ворвался какой-то юноша.

— Господа, господа! — во все горло кричал он, пробираясь к сцене.

— Чего орёшь, мальчишка! — цыкнул на него Парфенон.

— Приехал Хиларио Буэра!

— Глупец, Хиларио Буэра уже тут. Ты, наверное, не разглядел его за цветами.

— Нет, это не Буэра. Настоящий Буэра там. — Юноша показал рукой на улицу.

— А он кто же? — Парфенон удивлённо посмотрел на Саламуру.

— Не знаю.

Парфенон подошёл к груде цветов и крикнул в неё, будто в колодец:

— Эй, ты кто?

Цветы зашевелились и жалобно всхлипнули:

— Я... Саламура, пастух божьих коровок.

— Чего же ты морочил нам голову?! — рассердился Парфенон. — А где настоящий Буэра? — обратился он теперь к юноше.

— У Агамемнона.

— Боже! — взмолился Парфенон. — И на этот раз проморгали.

Все бросились вон.

Саламура усиленно разгребал цветы. Наконец ему удалось высунуть голову. Зал был пуст. Саламура в отчаянии закрыл лицо руками. Давайте оставим Саламуру наедине со своими мыслями и вернёмся в страну Сноготок. Узнаем, правда ли, что Байя во дворце Ноготка XV, и как она себя там чувствует. Ведь не все одинаково хорошо чувствуют себя в королевском дворце. Некоторым там вовсе не нравится.

Словом, перенесёмся в страну Сноготок и посмотрим, что в ней происходит. Но для этого нам придётся совершить путешествие в прошлое. Ведь после похищения Байи прошло почти два месяца.

Пятнадцатый монумент короля

На улицах и площадях столицы государства Сноготок было установлено четырнадцать монументов. Это они только так назывались монументами, а на самом деле это были причудливо изогнутые и окрашенные в белый цвет печные трубы. Они ни у кого не вызывали восторга, но любой житель страны безошибочно мог узнать в каждой из скульптур Ноготка.

Четырнадцать монументов оказалось недостаточно. Ноготок-то ведь пятнадцатый государь своей страны! Сам король да и все придворные рассуждали так: если Ноготок пятнадцатый государь, почему же в столице всего четырнадцать монументов?

Жители Сноготка отлично знали арифметику и здорово умели вычитать, складывать и вообще считать не только до пятнадцати. Надо заметить и то, что в государстве Сноготок пока ещё не было скульптора и его обязанности временно (до рождения скульптора) исполнял кузнец.

Кузнец слыл работягой. Все лемехи, серпы, молотки, гвозди, все миски, сковородки, ложки, вилки были творением его рук или рук его отца и деда, тоже потомственных кузнецов. Дел у кузнеца было хоть отбавляй, и он очень не любил ковать замысловатые монументы. «Напрасная трата времени, — ворчал кузнец, — лучше сковородок наделать, на них хоть яичницу жарить можно, а от этих фигур какая польза?»

Как видите, кузнец не был большим ценителем искусства, зато он прекрасно владел своим ремеслом. В те дни, когда кузнец «ваял» монументы, от ударов молота по железу стоял такой шум, что не мудрено было оглохнуть. И всё население Сноготка дивилось, как выдерживает нежный слух короля такой грохот.

Правда, Ноготок XV затыкал оба уха ватой, но это нисколько не облегчало его страданий. Придворные благоговейно твердили:

— Только любовь к искусству толкает государя на героический подвиг.

Мне же кажется, что Ноготок XV, как и все самодержцы, просто заботился о своём бессмертии. Мол, потомки, глядя на монументы, будут вспоминать его — великого короля.

Ноготок XV стоял, боясь шелохнуться, на стуле — позировал кузнецу, который ожесточённо бил по раскалённой трубе молотом. В кузницу вбежал, зажав ладонями уши, второй министр и что-то доложил государю. Тот не расслышал. Второй министр принялся кричать. Ноготок XV вынул из одного уха вату, но опять не услышал ничего. Тогда он вынул вату из второго уха и прижал его к самым губам министра. Но мыслимое ли дело услышать что-нибудь в этом шуме. Второй министр приказал кузнецу прекратить работу. Тот отбросил молот, и в кузнице стало тихо.

— Ох, — простонал Ноготок XV, — ничего нет лучше тишины.

— Государь! — торжественно произнёс второй министр. — Ночные разведчики блестяще справились с поручением.

— А какое мы давали им поручение?

— Доставить повелительницу светлячков.

— И что?

— Она уже здесь.

— Где? — Король спрыгнул со стула и почему-то отряхнул брюки. — Вот молодцы!

— Рады стараться, государь. Сейчас она спит в моём дворце, — Принцу сообщили?

— Нет, государь, я решил сначала вам доложить.

— Хвалю. Ты заслужил награду. Сегодня же получишь орден Чайного листа второго сорта.

Этот орден считался высшей наградой государства. Правда, был ещё Чайный лист первого сорта, но им Ноготок XV за все годы награждал только самого себя.

Во всяком случае, второй министр был доволен.

Байя в королевском дворце

В большом зале королевского дворца собрался весь цвет общества. Здесь были его величество Ноготок XV с супругой, Бородавка, разные визири, советники, свита.

Отсутствовали только принц и второй министр. Бутуз спал, а второй министр пошёл за повелительницей светлячков. Первый министр метал взгляды во все стороны, он даже зло покусывал кончики седых усов.

А почему так негодовал Бородавка?

Во-первых, второй министр действовал тайно от него. И добился, надо сказать, немалых успехов. Во-вторых, надежды Бородавки рухнули. Царица светлячков найдена, и теперь принц уже не с Фринтой, а с ней будет играть в салки и жмурки.

Собравшиеся с нетерпением ждали Байю. Наконец в дверях показался второй министр — он вёл за руку растрёпанную девочку в помятом платье из лепестков лютика.

— Боже, как она безобразна, — сказал Бородавка, — и в подмётки не годится моей Фринте!

Кто-то в заднем ряду хихикнул. Первый министр сразу же обернулся, чтобы запомнить насмешника и отомстить ему при случае.

Байя стала посреди зала, испуганно озираясь по сторонам. Казалось, она ищет знакомое или хотя бы сочувствующее лицо. Напрасно. В королевском дворце доброго лица не найти.

— Не верю я, что эта девчонка — красавица из царства светлячков! — громко произнёс Бородавка.

Цвет общества тоже усомнился: такая растрёпа в мятом платье — и невиданная красавица?!

— Спросите у девочки, кто она и из какой страны! — приказал король.

Второй министр подошёл к Байе. Он был уверен, что разведчики привели именно красавицу из страны светлячков, и поэтому спокойно спросил:

— Как тебя звать, девочка?

— Байя.

— Кто ты?

— Я... я пастушка.

— Вот видите, я же говорил! — радостно воскликнул первый министр. — Пастушка не может быть невиданной красавицей.

Цвет общества загудел:

— Она пастушка? И только?

— Да какая же это красавица?

— Ха-ха-ха!

— Хи-хи-хи!

— Хо-хо-хо!

— Пастушка!

— Откройте окна, надо проветрить комнату!

Король поднял усыпанную перстнями руку. Воцарилась тишина.

— Ты по-прежнему настаиваешь, что эта девочка — солнцем не виданная красавица? — сказал Ноготок XV второму министру.

— Да, она из царства светлячков. Скажи, девочка, — обратился второй министр к Байе, — ты видела солнце?

— Нет, не видела.

— А как называется твоя страна?

— Царство светлячков.

— У меня больше нет вопросов. — Второй министр отвесил низкий поклон государю и государыне.

— Пастушка — и вдруг красавица, — не мог уgomониться Бородавка, — да это неслыханно!

Разгорелся ужасный спор. Одни считали: пастушка она или принцесса — это неважно. Если не видела солнца, значит, и правда не виданная солнцем красавица.

Другие держались иного мнения: солнцем не виданной красавицей может быть только дочь короля или, на худой конец, дочь первого министра, считали они. А третьи молча выжидали: мол, кто одержит верх, к тому и примкнут.

Не вмешайся Заусеница, этот обмен мнениями затянулся бы до поздней ночи.

— Скажи, девочка, — обратилась королева к Байе, — а в бадминтон ты играешь?

— Не слышала я о такой игре.

— И в пинг-понг тоже не умеешь?

— Нет.

— Очень печально! — сокрушённо покачала головой Заусеница.

Между прочим, и сама королева не умела играть ни в бадминтон, ни в пинг-понг, но она где-то слышала, что, играя в эти игры, можно похудеть, а Заусеница и во сне и наяву мечтала сбросить жирок, потому и спрашивала об этих играх каждого встречного — уж очень ей хотелось поучиться.

Узнав, что Байя не играет в бадминтон и пинг-понг, государыня потеряла к ней всякий интерес.

— Ваше величество, — обратился к Ноготку XV второй министр, — мы напрасно спорим. Пусть сам принц скажет, та ли это девочка или нет. Ведь только Бутуз знает, кого он видел во сне.

«Боже, как он умён, — подумал король. — Вот кто рождён первым министром. Как жаль, что он молод. Скорее бы состарился, чтобы можно было сделать его первым министром. До чего же медленно ползёт время!»

Предложение второго министра было всеми одобрено. Но как добудиться Бутуза?!

Салки и жмурки

Король и королева направились в спальню принца. Бутуз всё ещё сладко спал.

— Господи, как он похудел, — со слезой в голосе сказала Заусеница.

Все матери одинаковы: стоит ребёнку разок не поесть, и уже сокрушаются — мол, похудел, истощал, кожа да кости. А на самом деле принц вовсе не казался истощённым. Ведь на второй же день после странного сна аппетит вернулся к Бутузу, и он опять уплетал за двоих.

— Бутузик, сынок, проснись, — ласково погладил его по головке король.

Вы, наверное, думаете, что и на этот раз нелегко будет разбудить принца? Ошибаетесь. Бутуз проголодался во сне, и едва над ним заговорили, ему послышалось, что отец говорит: «Сынок, поешь!».

Принц мгновенно открыл заплывшие жиром глаза, затем хлопнул себя по животу и сел на подушку.

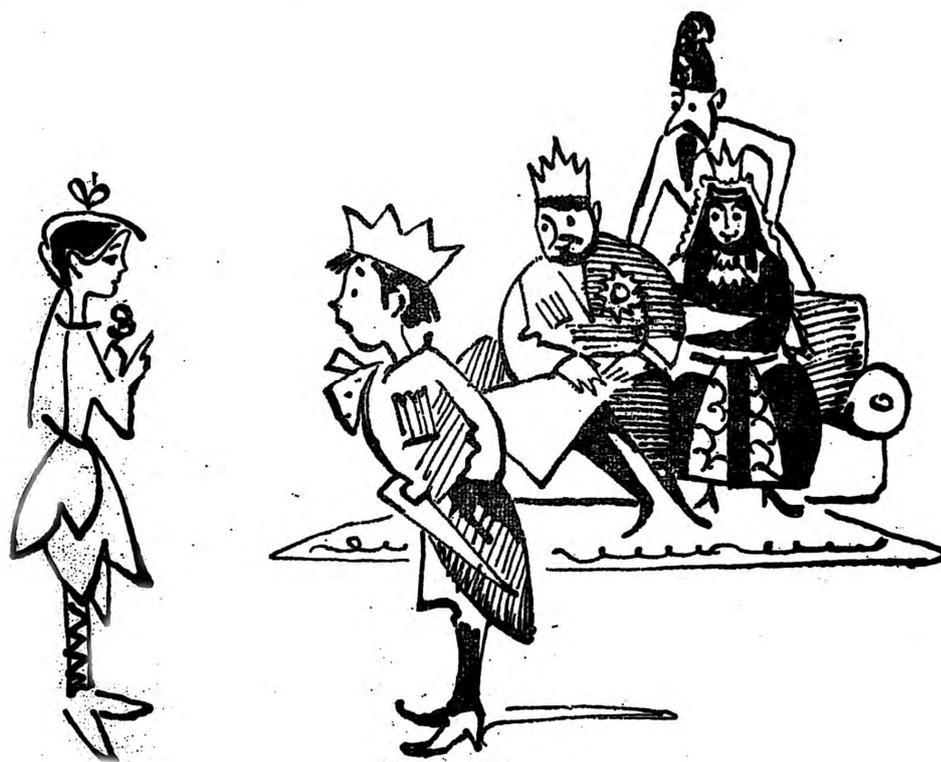
— Где мой завтрак? — спросил он.

— Принц голоден! — всполошился король.

Слуги забегали словно угорелые. И тут же к постели Бутуза подкатился столик с яствами. Принц в один миг разделался с пирогом и опустошил крынку молока.

Заморив червячка, он согласился одеться. Пять служанок наряжали принца.

Наконец король и королева взяли наследника за руки и повели в зал.

Байя стояла на прежнем месте. Придворные ходили вокруг неё, разглядывали, изучали. Но когда вошла королевская семья, все сразу разбежались по своим местам.

— Сынок, скажи, кто эта девочка? — обратился к принцу Ноготок XV.

Принц подошёл к Байе, заглянул ей в лицо и вдруг радостно воскликнул:

— Это она, красавица из царства светлячков!

— Я ведь говорил, ваше величество, — уже не так низко поклонился второй министр.

У Бородавки от зависти нос посинел.

— Где твои светлячки? — спросил Байю принц.

— Часть из них перебили, а часть укрылась в лесу.

— А почему ты одна?

Байя не ответила.

— Хочешь, сыграем в салки? — предложил Бутуз.

— Не хочу.

— Что значит — не хочу, когда принц просит! — возмутились придворные.

— Смотрите-ка на эту выскочку!

— Нахалка!

— Сейчас же играй в салки!

Байя задрожала от страха.

— Я не умею играть в салки, — робко сказала она.

— Это очень лёгкая игра, — ласково взял её за руку второй министр. — Принц побежит, а ты догони его и обязательно дотронься хоть пальчиком.

Бутуз побежал, точнее говоря, затрусил. Его щёки и живот смешно колыхались.

— Как он легко бежит! — льстиво сказал один из придворных и посмотрел на короля; услышал ли государь его слова. Нютоок XV, конечно, услышал и заулыбался. Принц бежал по залу, сопя и задыхаясь, и дразнил девочку.

— Салка, салка, дай колбаски! — кричал он.

А Байя и не думала гнаться за ним. Бутуз остановился.

— Я так не играю, она не ловит.

— Беги за ним, девочка, не стесняйся, — подтолкнул Байю второй министр.

Бутуз снова затрусил по залу.

— Молодчина!

— Какой ловкий!

— Bravo, принц!

— Ай да Бутуз! — слышалось со всех сторон.

Байя наконец побежала за принцем, но очень скоро у неё подогнулись колени, и девочка опустилась на пол. Бутуз пробежал ещё один круг, остановился, вытер рукавом пот с лица и гордо заявил:

— Я победил!

— Не догнала, наш принц победил! — в один голос закричали придворные.

Бутуз подошёл к Байе.

— Вставай, поиграем в жмурки.

— Жмурки! Замечательно! Прекрасно! — одобрил Нютоок XV. — Вот посмеёмся.

— Не могу, — робко отказалась Байя.

— А я хочу! — задрал нос Бутуз.

Второй министр поднял девочку и, завязав ей глаза, объяснил правила игры в жмурки. Байя поняла, что её будут мучить до тех пор, пока она не поймает этого принца. Ей ничего не оставалось, как ловить Бутуза. Принц позвал тонким голосом:

— Ку-ку.

Байя шарила в воздухе слабыми своими ручонками.

— Ку-ку, — позвал принц теперь уже грубым голосом. Придворные покатывались со смеху.

— Ку-ку, — услышала Байя за спиной и, неожиданно резко повернувшись, схватила, как ей показалось, принца за руку. Могла ли бедняжка знать, что это не рука Бутуза, а нос первого министра.

Оказывается, Бородавка вздремнул под общий смех и сейчас, застигнутый врасплох, так тряхнул носом, что девочка не удержалась на ногах. Первый министр расчихался, и все поспешили оставить зал. Шествие возглавили король и королева.

За ними следовал принц. Не помня себя от радости, он приставал к каждому:

— Как я бежал, а? Ведь не догнала!

О Байе уже все забыли.

Отказ футболиста. Секретная камера

Я был неправ, говоря, что Байю забыли все. О ней очень даже помнил первый министр.

Едва разошлись по своим комнатам придворные, Бородавка подхватил девочку и тайком унёс её... Куда?

У Бородавки была в тюрьме одна секретная камера. О ней не знал даже сам государь. Туда-то и решил первый министр заточить Байю — соперницу Фринты по игре с принцем в салки.

Бородавка воровато прокрался через затемнённый сад и семь раз стукнул в железные ворота тюрьмы — это был его условный знак. Ворота ржаво заскрипели, и перед Бородавкой возник начальник стражи — одноглазый Раза.

— Что прикажете, господин министр? — выпалил Раза и так низко поклонился, что чуть не разбил о камни лоб.

Бородавка полностью доверял начальнику стражи, который всегда угодливо смотрел в глаза первому министру и исполнял все его желания. Словом, Раза был верный человек.

Бородавка передал ему Байю и ступил на каменную лестницу. За первым маршем лестницы последовал второй, потом третий. На каждом этаже было несколько камер. В глазок одной из них кто-то крикнул:

— Господин первый министр, освободите меня! Я ведь ни в чём не виноват.

Бородавка заглянул в камеру и спросил Разу:

— Кто это?

— Подножка, футболист.

— Вот оно что. А я его не узнал.

Подножку сейчас не узнал бы и родной отец. Обросший бородой, истощённый, в лохмотьях, он был не похож на себя.

— Ты нанёс мне смертельное оскорбление, — грозно сказал Бородавка, — ударил мячом по носу.

— Я ведь без умысла, господин первый министр, простите.

— Ладно... Только с условием: ты бросишь футбол и станешь в тюрьме надзирателем.

— Этому не бывать! — решительно отказался Подножка.

Первый министр с Разой поднялись на башню. Здесь, на чердаке, и была тайная камера. Бородавка жестом приказал начальнику стражи заточить в неё девочку.

Раза усадил Байю на пол, притащил лестницу, забрался на чердак и долго мучился, шарил ключом, как бы попасть в замочную скважину. Когда Раза бросил наконец Байю в камеру и закрыл за ней дверь, первый министр облегчённо вздохнул: теперь-то её не найти не только разведчикам второго министра, но и самому господу богу!

Проходя мимо камеры футболиста, Бородавка подумал; «Сейчас опять начнёт кланчить прощение и будет согласен на всё, но я его помучаю». Однако Подножка не стал просить у первого министра милости. Это разъярило Бородавку. Он готов был ещё строже наказать футболиста, но в государстве Сноготок самой высшей мерой наказания и было заточение в тюрьме.

И тем не менее первый министр радовался. Шутка ли, он избавился от этой пастушки. Хочет того принц или не хочет, а придётся ему играть с Фринтой.

Бородавка шёл садом и даже что-то напевал себе под нос. Но вдруг замер на месте — в окне Фринты горел огонь. В такую позднюю ночь Фринта никогда не зажигала свет. К тому же и окно было открыто. Первый министр стоял посреди тёмного сада и думал: «Какой ещё сюрприз приготовила мне дочка?».

Ждать пришлось недолго. Фринта подошла к окну, махнула кому-то рукой и что-то бросила вниз. Бородавка понял, что кто-то стоит под окном его дочери. Но кто?

Первый министр отчётливо увидел короткую тень. Бородавка подкрался ближе. Но тень уже удлинилась. Видно, этот кто-то уже нашёл брошенную Фринтой вещь.

«Сейчас уйдёт», — подумал первый министр и хищно приготовился к прыжку. Но... согнувшись, Бородавка не заметил в темноте, что наступил на собственный плащ, — и первый министр оказался на земле.

Тень метнулась в сторону, растворилась во мраке. Первый министр, конечно, встал, но уже было поздно. Негодующий отец ворвался в спальню Фринты, но та притворилась спящей.

— Пусть спит, — решил первый министр, — завтра поговорим!

Похищение Фринты

Представляете себе, что творилось во дворце, когда на следующее утро Бутуз пожелал после сытного завтрака играть в жмурки с повелительницей светлячков.

Все, от мала до велика, бросились искать Байю. Просто с ног сбились, а не нашли. Потом долго думали — где же она вчера осталась?

Первый министр сказался больным и не выходил. Обратились за советом ко второму министру. Тот приложил указательный палец ко лбу — так ему легче было думать — и начал вспоминать.

— Мне кажется, — вышел он наконец из задумчивости, — Байя осталась в зале.

— Но там её нет.

— Как так нет?! Ищите, она где-то прячется.

Исчезновение девочки подняло весь дворец на ноги. Придворные бегали взад и вперёд по лестницам, по комнатам. Стоял такой переполох, словно вспыхнул пожар. Понятно, что вся эта суета была напрасной. Мы-то знаем, где находилась бедняжка!..

Байю не смогли найти ни во дворце, ни в прилегающих к нему флигелях. Это событие глубоко огорчило Бутуза. Он закатил такую истерику, что по сравнению с его рёвом грохот в кузнице показался бы свиристеньем цикад. Придворные заткнули уши пальцами. Только король с королевой сочли такой жест недостойным себя и велели слугам принести им ваты.

Но даже этот рёв принца можно было принять за трели соловья по сравнению с воплем Бородавки. Первый министр бежал вверх по лестнице, чихая и вопя.

— Погибли мы!.. Погибли!

Все подумали, что с Байей стряслась беда.

— Что случилось? Говорите!

— Погибли мы!.. Погибли!

— Скажи наконец, что случилось с Байей? — рассердился король.

— Государь, до Байи ли мне? Похитили Фринту! Моё сокровище, мою красавицу!

— Похитили?! Кто посмел?

— Хиларио Буэра. Этот бездарный писака, этот негодяй!

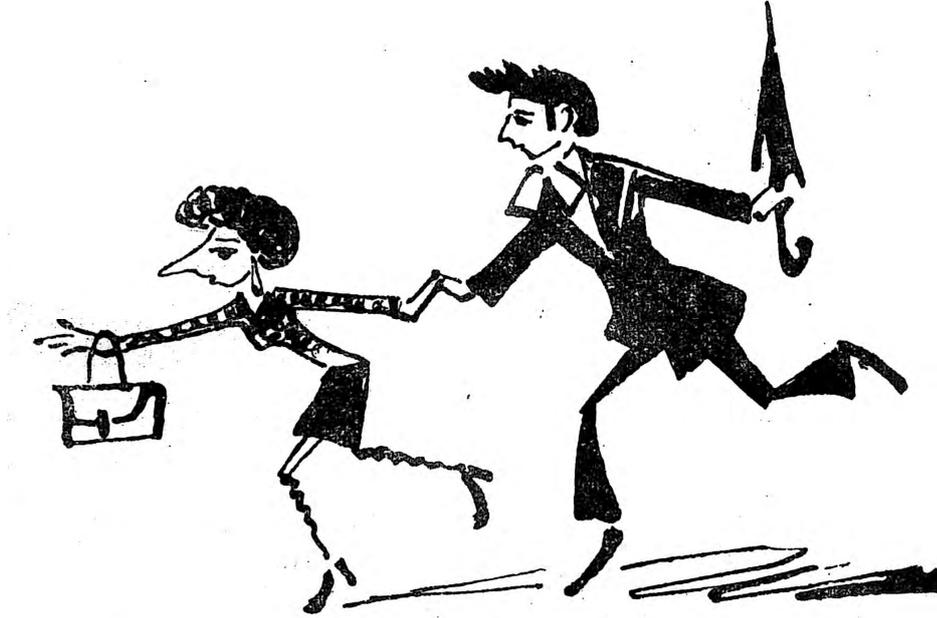
На самом деле Хиларио не похищал Фринту. Правда, она убежала из дому с поэтом, но по своей воле. Хиларио Буэра, как и многие поэты, любил путешествовать. Оказывается, и Фринта питала страсть к перемене мест. Это родство душ придворного стихотворца и дочери первого министра обнаружилось сразу же при их встрече с глазу на глаз.

Бежать! Иного выхода они не видели. Ведь Бородавка не разрешил бы дочери ездить по свету. А ей так хотелось удивить своей красотой весь мир. Накануне побега они обсудили

подробности. А ночью, той самой ночью, когда Бородавка подстерёг чью-то тень, Фринта бросила Буэре записку. Вот что писала дочь первого министра:

«Мой единственный друг Хиларио! Чуть свет я приду к кустам белой акации. Жди. Твоя Фринта...»

Утром они встретились у кустов белой акации, взялись за руки, и вскоре уже были на ветру своей дороги. Куда же гнал их этот ветер? Куда глаза глядят.

Но мы с вами уже знаем, что Фринта и Хиларио Буэра попали в Страну поэтов. В тот самый город, где мы оставили в опустевшем зале Саламуру. Помните, он сидел в цветах, прикрыв лицо руками.

Пожилой поэт учит Саламуру уму-разуму

Из задумчивости Саламуру вывел голос пожилого поэта.

— И долго ты думаешь сидеть в этих цветах?

— Я не могу выбраться, — ответил пастушок. — Шипы царапаются.

Пожилой поэт взобрался на сцену и помог Саламуре. Лицо и руки пастушка были исцарапаны в кровь.

— Я смажу ранки лекарством, немного погорит, но ты потерпи.

Поэт откинул тогу и достал из кармана пузырёк. Вынув пробку, он залил ранки какой-то тёмной жидкостью. Бедный Саламура вскрикнул от боли.

— Подуй, подуй, — научил его пожилой поэт.

Саламура дул что было сил. Рукам стало легче, но лицо всё ещё горело.

— Ты просто молодчина, даже слезинки не проронил, — сказал пожилой поэт. — Когда я смазываю ранки нашим ребятам, они ревмя ревут.

Саламура решил воспользоваться удобным случаем.

— Вы не научите меня, уважаемый господин, как добраться до страны Сноготок?

— Сноготок?! — Пожилой поэт задумался. — Я слышал об этой стране, она где-то на востоке, очень далеко.

— Интересно, сколько дней идти до неё?

— Чего не знаю, того не знаю. Впрочем, сегодня к нам приехал какой-то поэт из этой страны, по имени Хиларио Буэра, спроси у него.

— Спасибо вам. Выходит, мне просто повезло!

— А что ты потерял в этой стране? Зачем тебе туда идти?

Саламура подробно рассказал доброму старику о своих мытарствах и о несчастной судьбе Байи.

— Дело не в судьбе, — возразил пастушку старый поэт. — Ты шёл по ложному пути. Со злом надо бороться, а не избегать его. Ты хочешь освободить Байю?

— Я обещал показать ей восход солнца.

— Тогда слушай меня внимательно. Если ты собираешься, как и прежде, подчиняться судьбе, а точнее, случайностям, вовек не видать тебе Байю. Злая судьба играет тобой, как океан щепкой. Не ты идёшь навстречу Байе, а течение несёт тебя. И совсем не туда. Ты поставь себе цель и не сворачивай с намеченного пути и тогда непременно преодолешь все препятствия. И ещё заруби себе на носу: самая сильная сила на земле — добро.

— Спасибо, господин поэт, за наставления. Я всё запомню.

— Только всегда умеи отличать добро от зла, — продолжал старик.

— Это так просто, — улыбнулся Саламура.

— Просто? Я так не думаю... А теперь ступай.

— До свидания, добрый господин.

— Счастливого тебе пути. Возьми на память обо мне этот пузырёк. Может, и пригодится он тебе в дальней дороге.

— Как, весь пузырёк?

— Бери, бери. У меня этого лекарства много, я готовлю его из полевых цветов.

Саламура ещё раз поблагодарил пожилого поэта и спрятал пузырёк в котомку.

Фринта в салоне красоты

Выйдя из затхлого, накуренного помещения, Саламура почувствовал, как он устал и голоден. Тут же за сквериком пастушок увидел фруктовую лавку. Чего только там не было: сочные персики, сладкий виноград, краснощёкие яблоки, жёлтые груши!

Словом, всё, что душе угодно. У Саламуры слюнки потекли. И чтобы не видеть этих соблазнительных вещей, он даже закрыл глаза. А когда прошёл мимо лавки, подумал:

«Дайка я сыграю на свирели, может, хоть этим заглушу в себе голод».

Не успел Саламура поднести тростниковую дудку к губам, как залился соловей. Птичка сидела на кусте розы и пела о бессмертии красоты.

«Эта песня очень понравится Байе, — решил Саламура. — Надо бы её запомнить».

Пастушок начал повторять за соловьем трели. Он не заметил, как вокруг него собрался народ.

Саламура самозабвенно играл на свирели. А когда оборвалась песня соловья, пастушок заткнул дудку за пояс и хотел идти дальше, по тут раздались аплодисменты. Саламура огляделся — улица была полна народу.

— Сыграй ещё что-нибудь, — просили Саламуру поэты.

— Не могу, — отказался пастушок. — Я только заучивал песню соловья. Мне надо идти.

— А эти деньги кому оставляешь? — удивился лавочник. Пока Саламура играл, благодарные слушатели клали деньги на прилавок — выросла целая горка.

— Деньги? Зачем они мне?

— Как — зачем? Это твой гонорар, — сказал лавочник. Он тоже был поэтом.

— Кстати, не хочешь ли полакомиться фруктами? Смотри, сколько их. Моя лавка лучшая в городе. Бери ешь, можешь и в котомку положить. А деньги возьму я.

Саламура охотно принял предложение. Подкрепившись, он взял про запас несколько яблок и пошёл искать Хиларио Буэру.

Как по-вашему, где сейчас мог быть выдающийся поэт? Не знаете? А вот первый же встречный, которого спросил об этом Саламура, не раздумывая ответил: конечно, у Агамемнона.

Саламура побежал к дому Агамемнона Лобана — наш пастушок ведь уже был там. Вскоре он нажимал на кнопку звонка.

— Тише! Зачем же так долго звонить, — сказал, открывая дверь, Лобан.

— Мне надо видеть Хиларио Буэру, — начал Саламура, но Агамемнон приложил палец к губам: мол, не так громко.

— Великий Буэра занят. Он переводит мои стихи.

— Какая жалость. Я только хотел узнать дорогу в Сноготок.

— Ничем не могу помочь... Впрочем, вы можете спросить об этом и у госпожи Фринты, супруги Хиларио Буэры, — посоветовал Лобан и закрыл перед пастушком дверь.

Саламуре было всё равно, кто укажет ему дорогу — Буэра или Фринта, — и он с нетерпением ждал, когда же выйдет к нему эта самая госпожа. Наконец Саламура вторично позвонил.

— Я же предупредил тебя, что здесь работают, — грозно прорычал Агамемнон, снова открывая дверь.

— Извините, но мне надо видеть госпожу Фринту.

— Боже, сколько раз я должен повторять вам: госпожа Фринта в салоне красоты.

— Вы мне не говорили... Я не расслышал... — извинялся Саламура. — А где находится этот салон?

— Здесь, рядом. Только улицу перейти.

Саламура помчался к салону.

Фринта сидела в приёмной и ждала своей очереди на приём к профессору. Она собиралась делать пластическую операцию. Саламура подошёл к Фринте и учтиво спросил:

— Не будете ли вы любезны объяснить мне, как добраться до страны Сноготок?

— Сноготок моя родина, — оживилась Фринта. — Мой отец там первый министр. Самый первый! Да-да, он первый министр, а я его дочь. Если вы будете в тех краях, непременно повидайте его, расскажите, что встретились со мной, и он вас щедро наградит. Скажите, что я чувствую себя прекрасно, хотя немного и устала. Шутка ли, столько путешествовать! Но я всё же счастлива. Когда вы будете...

— Я не знаю дороги, — потеряв всякое терпение, прервал её болтовню Саламура.

— Ах, вы не знаете дорогу? И я не знаю, — развела руками Фринта. — О, мы с Хиларио повидали такое множество стран, что я даже названия их позабыла. Ах как это интересно! Скажу вам по секрету, я и сама не нашла бы сейчас дорогу в родной Сноготок. Но я ох как довольна путешествием, просто счастлива! Передайте моему отцу, он наш первый министр и примет вас радушно, особенно если вы скажете, что встретили меня... Ах!.. Да, о чём я говорила?..

— О стране Сноготок, — напомнил ей Саламура и, испугавшись нового извержения словоохотливости Фринты, спросил: — А о повелительнице светлячков вы ничего не слыхали?

— Ну как же, как же! Её привели во дворец короля. Ах, я вас сейчас насмешу. Кто-то пустил слух, будто эта девчонка — царица светлячков. На самом же деле она оказалась простой

пастушкой. Вот уж потешились. А знаете, я тоже была повелительницей светлячков, правда, всего одну ночь. И должна вам признаться, ничего в этом приятного не нашла...

Но Саламура уже не слушал Фринту. Он выскочил из салона и рванулся вперёд, словно за ним гнались все охи и ахи Фринты, и пошёл на восток, как сказал ему старый поэт.

Требование освободить футболиста

Чаша терпения болельщиков переполнилась. Первое время жители Сноготка ещё как-то мирились с перебоями в футбольном календаре.

И рассуждали примерно так. Подножка, мол, хоть и без вины, а всё же виноват: сломал стекло и причинил ущерб красе и гордости нашего первого министра — его носу.

Но дни складывались в недели, а стадион всё пустовал. Жители Сноготка зароптали. Уж очень они любили футбол. И конечно же, обожали своего единственного, непревзойдённого мастера кожаного мяча.

Если вы сомневаетесь, прочитайте прошения, составленные мудрым Акти-Лу по просьбе болельщиков. Бородавка не отвечал болельщикам ни на одно из прощений.

В ярости он каждый раз так чихал, что птицы в дворцовом саду, словно спелые плоды, падали с деревьев на землю.

— Таким путём мы ничего не добьёмся, — сказал болельщикам кузнец. — Пробил час решительных действий. Все, кто искренне любит футбол, пойдёте со мной.

— Куда? — спросили истинные почитатели футбола.

— Во дворец. К первому министру! Мы не можем жить без футбола, значит, Бородавка должен освободить Подножку.

— Ура! — закричали болельщики.

— Пошли. Нельзя терять ни минуты! — встал кузнец и хлопнул молотом по наковальне.

Вы, наверное, уже догадались, что тайное собрание заговорщиков происходило в кузнице.

— Не понимаю, какая необходимость идти всем вместе, — сказал Цомизелия, отец прославленного поэта Хиларио Буэры.

Надо сказать, что тестодел при одном только упоминании имени первого министра дрожал, как осиновый лист. Каждый вечер после похищения Буэрой Фринты он прощался с женой и ждал — вот сейчас придут и заберут его в тюрьму.

— Конечно, всем идти не стоит, — поддержал Цомизелия парикмахер.

— Трусы вы! — отрезал кузнец, яростно раздувая мехи. Кузница наполнилась пеплом.

— А футбол смотреть хотите?

— Хотим! — в один голос ответили болельщики.

— Тогда надо идти во дворец.

Болельщики разбежались по кузнице. Одни сделали вид, что стряхивают с одежды пепел, другие притворились кашляющими, третьи усиленно тёрли глаза.

— Один я не пойду, — заявил кузнец. — Это не имеет смысла. Кто болеет за судьбы нашего футбола, пойдёт со мной. Ну, а если струсите, на весь мир растроблю о вашем позорном бегстве.

Между нами говоря, жители Сноготка не отличались храбростью, зато гордости у них было хоть отбавляй. А кузнец не любил шутить. Он и вправду мог покрыть их имена позором. Как-то сам собой у болельщиков прошёл кашель, перестали гореть глаза да и с одежды улетучился пепел. Кузнец вышел на улицу и пошёл, не оглядываясь, назад. А когда оглянулся, то увидел, что болельщики, правда, нехотя, но следовали за ним.

— Выше головы, твёрже шаг, — ободрял их кузнец.

Ряды болельщиков футбола сомкнулись, шаг стал уверенней.

Зуботычина — телохранитель Бородавки

Первый министр беседовал в своём дворце с... С кем же беседовал первый министр? Бьюсь об заклад, ни за что не догадаетесь...

Да с Саламурой, маленьким пастухом божьих коровок! Вы удивлены? А чему тут удивляться? Саламура, как вы помните, шел на восток.

Так он и оказался в столице прекраснейшей страны Сноготовок. Правда, не без помощи своих верных друзей — божьих коровок и светлячков. Днём он выпускал аленьких букашек — они находили ему самую короткую дорогу, ночью светлячков — и те освещали путь. Наконец показались пограничные столбы. От них до столицы было всего несколько часов ходьбы.

И вот наш пастушок сидит в кабинете Бородавки и рассказывает о встрече с Фринтой.

— Значит, ты видел мою дочурку?

На глазах у первого министра показались слезы.

— Она велела передать вам привет.

— Бедняжка, наверное, изменилась, похудела.

— До этой встречи я не знал Фринту, так что мне трудно судить. Но, видно, она всё же похудела — личико у неё крохотное, один нос торчит.

— Кретин, нос — это наша семейная гордость, — обозлился Бородавка.

Саламура смешался, понял, что попал впросак.

— Значит... ты говоришь... Фринта не забыла меня? — продолжал расспрашивать первый министр.

— Она только о вас и говорила. Сказала, что лучше и добрее нет на свете человека.

— Продолжай. Что ещё сказала Фринта?

— Сказала, что вы будете рады слышать о ней.

— А ещё что?

— «У моего отца, говорит, такое доброе сердце...»

— Ты что-то мнёшься, продолжай.

— «...и он наградит тебя...» — выпалил наконец Саламура.

Первый министр, известный всему миру скряга, недовольно нахмурил брови, скосил глаза в сторону несгораемого шкафа и чихнул. У Саламуры сердце упало. Можно было подумать, что кто-то незаметно подкрался к пастушку и выстрелил из ружья у самого его уха.

— Так и сказала... наградит?

— Именно так. Но мне не нужно никакого вознаграждения. Я благодарен судьбе и за то, что нашёл наконец страну Сноготовок.

— А зачем тебе так уж надо было сюда попасть?

— Видите ли... мне сказали, что моя подруга находится у вас.

— Кто она?

— Может, вы слышали о ней, господин министр, и поможете мне...

— Попробую, но кто она?

— Байя, пастушка светлячков.

— Что ты сказал?! — подскочил Бородавка.

У Саламуры от страха пересохло в горле. Он не мог понять, отчего вдруг так подбросило в кресле первого министра.

— Зачем ты ищешь Байю? — угрожающе засопел Бородавка.

— Господин... Байю похитили... А я обещал ей показать восход солнца... Вот и пришёл сюда, чтобы забрать пастушку и вернуть её светлячкам. А там и восход ей покажу...

— Так, так, понятно! Значит, ты решил показать ей восход солнца? — Первый министр криво усмехнулся и вдруг ударил кулаком по столу. — Я... я покажу вам обоим... Не будь этой мерзкой девчонки, моя Фринта стала бы королевой... Боже, до чего я дожил, моя дочка замужем за сыном тестодела! Тьфу! Говоришь, Фринта обещала тебе награду, что ж, ты её получишь. Уж я тебя одарю! Зуботычина! — завопил первый министр.

Дверь распахнулась. В кабинет вкатилось нечто круглое, как арбуз. Это был Зуботычина — личный телохранитель Бородавки. Самый сильный человек в государстве Сноготок. Его боялись все.

— Арестовать! — крикнул первый министр, указывая на Саламуру. — За преступление против государства.

Зуботычина исподлобья взглянул на бедного пастуха, облизнулся, почесал лысую голову и покатился на Саламуру.

Зуботычина избивает болельщиков футбола

Кто знает, как повернулось бы колесо судьбы Саламуры, если бы не шум, неожиданно ворвавшийся в кабинет с улицы. Бородавка и его телохранитель бросились к окну. Сначала первый министр, за ним Зуботычина.

Под окном стояла огромная толпа. Демонстранты что-то выкрикивали. Первый министр закрыл руками уши. Кузнец успокоил возбуждённых болельщиков.

— Достойнейший из министров, — обратился он к Бородавке. — Просвещённейший и мудрейший. Смилуйся и освободи вашего знаменитого футболиста Подножку.

— Нет и нет, — отрезал первый министр.

Толпа вновь загомонила.

— Простите его.

— Умоляем вас.

— Он больше не будет.

— Подножка подлец и упрямец! — крикнул Бородавка. — Я предложил ему место тюремного надзирателя, а он отказался. Ни за что не прошу.

— Вы должны простить его.

— Сжальтесь над нами.

— Без футбола мы и жизни не рады.

— Не уйдём отсюда! Бородавка побагровел:

— На что это похоже, Зуботычина?! Бунт?!

Телохранитель с готовностью уставился на первого министра.

— А ну, разгони этих бунтарей! — приказал Бородавка.

Тучный телохранитель с удивительной лёгкостью побежал по лестнице. Скорее, он не побежал, а покатился. Первый министр захлопнул окно и последовал за ним. А Саламура?

И первый министр, и Зуботычина забыли о нём. Бородавка, надо сказать, в последнее время стал очень забывчивым. Придворные даже посмеивались: мол, у старика склероз и он плохо кончит.

Пастушок открыл створку окна и выглянул на улицу. Болельщики, решив, что это первый министр, зашумели. Вдруг вся толпа попятилась назад. Саламура высунулся в окно. Из парадного подъезда вихрем вылетел на бунтарей Зуботычина.

— Не бойтесь, братья! — крикнул кузнец. — Он один, а нас много.

Личный телохранитель первого министра заработал кулаками. И как! Одним ударом троих сбивал с ног. Многие тут же оказались на земле. Колонна дрогнула, некоторые болельщики показали спины.

— Куда вы, братья! — кричал кузнец.

Телохранитель всё яростней молотил болельщиков кулаками. Первый министр стоял у дверей подъезда и потирал от удовольствия руки. Зуботычина, набывчив голову, врезался в самую гущу толпы. Опьянённый успехом и сознанием, что за ним наблюдает сам первый министр, он уже никого и ничего не видел: размахивал руками во всех направлениях.

Болельщики не выдержали такого натиска и пустились наутёк. Зуботычина замахнулся ещё, но под рукой уже никого не оказалось. Слышно было только, как просвистел кулак. А Зуботычина по инерции упал на мостовую. Саламура чуть не умер от смеха. «Да этот пузырь совсем не умеет боксировать», — подумал он, вспоминая уроки господина Бей-Нежалей.

Спрятавшиеся за деревья болельщики подбежали к телохранителю. Но тот, будто только того и ждал, вскочил, подхватил с десятков храбрецов и бросил их к ногам первого министра.

— Молодчина, так их! — крикнул Бородавка.

«Это уже слишком», — решил Саламура и прикрыл окно.

Первая схватка Саламуры и Зуботычины

Итак, Зуботычина победил. А болельщики, кто с позором бежал, кто поверженный лежал на земле. Только кузнец не покинул поля битвы. Правда, он уже с трудом держался на ногах.

Зуботычина пошёл на кузнеца. Тот увернулся от удара. Бородавка приказал:

— Лови его, не выпускай. Это он взбунтовал народ.

Первый министр и не заметил, как мимо него пронёсся Саламура — пастушок вылетел из подъезда, словно стрела из лука. Зуботычина уже настигал кузнеца, когда Саламура крикнул ему:

— Эй ты, арбуз, иди сюда.

— Это я арбуз? — растерялся телохранитель Бородавки.

— Конечно, ты! Что, испугался, гнилой арбуз?

— Да я тебя раздавлю сейчас, червяк паршивый.

— Не на того напал! — крикнул Саламура и неожиданно ударил толстяка в живот.

— Ой, — икнул Зуботычина.

— Держи его, держи, кузнец от нас не уйдёт, этого держи, — засуетился Бородавка.

— Да я его мигом, — успокоил господина телохранитель.

Но Саламура стремительно нанёс ему ещё один удар в подвздошье.

— Ой, — снова икнул Зуботычина.

— Не стони, — сказал Саламура, — не поможет. Давай драться.

Зуботычина подумал: «Пока эта козявка разглагольствует, нанесу-ка удар». Но Саламура легко увернулся.

Как вы помните, пастушку нелегко дались премудрости бокса, но сейчас уроки эти сослужили ему добрую службу. Зуботычина промахнувшись ещё несколько раз, растерялся. Саламура только этого и ждал. Навязав противнику дальний бой, он всё чаще переходил в атаку и наносил удары то в подбородок, то в переносицу, то в живот.

Личный телохранитель Бородавки уже здорово устал. Он решил действовать осмотрительней. И чем больше старался Зуботычина нанести меткий удар, тем трудней ему было это сделать.

— Что ты тянешь, хлопни его, — приказал телохранителю первый министр.

«Пожалуй, он прав, пора кончать», — решил пастушок и ринулся в ближний бой.

Это был великолепный бокс. Саламура демонстрировал такое мастерство, что любо было смотреть. Он бил Зуботычину то справа, то слева, то в живот. Под конец так измотал противника, что тот опустил руки.

Зуботычина беспомощно озирался вокруг и сопел, как кузнечные мехи. Саламура угостил его последним ударом в солнечное сплетение. Личный телохранитель Бородавки растянулся на мостовой у самых ног своего господина.

— Стража, чего вы разинули рты, хватайте его! — закричал Бородавка, указывая на Саламуру.

Но стражники только переглянулись. Легко сказать «хватайте его»! Ведь этот мальчишка победил самого Зуботычину. Воспользовавшись замешательством, Саламура решил бежать. Тогда несколько стражников погнались за ним, но как-то нехотя — они то ли боялись кулаков Саламуры, то ли восхищались его смелостью и мастерством.

За поворотом стражники остановились, переждали немного и повернули обратно.

Саламура в кругу новых друзей

Пробежав квартал, Саламура увидел толпу. Она явно поджидала его.

«Засада, — мелькнуло в голове у пастушка. Он остановился. — Что же делать, все пути отрезаны!»

На Саламуру надвигалось человек тридцать. Они подошли так близко, что пастушок уже различал их лица. И вдруг он почувствовал такую лёгкость, словно гора с плеч свалилась. Это были те самые болельщики, которых избил телохранитель Бородавки.

И здорово же он их отдубасил — живого места на лицах не оставил. Оказывается, пока Саламура наказывал Зуботычину, болельщики отползли в сторону и уже из-за угла наблюдали за боем. А когда первый министр приказал схватить победителя, они спрятались кто в подъездах, кто за статуями их величеств Ноготков.

Первым к Саламуру подошёл кузнец. Похлопав смельчака по плечу, он громко сказал:

— Молодчина! Ты настоящий герой! Хочешь, будем братьями.

— Да-да, мы тебе братья, можешь рассчитывать на нас! — закричали болельщики, обступая Саламуру.

Каждому из них хотелось сказать своему спасителю что-нибудь приятное. Счастливые и весёлые, они забыли о ранах, о синяках и кровоподтёках. Саламура вспомнил о пузырьке, который подарил ему старый поэт, и развязал свой заплечный мешок.

— Сейчас я буду лечить вас, братья. Это лекарство творит чудеса. Только вы наберитесь терпения — раны от него горят, как от огня.

Саламура осторожно смазывал раны, а пострадавшие прыгали от боли и громко кричали.

— Успокойтесь, — уговаривал их пастушок, — вы лучше подуйте друг другу на раны, и боль как рукой снимет.

Не переставая прыгать — кто на левой ноге, кто на правой, а кто и сразу на обеих, — любители футбола дули друг на друга что было сил. Взгляни сейчас на них кто-нибудь со стороны, непременно решил бы, что жители Сноготка рехнулись.

А Саламура? Давно он не смеялся так от души. Потом захохотал и кузнец. Потом ещё кто-то, ещё... Вскоре смеялись все, кто был на улице. У многих даже слезы на глазах выступили — то ли от смеха, то ли от Саламуриного лекарства. Пойди разберись.

— Повеселились, и хватит, — сказал кузнец. — Пора разойтись по домам. Бородавка не простит нам ни демонстрации, ни позора Зуботычины. Скоро здесь появятся дубинорукие.

В стране Сноготок королевская гвардия была вооружена дубинками — иного оружия у них не было. Поэтому народ и прозвал гвардейцев дубинорукими. При одном упоминании о них болельщики мигом перестали смеяться и разбежались в разные стороны.

На опустевшей улице остались только Саламура и кузнец.

Катакомба

Кузнец повёл Саламуру в кузницу. По дороге пастушок рассказал побратиму о своих злоключениях.

— Ох и настрадался я, — вздохнул Саламура и добавил: — Впрочем, не пройди я школу Бей-Нежалей, одним ударом сразил бы меня Зуботычина.

И кузнец поведал Саламуре о своем житье-бытье. Так, беседуя, они вошли в кузницу. Саламура споткнулся о трубу.

— Что это? — удивился он.

— Незавершённый монумент Ноготка XV, — улыбнулся кузнец и начал складывать в хурджин припасы.

— Куда ты собираешься? — спросил пастушок.

— Нам надо бежать. С минуты на минуту могут нагрянуть дубинорукие, тогда прощай свобода.

— Но на что мне свобода без Байи. Я пришёл сюда не прятаться, а вызволить Байю и показать ей восход солнца.

— И я тебе помогу в этом, — решительно сказал кузнец. — Но пока что нам надо спрятаться. Я знаю одно местечко, мы будем в безопасности да и со столицей не потеряем связь. Пойми, Саламура, если нас арестуют, то мы уже и Байе ничем не сможем помочь.

Слова кузнеца убедили Саламуру. Кузнец сложил в хурджин сыр, хлеб, котелок, нож, две ложки и перекинул его через плечо.

— Пошли! — сказал он.

Закрыв кузницу на ключ, побратимы направились безлюдными улицами к городской окраине. Там кузнец остановился и велел Саламуре немного подождать. А сам, толкнув калитку, скрылся во дворе. Ждать пастушку пришлось недолго. Минуты через две вновь скрипнула калитка.

Кузнец и Саламура пошли к лесу.

— Я попросил Цомизелия, он будет ежедневно сообщать нам городские новости, — сказал кузнец.

— Кто такой Цомизелия?

— Отец известного поэта Хиларио Буэры.

— Хиларио Буэры?! Я беседовал с его женой, госпожой Фринтой. Но самого Буэру не видал, он был занят, переводил стихи Агамемнона Лобана.

И Саламура подробно рассказал кузнецу о Стране поэтов и о встрече с Фринтой.

Вскоре они подошли к реке Пенистой. Вы, надеюсь, помните, что прекраснейшая страна Сноготовок лежала в излучине реки. Кузнец подвёл Саламуру к огромному камню, который валялся между тремя дубами. Он сбросил с плеча хурджин и налёг на эту глыбу.

Под камнем оказался потайной ход. Кузнец объяснил:

— Он ведёт вон на тот остров, видишь, что посреди реки. Никто, кроме Цомизелия, не знает этой катакомбы. Остров сплошь покрыт лесом, там нас не станут искать. Я ещё немного отодвину камень, а ты, Саламура, пойдёшь собери травы и сосновых веток. Ими мы прикроем вход.

Саламура набрал полную охапку веток и травы, а кузнец тем временем отодвинул камень подальше.

— Ты лезь первым, — сказал он Саламуре. Пастушок прыгнул на дно ямы.

Кузнец подал ему хурджин, придвинул к самому краю ямы ветки, спрыгнул и тщательно замаскировал вход.

— Осторожно, здесь очень темно, — предупредил он Саламуру, беря у него хурджин, — можно пораниться о камни.

— Сейчас станет светло, — улыбнулся пастушок и выпустил из коробка светлячков.

Объявление на улицах города

Страна Сноготовок наполнилась слухами.

— Представьте себе, — говорили, озираясь по сторонам, и мужчины и женщины, — какой-то безвестный мальчик так избил телохранителя Бородавки, что тот и по сей день еле стоит на ногах.

— Уму непостижимо!

— Ай да молодец!

— Хоть бы краешком глаза взглянуть на храбреца.

Бородавка принял все меры, чтобы молва не достигла ушей государя. И без того в последнее время репутация первого министра была испорчена, а тут ещё какой-то сморчок избил его хвалёного телохранителя.

Что скажет Ноготок XV? Не дай бог узнать ему о позорном поражении Зуботычины. Но разве заткнёшь людям рты?!

Как-то утром из покоев принца донёсся плач. Король и королева поспешили к сыну. Бутуз заревел ещё громче.

— Хочу видеть драку. Что я, хуже других, что ли? — заливался слезами принц. — Приведите того мальчика, пусть он дерётся с Зуботычиной.

Государь, конечно, не считал своего любимца хуже других. Напротив, он был уверен, что подобного Бутузику мальчика нет на всём белом свете.

Ноготок тут же вызвал к себе Бородавку и приказал подробно обо всём доложить. Первый министр ничего не угаил от повелителя. Он только не сказал Ноготку, что Саламура пришёл к ним в поисках пастушки светлячков, которой обещал показать восход солнца.

Да и к чему такие мелочи — ведь о Байе во дворце уже никто не помнил.

— Где этот мальчик? — спросил король.

— Не знаю, великий государь, он сбежал.

— Ты должен найти его.

— Мне донесли, что он скрывается у этого смутьяна-кузнеца. И тогда по моему повелению дубиноручие стёрли кузницу с лица земли.

— И правильно сделали. Но мальчика ты тем не менее должен найти и привести во дворец. Непременно!

— Я постараюсь... я сделаю всё... исполню ваш приказ, — с поклонами пятясь назад, бормотал Бородавка.

Дни шли за днями, а напасть на след Саламуры никак не удавалось. Принц капризничал и сбрасывал с себя ночью одеяло. Заусеница даже похудела с горя.

Король Ноготок XV в гневе решил снять Бородавку с должности первого министра, но передумал. Причину вы уже знаете: второй министр ещё не успел состариться.

Бородавка прибег к последней уловке. Он приказал расклеить где только возможно — на столбах, заборах, стенах домов — следующее

ОБЪЯВЛЕНИЕ:

У нас в стране находится мальчик, который одолел непобедимого Зуботычину. Наследник великого и мудрого государя — Бутуз желает развлечься и предлагает незнакомцу повторную схватку с Зуботычиной.

Если мальчик победит, наш справедливый король щедро наградит его. Если же потерпит поражение — приз достанется Зуботычине.

В обоих случаях государь обещает исполнить любую (но только одну) просьбу храброго мальчика. В знак особой милости незнакомцу позволено предстать перед светлые очи Ноготка XV.

Ему не грозит никакая опасность. Слово короля — закон!

*От имени и по поручению его величества Ноготка XV
Бородавка.*

В то утро, когда объявление всколыхнуло весь город, Саламура и кузнец сидели себе на берегу реки и ловили рыбу: предусмотрительный кузнец захватил на остров удочки. Рыба клевала на славу, а к полудню Цомизелия принёс обед и новости. Кузнец мигом разжёт костёр и сварил такую уху — пальчики оближешь. За обедом кузнец сказал Цомизелию:

— Значит, разрушили мою кузню?

— Камня на камне не оставили.

Кузнец каждый раз при встрече задавал этот вопрос тестоделу и всякий раз сокрушался.

Цомизелия достал из-за пазухи какую-то бумажку.

— Что это? — поинтересовался кузнец.

— Объявление.

— О чём?

— Прочитай, узнаешь.

Кузнец схватил бумажку и прочитал вслух.

— Куда ни плюнешь, везде это объявление, — засмеялся Цомизелия. — Бородавка весь город ими обклеил.

— Сети расставляют, — задумчиво, словно про себя, сказал кузнец.

— Но ведь здесь сказано, что слово короля — закон, — возразил Саламура.

— Мало ли что там сказано. Бородавка мастер обещать, — сказал Цомизелия.

— Если меня не арестуют, я хоть завтра готов драться с этим арбузом.

— Арестуют. Сначала позабавятся, а затем арестуют, — настаивал на своём кузнец.

— Значит, я должен всю жизнь куковать на этом острове? А Байя? Что с ней будет?!

— Потерпи ещё немного, — успокоил побратима кузнец. — Скоро все забудут о тебе, и мы вернёмся в город. А сейчас тайные агенты рыскают по улицам. Они мигом схватят нас.

Саламура и кузнец проводили Цомизелия до катакомбы.

— Что это за крепость на том берегу? — спросил Саламура. — Тюрьма. В ней томится наш футболист, — вздохнул кузнец.

На страну Сноготовок опустилась тьма. Саламура заиграл песню ночи.

Байя и мерцающие звёздочки

Байя, как вы помните, сидела в одиночной камере на самом верху башни. Днём она спала, а ночью смотрела в окно, забранное густой решёткой.

В тот вечер, когда Саламура и кузнец, проводив Цомизелия, печально смотрели на тюрьму, девочка проснулась рано. Она отпила глоток воды из деревянной кружки и посмотрела на небо.

— Звёздочки, вы мерцаете, как мои светлячки. Родные мои, — заплакала Байя. — Как им живётся без меня?

Девочка вытерла слезы краешком платя из лепестков лютика.

— Звёздочки, красавицы, вы не видели моих светлячков? Звёзды молчали. А может, и не молчали, может, ответили, но на таком расстоянии разве услышишь...

— Звёздочки, милые, скажите Саламуре, что я помню и жду его. Неужели я так и не увижу восхода солнца?

Байя подошла к окну, с мольбой посмотрела на небо. И вдруг... Она услышала знакомую песню ночи.

— Эту песню знает только Саламура! — обрадовалась Байя. — Спасибо вам, звёздочки, вы очень, очень добрые.

Она думала, что это звёзды передали её слова пастушку божьих коровок и принесли ей песню ночи. Кто знает, может, звёзды и кричали Саламуре о Байе, но они были так высоко...

После встречи на опушке леса Саламура каждую ночь играл песню Байи. А в тот вечер он оказался так близко от тюрьмы — их разделяла только река, — что звуки свирели проникли в одиночную камеру.

Байя слушала песню ночи. Она видела себя в лесу, в окружении светлячков, а рядом с ней шёл мальчик в красной рубашке с чёрными крапинками. Он играл её любимую песню.

Вдруг наступила тишина. Такая тишина, от которой сжимается сердце.

— Саламура! — крикнула с испуга Байя. — Саламу-у-ра! Так кричат обычно, заблудившись в лесу.

Её зов упал в тишину, как камень в бездну. И всё же Байя верила, что Саламура услышал её. Ничего, что он не откликнулся, ведь звёзды тоже не ответили ей. Они — звёзды и Саламура — слышали, непременно слышали Байю.

Маленькая узница присела на нары. Звёзды одна за другой исчезали с неба. Начало светать. Байя уснула.

Канатоходец из Магриба

Столица государства Сноготок напоминала развороченный муравейник. Женщины с утра образовали длинные очереди в парикмахерские: одни делали маникюр, другие причёски. А мужчины просто с ног сбились в поисках билетов на представление.

Шутка ли, к ним приехал сам Свирелька — известный акробат из Магриба, который делает сальто на канате и играет при этом на дудке. Жители Сноготка истосковались по зрелищам, и приезд знаменитого канатоходца стал для них настоящим праздником.

Вы, конечно, догадались, что Свирелькой из Магриба был не кто иной, как Саламура. Он просто изменил своё имя: ведь, помните, «саламури» это значит свирель.

Но для чего понадобилась нашему пастушку такая перемена? — спросите вы. Сейчас узнаете.

Когда расклеенные Бородавкой листочки-объявления пожелтели и истрепались, Саламура и кузнец стали делать ночные вылазки. Они пробирались катакомбой в город и ходили вокруг королевского дворца.

Десять ночей ходил Саламура под стенами дворца и каждый раз печальным возвращался на остров. Кузнец забеспокоился. Как же помочь дружку, как найти Байю?

— Эх, будь Подножка на воле, — сказал он как-то Саламуре, — мы упросили бы его сыграть в футбол. Матчи Подножки смотрит весь королевский двор. И если Байя действительно во дворце, то и она прыдёт на футбол. Саламура запрыгал от радости.

— Мы устроим зрелище не хуже футбола, — сказал он, обняв кузнеца. — Я буду ходить по канату, делать сальто и играть на свирели. Надеюсь, твоих соотечественников заинтересует этот цирковой номер.

— Король и королева не упустят случая развлечься. А с ними придёт вся свита. Они будут в ложе, и ты легко увидишь Байю.

Сказано — сделано. В тот же день Цомизелия тайно заказал мастерам пёструю рубашку, шаровары, кепку и матерчатые сапожки. Не хватало только усов.

Кузнец решил так загримировать побратима, чтобы его не узнал Бородавка даже вблизи. Цомизелия обратился за помощью к парикмахеру. Но тот был в дурном настроении и отказался делать искусственные усы.

После полученных от Зуботычины увечий (а парикмахер любил футбол и участвовал в демонстрации протеста против заключения Подножки) он всё время жаловался на упадок сил и низкое кровяное давление.

Цомизелия принялся упрекать парикмахера:

— Чего ты всё хнычешь? Может, думаешь, Зуботычина бил только тебя, а всех нас по головке гладил? У меня вон до сих пор не зажила рана. Но разве я перестал выпекать хлеб?

Эти доводы убедили парикмахера, и вскоре Цомизелия принёс Саламуру роскошные усы.

Цомизелия замесил тесто и приклеил их пастушку к верхней губе. В стране Сноготовок не было никакого клея, даже БФ, поэтому и пришлось прибегнуть к тесту.

В новом наряде, да ещё с усами, Саламуру трудно было узнать. Кузнец всё же спросил тестодела:

— А ты гарантируешь, что усы не упадут?

Цомизелия оскорбился:

— Кто готовил тесто? Я — потомственный тестодел! Будь уверен, оно так приклеило усы, что повисни на них вся столица, и тогда не оторвутся.

К полудню все жители Сноготка были на стадионе. Только королевская ложа ещё пустовала. Наконец пожаловал Ноготок XV в сопровождении семьи и блестящей свиты.

Гвардейцы затрубили в фанфары. На середину футбольного поля выбежал Свирелька и, приветствуя зрителей, поднял руку.

Стадион шумом одобрения откликнулся на этот дружественный жест акробата из Магриба. Свирелька подошёл к королевской ложе, приложил руку к сердцу и поклонился государю. Улыбаясь, он внимательно разглядывал всех в ложе, но Байи в свите Ноготка не оказалось.

— Как он изящен! — вздохнула Заусеница и легонько толкнула локтем Бутуза, который, положив голову на перила, успел уже задремать.

Свирелька поднялся по верёвочной лесенке на столб и ещё раз, как учил его Але-Гоп, приветствовал рукой зрителей. Те ответили ему аплодисментами. Акробат прошёлся по канату, проверил, хорошо ли тот натянут, и заиграл на свирели.

Легко пробежав несколько раз от столба к столбу, он как бы мимоходом сделал сальто. Стадион ахнул.

Свирелька непринуждённо перевернулся в воздухе дважды. Эти трюки так захватили зрителей, что они почти не дышали.

А когда Свирелька сделал тройное сальто, все уже аплодировали ему стоя. Жители Сноготка такого и во сне не видели.

— Сви-рель-ка! Сви-рель-ка!

— Сви-рель-ка! — скандировали они.

Акробат готовился к своему коронному номеру. Он отдохнул у столба и, пройдя на середину каната, заиграл песню ночи.

«Байя узнает свою песню и всё поймёт», — думал он, пригибаясь для прыжка.

Стадион замер в ожидании. Свирелька сделал четверное сальто, продолжая играть на дудке. Зрители потеряли всякое чувство меры. Они прыгали, кричали, бросали шапки в воздух. И шапок этих оказалось так много, что они заслонили солнце.

Получилось так, будто Саламура вызвал затмение. Ни акробат, ни восторженные зрители не заметили одной промашки, которая стала для Саламуры роковой. Исполняя четверное сальто, он потерял усы — они повисли на канате, словно маленький хурджин.

Свирелька спустился по верёвочной лесенке, ещё раз поднял руку и побежал к ложе Ноготка XV. Пастушок всё ещё не терял надежды увидеть Байю. Акробат подошёл к ложе так близко,

что первый министр без особого труда узнал в нём Саламуру. Бородавка незаметно проскользнул к отряду гвардейцев.

Заусеница бросила славному иностранцу букет цветов. Свирелька нагнулся, поднял цветы и вдруг увидел себя в окружении дубиноруких. Гвардейцы мигом скрутили акробату руки. А Бородавка сорвал с его головы кепку.

Зрители онемели от удивления.

— Что здесь происходит?! — рассердился Ноготок XV.

— Великий государь! — крикнул первый министр с футбольного поля. — Этот прощельга обманул нас. Он не акробат из Магриба, а тот самый хулиган, что избил моего телохранителя, — и добавил, уже обращаясь к Саламуре: — Куда ты дел свои усы, самозванец?!

Наш пастушок схватился за верхнюю губу — на ней остались только кусочки теста.

— Вы посмотрите на этого преступника! — горячился первый министр.

— Замечательный мальчик, — вздохнула Заусеница и почему-то вспомнила свою молодость.

— Пусть дерётся с Зуботычиной. Хочу видеть настоящий бокс, — захныкал наследный принц.

— Сегодня? — спросил первый министр.

— Немедленно! А не то я заплачу, — надул щёки Бутуз.

— Пусть боксируют! — приказал Ноготок XV. — Такова воля принца.

Бородавка отвёл Зуботычину в сторону:

— Умоляю тебя, избежь этого подлеца, смой позор кровью.

— Не беспокойтесь, господин, — самоуверенно улыбнулся телохранитель, — я его проучу.

Первый министр приказал гвардейцам покинуть поле, а сам поднялся в королевскую ложу.

Вторая схватка Саламуры и Зуботычины

Футбольное поле превратилось в ринг. Зуботычина нетерпеливо переступал с ноги на ногу, словно делал разминку, и грозно поглядывал на обидчика: мол, сейчас от тебя мокрого места не останется.

А Саламура стоял опустив голову. Ему было не до бокса. Наш пастушок очень устал, делая сальто, к тому же он боялся первого министра. «Если я и на этот раз изобью Зуботычину, — думал он, — то Бородавка непременно бросит меня в темницу».

— Почему они не боксируют? — закапризничал Бутуз.

— Начинайте! — приказал из ложи Бородавка.

Зуботычина, выставив вперёд кулаки, пошёл на Саламуру. Мальчик спокойно наблюдал за противником. Телохранитель первого министра нацелился правой рукой ему в переносицу, но Саламура изящным поворотом увернулся от прямого удара. Зуботычина не поверил своим глазам — неужели промахнулся?

Саламуре пришла в голову забавная мысль: бросить противника в нокаут так, чтобы и пальцем не тронуть, измотать его до потери сознания. Тогда никто и придраться не сумеет: ведь Зуботычина сам упадёт от усталости.

А телохранитель Бородавки всё махал кулаками, не попадая в Саламуру. Симпатии зрителей целиком были на стороне мальчика. На трибунах уже знали, что Свирелька — тот самый храбрец, который заступился за болельщиков, и зрители предвкушали новую потеху. Но постепенно их охватывало волнение: мальчик уклонялся от боя, не наносил Зуботычине ударов. Зрители зашумели, раздались свистки.

Но Саламура не изменял избранной тактики. Больше того, он засунул руки в карманы и просто дразнил Зуботычину, показывал ему язык.

Зуботычина рассвирепел. Не помня себя, он рванулся вперёд и... оказался на земле. Пастушок отошёл в сторону — лежачего, мол, не бьют. На трибунах раздался смех.

Саламура увлёкся этой игрой в кошки-мышки. Он всё ближе подпускал противника — казалось, лицо подставляет для удара, — но в последнее мгновение отскакивал, и Зуботычина грузно падал на землю.

В королевской ложе принц визжал от восторга. Ноготок XV и его супруга были счастливы — наконец-то их сын смеётся!

Только Бородавка сидел с мрачным лицом. Он готов был выбросить на ринг полотенце: дескать, за явным преимуществом Саламуры бой прекращается, но боялся государева гнева.

Зуботычина бессмысленно размахивал кулаками, уже не целясь в противника. Один из таких ударов пришёлся ему же в скулу. Телохранитель первого министра пошатнулся, скосил глаза, понюхал свой кулак и под общий хохот пустился танцевать.

Видели бы вы, как становился он на цыпочки или выделывал затейливые колена. Потом остановился напротив ложи и принялся бить себя по голове.

— Ваше величество, Зуботычина сошёл с ума, — наклонился к Ноготку XV Бородавка.

— Что ж, наденьте на него смирительную рубашку, — рассудил король.

Зуботычина тем временем раскинул руки и, возмнив себя актёром, осторожно ходил по мнимому канату. Затем принялся кувыркаться: мол, делаю сальто. Хохот стоял невообразимый. Зуботычина сел посреди поля и запел во всё горло:

Нет на свете человека

Скупее Бородавки.

Прячет золото в носу,

Словно в тайнике.

— Ложь, подлая ложь! — возмутился первый министр. — Никакого золота я в носу не прячу, это неправда. Вот смотрите!

Он зажал одну ноздрю и шумно выпустил из другой струю воздуха. Потом сделал то же самое, зажав вторую ноздрю.

— Ну, есть у меня в носу золото?

— Арестовать! — приказал Ноготок XV, указывая перстом на телохранителя Бородавки.

Взвод дубиноруких выбежал на поле стадиона. Зуботычина растянулся, сложив на груди руки, словно он умер.

— Немедленно встань и следуй за нами! — приказал командир взвода.

Зуботычина даже не шелохнулся.

— Встать! — крикнул комвзвода. Зуботычина и ухом не повёл.

— Унесите его! — приказал командир дубиноруких.

Гвардейцы схватили Зуботычину кто за руки, кто за ноги. И тут телохранитель Бородавки приподнялся и одним резким движением разбросал дубиноруких по всему полю. Затем погнался за командиром взвода.

Но тот оказался проворнее — сделав круг по беговой дорожке, он скрылся в толпе хохочущих зрителей. Зуботычина остановился и почесал затылок — он не мог вспомнить, за кем гнался и почему.

Пока Зуботычина, углубившись в размышления, чесал затылок, гвардейцы успели оправиться от потрясения. Они подкрались к нему сзади, и двадцать дубинок опустили на голову телохранителя первого министра.

Зуботычина обалдело смотрел вверх, словно удары сыпались на него с неба. Другой давно бы свалился на землю, но у грозного телохранителя голова была крепкая, как орех. В конце концов гвардейцам всё же удалось связать Зуботычину и унести с поля.

Зрители ликовали от удовольствия, и Бородавка был посрамлён. А Бутуз столько смеялся, что под конец даже заикался. Государь с государыней радовались за сына. Считая, что представление окончено, Ноготок XV встал...

Щелчок, который взволновал страну

— Я тоже хочу! — заявил принц.

— Что? Что? — почти в один голос спросили Ноготок и Заусеница.

— Хочу бороться.

— С кем? — удивился тронный владыка.

— С этим. — Бутуз показал пальцем на Саламуру.

Пастушок всё ещё стоял на поле. Он с таким интересом наблюдал за выходками Зуботычины, что забыл об опасности. А когда решил уйти подобра-поздорову, то было поздно. К Саламуре подошли три высших чина и заявили, что с ним желает бороться сам принц.

«Только этого мне не хватало! — расстроился Саламура. — Вот накликать на себя новую беду».

Придворные, как могли, отговаривали принца. Ему ли, наследнику короля, бороться с каким-то мальчишкой. Они заверяли, что, конечно, принцу ничего не стоит уложить самозванца на обе лопатки, ведь Бутуз такой полный! Но зачем ему пачкать руки? А Бородавка сказал:

— В этом проходимце сидит нечистая сила, вы видали, как он околдовал Зуботычину, нашего чемпиона.

Но Бутуз стоял на своём:

— Хочу бороться, и всё!

Зрители, уже начавшие было расходиться, заметив суматоху в королевской ложе, вернулись на свои места. Жители Сноготка, как, впрочем, и многие другие, были очень любопытными людьми.

На поле вышел Бутуз. Король и королева смотрели на своего наследника с любовью и страхом. Они боялись, как бы чужестранец не напустил на принца какую-нибудь хворобу. И в то же время гордились Бутузиком. Он так воинственно и молодцевато приближался к Саламуре, что у родителей выступили на глазах слезы умиления.

Пастушок первый раз в жизни видел так близко настоящего принца и разглядывал его во все глаза.

— Смотрите, он гипнотизирует принца, — сказал Бородавка Ноготку XV.

Но тот отмахнулся от первого министра, как от назойливой мухи. Бутуз так рассматривал Саламуру, словно искал уязвимое место. Он дважды обошёл его, затем вызывающе выпятил грудь и спросил:

— Как тебя зовут?

— Саламура. А тебя?

— Меня?

— Да, тебя.

— Меня... меня... Бутуз.

— Ты на самом деле принц?

— Кто, я?

- Да, ты.
- Я... я... о чём ты спросил?
- Ты уже забыл?
- Забыл. А что?
- Да ничего. Я просто спросил: правда ли, что ты настоящий принц?
- Конечно.
- А почему ты такой толстый?
- Так я же принц.
- Ты, наверное, любишь поспать?
- Я?
- Да, ты.
- А что мне ещё делать. Поем и на боковую, снова поем и опять на боковую. На то я и принц.
- Это ты велел привести во дворец Байю?
- Какую Байю?
- Повелительницу светлячков.
- Да. Я думал, она царица, а оказалось — просто пастушка.
- Где она сейчас?
- Кто?
- Байя, пастушка светлячков.
- Не знаю... Что ты всё спрашиваешь, давай лучше поборемся.
- Сначала скажи мне, где Байя.
- Пропала куда-то.
- Как это — пропала?
- Откуда мне знать. Я принц...
- А что такое щелчок, это ты, надеюсь, знаешь?
- Щелчок?
- Да, щелчок. Не слышал?
- Нет.
- И не получал его по носу?
- Нет.
- Ну, тогда получай.
- Пастушок согнул средний палец, придержал его большим — принц внимательно следил за его странными движениями. Саламура дал ему щелчок по носу.
- Бугуз захныкал:
- Я так не играю... Это нечестно...
- А Байю похищать честно?
- В королевской ложе поднялся невообразимый шум.
- Он дал принцу щелчок!
- Ох, ох, щелчок!
- И кому?

— И куда?

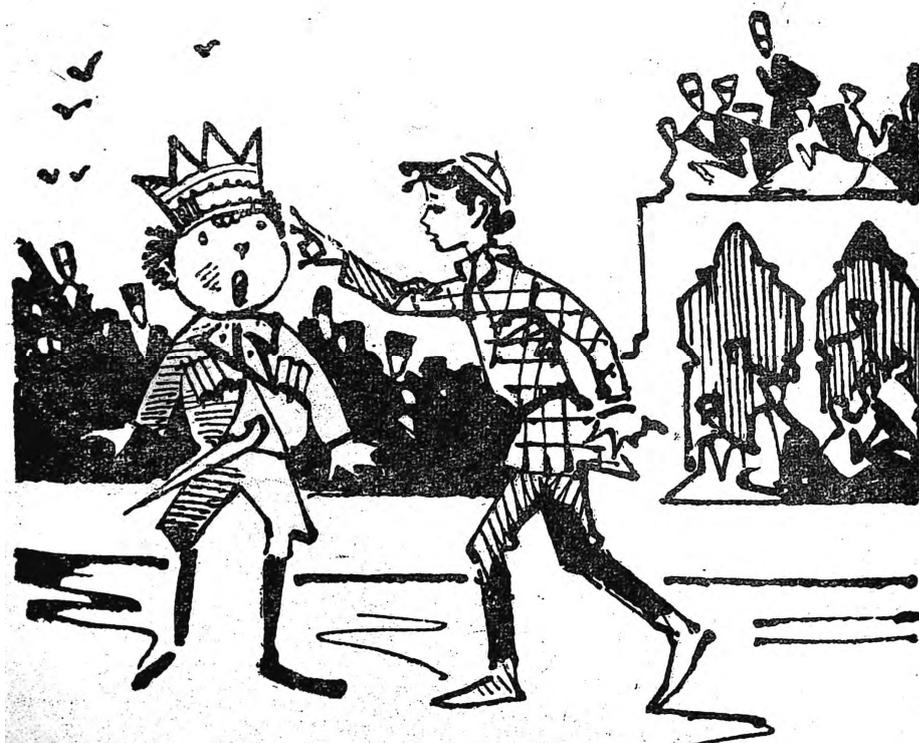
— Негодяй!

— Арестовать!

— Сгноить его в тюрьме!

Заусеница упала в обморок. Король, его величество Ноготок XV, приказал:

— Арестовать наглеца!

Тут же на поле выскочили дубинорукие: не один и не два взвода, а вся гвардия. Оцепив поле, они надвигались на Саламуру. Наш пастушок попал в окружение.

Первый и второй министры взяли принца за руки и повели к ложе. Правда, Бутуз вырывался: мол, я ещё не боролся, но на этот раз министры проявили твёрдость характера.

Кольцо дубиноруких сужалось. Саламура уже слышал их тяжёлое дыхание.

Его вдруг осенило: «Перепрыгну-ка я через этих разинь». Он разбежался и, сделав сальто, перемахнул через ряды гвардейцев.

Дубинорукие почему-то зажмурили глаза и схватились за шлемы.

А пастушок уже бежал к восточной трибуне.

— Ловите его, вяжите! — крикнул генерал и повёл за собой войско.

Толпа зрителей расступилась перед Саламурой, пропустила его и вновь сомкнулась. Гвардейцы потребовали немедленно выдать им преступника. Народ ответил решительным отказом.

Гвардейцы заработали дубинками. Народ возмутился.

— Ребята, постоим за себя! — крикнул кто-то из толпы. — Война так война!

Через несколько минут стадион напоминал поле битвы. Простолюдины, кто вооружившись досками от скамеек, кто просто голыми руками, расправлялись с карателями.

Увидев, что королевская ложа опустела, генерал бросил своё войско на произвол судьбы и побежал вдогонку за вельможами. Правда, он хромал на обе ноги и не мог их догнать, особенно прыткого короля, но все же старался не очень отстать от свиты.

А чего стоит войско без генерала, вы и сами прекрасно знаете. Дубинорукие потерпели жестокое поражение.

Народ ликовал. Саламуру на поднятых руках пронесли через весь город.

В тот вечер духанщики выкатили на улицы бочки с отменным вином. Стоял пир на весь мир.

На острове

Согласно указаниям кузнеца, Цомизелия должен был сразу же по окончании представления доставить Саламуру на остров. Но вызволить героя дня из объятий разгорячённых жителей столицы оказалось делом нелёгким.

Саламуру просто разрывали на части. Всякий старался заманить его к себе и угостить чем-нибудь вкусеньким. А государство Сноготовок славилось на весь мир своими замечательными шашлыками, хачапури и соленьями...

Пастушок обещал почти каждому жителю посетить его дом, но только чуть позже.

— А сегодня он мой гость, — заявил вдруг во всеуслышание Цомизелия. — Саламура ещё на той неделе обещал мне...

Что могли сказать на это жители Сноготка? Они считали себя людьми воспитанными и твердо соблюдали законы гостеприимства.

Цомизелия, как вы знаете, жил на окраине столицы, неподалёку от трёх дубов. Тех самых трёх дубов, под которыми скрывался вход в катакомбу. Так что вскоре тестодел и Саламура уже шли подземным ходом к острову. По дороге Цомизелия вдруг вспомнил, что у акробата отлетели приклеенные его тестом усы.

«Как я посмотрю кузнецу в глаза? — подумал он. — И зачем только хвастался? Но разве угадаешь наперёд, отпадут усы или нет?»

Он даже хотел вернуться в город, но потом решил: будь что будет.

Кузнец встретил своих друзей у самого входа в катакомбу. Видно было, что он изрядно поволновался. Цомизелия тут же принялся рассказывать о приключениях того дня. Он так увлёкся, что забыл упомянуть о потере Саламурой усов.

— Удивительно, — сказал кузнец, — как же они узнали Саламуру, ведь мы так тщательно загримировали его?

— Узнали... — притворился удивлённым не менее кузнеца тестодел.

— Эх, кабы не отклеились усы, — вздохнул пастушок.

— Значит, усы всё же отклеились? — спросил кузнец.

— Да. Иначе меня ни за что не узнали бы, — простодушно ответил Саламура.

Он, конечно, не догадался, почему Цомизелия опустил эту подробность.

— Всё понятно! — Кузнец сердито взглянул на тестодела.

Цомизелия стал красным как рак и виновато молчал.

— Впрочем, — сказал кузнец после недолгой паузы, — нет худа без добра. Дубинорукие потерпели поражение, и это очень хорошо... Народ поверил в свои силы, и мы теперь решительно потребуем немедленного освобождения нашего Подножки.

— Конечно, что за вопрос! — охотно согласился Цомизелия.

Он от радости, что так легко избежал наказания, готов был со всем согласиться.

— Надо ковать железо, пока горячо, — сказал кузнец. — Ступай, Цомизелия, к мудрому Акти-Лу и предупреди его, что под утро я приду к нему за советом. Пусть не спит и ждёт меня.

Тестодел мгновенно удалился. Кузнец попросил Саламуру ещё раз до мельчайших подробностей рассказать о происшествии на стадионе. Пастушок вспоминал, словно разматывал клубок нити.

— Ах ты чертёнок! — восхищался кузнец изобретательностью побратима. — Говоришь, Зуботычина свихнулся... Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха! И этот тюфяк Бутуз вздумал бороться! Представляю, что там творилось, когда ты дал ему щелчок. Ха-ха-ха!..

Звёзды одна за другой зажигались на небе. Кузнец поднялся:

— Ну, я пойду к Акти-Лу. Скоро вернусь.

Саламура остался один на необитаемом острове.

Светлячки находят Байю

Тревожные думы не давали Саламуре покоя. Байя исчезла из дворца. Пропала. Наверное, она воспользовалась случаем и сбежала. Но куда? Где её искать? Вряд ли она могла далеко уйти. Наверное, скрывается где-то в ближнем лесу. Но тогда и найти её не так трудно.

Саламура достал из-за пазухи коробок и сказал светлячкам:

— Вся надежда на вас. Летите на поиски Байи. И если найдёте её в одном из ближних лесов, не мешкая сообщите мне. Вы ведь любите Байю?

— Любим! Очень любим! — зашумели светлячки.

— Мы вернёмся с доброй вестью. Жди нас, Саламура.

— Ну, летите!

Светлячки пунктирами прочертили ночную тьму. Пастушок проводил их взглядом и направился к берегу реки. Он почему-то был уверен, что Байя скрывается в лесу и светлячки обязательно разыщут её.

Но мы-то знаем, где была Байя: в тёмной камере, о которой известно только первому министру и его верному холопу одноглазому Разе. Интересно, найдут ли светлячки Байю?

Байя проснулась с наступлением ночи. Она видела дурной сон и еле подняла тяжёлую, словно налитую свинцом, голову. В окно темницы заглядывали звёзды. Байе хотелось плакать.

— Звёздочки, красавицы, не покидайте меня. Все забыли Байю, даже светлячки. Видно, суждено мне умереть в этой темнице. Светлячки такие маленькие и слабые, они ничем не могут

помочь своей пастушке. А Саламура уже, наверное, и не помнит меня. Ведь мы виделись с ним всего один-единственный раз.

Байя вспомнила тот вечер на опушке леса и залилась горячими слезами.

— Звёздочки, красавицы, передайте Саламуре, что я помню песню ночи. Вы ведь однажды исполнили мою просьбу.

Долго ещё беседовала пастушка со звёздами, умоляя их рассказать Саламуре и светлячкам о несчастной доле их подружки. И вдруг Байя заметила, что звёзды зашевелились.

— Мне, наверное, померещилось, — горько улыбнулась Байя, — пора спать.

Нет, Байе не померещилось, не привиделось. Только это были не звёзды, а её светлячки. Они уже кружились у самой решётки камеры. Пастушка бросилась к окну:

— Родные мои, это вы прилетели ко мне?

— Байя, Байя, мы нашли тебя! — радостно закричали светлячки, садясь ей на руки, на плечи и волосы.

Байя ласкала верных своих друзей, гладила по крылышкам.

— Спасибо вам, золотые мои, спасибо. Неужели мы опять вместе? Дайте, я полюбуюсь вами, ненаглядные мои.

— Байя, Баечка, мы сейчас же полетим к Саламуре, обрадуем его.

— Значит, и Саламура здесь?!

— Здесь, здесь. Мы все вместе искали тебя. Он ждёт нас.

— Спасибо вам, родные! Передайте Саламуре, что я не забыла его. Помню и песню ночи.

От радости светлячки готовы были взлететь на седьмое небо, но они торопились к Саламуре. Байя проводила светлячков до окна. Начиналось утро.

Байя уснула со счастливой улыбкой на губах. Она была счастлива. Пришёл конец её одиночеству!

Лесорубы на острове

Предчувствие не обмануло Саламуру — светлячки нашли Байю. Слушая их сбивчивый рассказ, наш пастушок от радости пустился в пляс. Но когда светлячки описали ему камеру с решётками на окне, Саламура приуныл. Он понял, что освободить Байю будет вовсе не легко.

Кузнец запаздывал. Солнце уже ярко светило, а он всё не возвращался из города. Саламуре не терпелось посоветоваться с другом, который наверняка придумает, как вызволить Байю.

Пастушок с тяжёлым сердцем ждал побратима у выхода из катакомбы. Наконец из-под земли высунулась голова кузнеца. Саламура с первой же взгляда понял — случилось несчастье.

Кузнец повёл Саламуру в глубь леса.

— Какие новости? — спросил наконец пастушок.

— Очень плохие. Вчера вечером дубиноручки забрали по одному человеку из каждого дома.

— Куда забрали? — не понял Саламура.

— В тюрьму. Говорят, все камеры в ней переполнены. Город опустел, жители боятся и нос высунуть на улицу.

— Это я во всём виноват, — горестно вздохнул Саламура. — Сам не пойму, как я дал щелчок принцу. Не случись этого, горожане сейчас мирно спали бы в своих кроватях.

— И где это слыхано, — возмутился кузнец, — чтобы наказывали людей за такое справедливое дело?!

— Байя тоже в тюрьме, — сказал Саламура.

— Откуда ты знаешь? — удивился кузнец.

Пастушок рассказал о том, как всю ночь светлячки искали свою повелительницу в лесах, прибрежных рощах, как услышали её разговор со звёздами, полетели на голос и нашли Байю в темнице.

— Успокойся, Саламура. — Кузнец обнял побратима за плечи. — Скоро все заключённые будут на свободе. Народ полон решимости бороться за своё право смотреть футбол. Мы освободим Подножку, а вместе с ним и всех остальных. Гвардейцы уже однажды потерпели поражение, мы победим их и во второй раз. Сейчас Цомизелия приведёт лесорубов, они напилят для восставших дубинки. Будем бороться с дубиноручками их же оружием.

Саламура восторженными глазами смотрел на кузнеца. Вскоре пришли Цомизелия и шесть лесорубов. Они тут же принялись за работу — запели пилы, затюкали топоры.

Наш пастушок от нечего делать слонялся по острову. Он подошёл к тому месту, где река была поуже и до стены тюрьмы, казалось, можно рукой достать. Арестанты что-то кричали в зарешеченные окна, размахивали кулаками.

Саламура подумал: «Залезу-ка я на дерево, может, увижу в окне Байю». Правда, по двору гусиным шагом маршировали тюремные стражники, но Саламура незаметно для них влез на самую верхушку дерева. Отсюда хорошо были видны все окна, но Байи ни в одном из них не оказалось.

Пастушок забыл, что Байя не могла в это время стоять у окна. Ведь с восходом солнца она засыпала, а просыпалась только вечером. Саламура забыл, но мы-то помним.

«Эх, достать бы верёвку, — подумал мальчик, — привязал бы один конец к дереву, а второй набросил на дымовую трубу. Ходить по канату я, слава богу, умею...»

Пастушок слез с дерева и помчался к кузнецу. Тому пришёлся по душе замысел побратима. А стоявший рядом Цомизелия предложил:

— Хотите, я принесу вам из города целых две верёвки?

— Отлично! — улыбнулся кузнец.

Так и решили. Цомизелия принесёт верёвку, Саламура с наступлением темноты никем не замеченный влезет на дерево, набросит петлю на дымовую трубу, спустится по второй верёвке в камеру и...

Но стоп! Зачем мы опережаем события. Лучше расскажем обо всём по порядку. Торопиться нам некуда.

Итак, Цомизелия пошёл за верёвкой. Вскоре лесорубы закончили свою работу. А тут вернулся и Цомизелия с двумя связками верёвки. Лесорубы во главе с кузнецом унесли дубинки в город. Саламура остался на острове ждать вечера.

Аркан, брошенный с дерева

Едва наступил вечер, пастушок влез на самое высокое дерево у реки. С верхушки ему хорошо был виден тюремный двор — дубиноручки стояли как истуканы, не отходя ни на шаг от своих постов.

Сейчас всё зависело от ловкости Саламуры. Он перемотал верёвку на правую руку, освободил локоть, ещё раз смерил глазами расстояние. Саламура хорошо умел накидывать петлю. Ведь каждый настоящий пастух мастер бросать аркан. А наш Саламура был истинным пастухом. Верёвка со свистом полетела к дымовой трубе. Саламура даже зажмурился — не промахнуться бы.

Опасения Саламуры оказались напрасными. Так ловко даже известные ковбои в американских фильмах не набрасывают лассо. Пастушок затянул петлю, привязал второй конец верёвки к

ветке и ступил на шаткий мостик. Верхушка дерева чуть пригнулась — Саламура напряг мышцы.

Нелегко ходить по верёвке, когда под тобой где-то внизу беснуется река. Дойдя до середины, Саламура остановился — не заметила ли его тюремная стража.

Дубинорукие, как и раньше, стояли навтыжку и смотрели только вперёд. Им было приказано охранять вход в тюрьму, поэтому они не сводили глаз с ворот. А смотреть по сторонам или вверх дубиноруким никто не велел.

Саламура медленно продвигался вперёд, ведь каждый шаг мог стать для него роковым. Но лучше бы он хоть немножко поторопился! Ночь надвигалась так стремительно, что скоро не стало видно и верёвки.

В жизни не испытывал Саламура такого страха. Даже когда первый раз делал четыре сальто. А сейчас... сейчас у пастушка дрожали колени. Он стоял на одном месте, не решаясь идти дальше. Впереди, хищно разинув пасть, подстерегала его пропасть.

Саламура медлил. Однако сколько он мог так стоять? Друзья ждали его сигнала. Восстание должно было начаться, едва Саламура проникнет в тюрьму. А значит, судьба Байи и всех других узников в эти минуты зависела только от него.

Промедление было равно поражению. На чёрном фоне неба угадывались контуры тюрьмы. Саламура даже различал дымовую трубу. Она казалась так близко...

А внизу грозно ревела Пенистая. И тут Саламура вспомнил о Байиных светлячках. Он поспешно достал коробок и выпустил их на волю.

— Дорогие мои, осветите верёвку.

Светлячки с радостью высветили один отрезок верёвки, затем второй, третий...

Саламура уверенно направился вперёд. Наконец он достиг крыши тюрьмы.

Через дымоход в камеру

Дорога была каждая минута. У Саламуры, как назло, страшно разболелись ноги, но об отдыхе и думать не приходилось. Усадив в коробок светлячков, он подошёл к дымовой трубе. Заглянул. Дымоход был темнее ночи.

Пастушок обвязал трубу второй связкой верёвки, туго затянул петлю и начал спускаться вниз. Чтобы вся тяжесть тела не ложилась на руки, Саламура упирался ногами о стенки дымохода — носки лаптков свободно влезали в щели между кирпичами, и он спускался, как по лестнице. Так Саламура оказался в камине.

Удивлению Акти-Лу не было границ: из камина вылез чёрный, словно трубочист, мальчик. Мудрец чуть было не вскрикнул, но сдержался — достойно ли это для мудрого человека? Саламура тоже не ожидал этой встречи, но и он не растерялся.

— Кто вы? — спросил пастушок.

— Я мудрый Акти-Лу.

Саламура никогда не видал Акти-Лу в лицо, но много слышал о его уме и начитанности.

— Вы тот самый Акти-Лу?! Но как вы сюда попали?

— Господи, неужели вам ничего не известно? Так вот, молодой человек, это тюрьма, а я узник!

— Как они посмели арестовать вас, мудрейшего из мудрых?

— Эти варвары не только арестовали меня, они разнесли мою раковину! Хотел бы я знать, чем она им помешала?!

В камере было темно. Луч света, проникающий в «глазок», солнечным зайчиком лежал на полу.

— Эта дверь закрыта? — спросил пастушок.

— Ещё бы! Иначе никакая сила не удержала бы меня в этом клоповнике, — с достоинством ответил Акти-Лу.

Какая нелепость: Саламура спешил освободить узников, и сам вдруг оказался запертым в четырёх стенах!

— Что ж, полезу обратно, — решил пастушок. — Только бы не задохнуться от копоти. Может, и вы со мной?

— Нет уж, на меня не рассчитывайте — слуханное ли дело, мудрому старику лазить по крышам.

— Мы скоро освободим вас, уважаемый Акти-Лу!

— Ох... мальчик! — тяжело вздохнул мудрец. — Твоими бы устами мёд пить.

В коридоре кто-то громко разговаривал, голоса приближались к двери камеры Акти-Лу. Саламура поспешил вернуться в камин. Дверь открылась. Вошли первый министр и начальник тюремной стражи Раза.

— С кем ты разговаривал? — строго спросил Бородавка.

— Я? — деланно удивился Акти-Лу.

— Да, ты!

— Ни с кем! — коротко отрезал Акти-Лу, но при этом покраснел до корней волос.

Ведь он солгал. А мудрый Акти-Лу ещё с детства знал о том, что люди никогда не лгут, особенно мудрые. Но он где-то читал, что ложь бывает двух родов — полезная и вредная. Если ложь приносит пользу и служит добру, она полезная. Поэтому мудрец иногда тоже может солгать. И всё же лицо и уши Акти-Лу горели от стыда.

Но в камере было темно, и Бородавка не заметил, как наш мудрец залился краской. А начальник стражи и подавно не мог этого увидеть — он был одноглазый.

— Как — ни с кем? — продолжал допрос Бородавка. — Я хорошо слышал голоса!

— Извините, но у мудрых старцев бывает такая привычка: иногда разговаривают сами с собой.

— Акти-Лу вновь покраснел.

— Раза, тщательно осмотри камеру! — приказал первый министр.

Начальник стражи произвёл настоящий обыск, он не забыл даже в камин заглянуть своим единственным глазом. Но ничего подозрительного не обнаружил.

— Ого, здесь и камин есть, — насторожился вдруг Бородавка. — Он может сбежать!

— На моём веку такого не случалось! — почему-то улыбнувшись, возразил Раза.

— И всё же немедленно переведи его в другое помещение!

— Но все камеры набиты битком.

— Одна ещё пуста. Меня не проведёшь. — В голосе Бородавки зазвучал металл.

— Мне казалось, она понадобится для...

Бородавка не стал слушать оправданий начальника стражи. Он только сказал:

— Выполняй мой приказ!

В коридоре кто-то громко стучал сапогами. Бородавка вышел из камеры и столкнулся нос к носу со своим личным телохранителем. Я забыл вам сказать, что после позорного поражения Зуботычины первый министр взял себе в телохранители командира взвода дубиноруких.

— Господин первый министр, — рявкнул новый телохранитель Бородавки, — к вам пожаловала госпожа Фринта, ваша дочь.

— Фринта, приехала моя Фринточка! — воскликнул любящий отец и невольно сунул руку в карман.

Первым побуждением Бородавки было вознаградить телохранителя за добрую весть. Однако первый министр тут же одёрнул себя: не он ведь привёз Фринту, так зачем же выбрасывать деньги на ветер.

Бородавка стрелой помчался во дворец — там его ждала Фринта.

Оставим на время Акти-Лу с прячущимся в камине Саламурой и побежим вдогонку за Бородавкой. Уж больно интересно посмотреть, как встретятся после столь долгой разлуки отец и дочь.

Первый министр не узнаёт свою дочь

Бородавке не терпелось увидеть любимую Фринту. «Но если, — думал он на бегу, — она привела с собой этого проходимца Хиларио, я сойду с ума. Разве моей дочери ровня сын какого-то тестодела».

К его счастью, Буэры во дворце не было. Придворный поэт тоже соскучился по своим родителям и пошёл навестить их.

Сопя и отдуваясь, Бородавка взбежал по каменной лестнице, рванул на себя дверь и... замер на месте. В спальне Фринты находилась какая-то другая девушка.

Отец не узнал собственную дочь!

— Папочка! — бросилась на грудь Бородавки Фринта.

— Не подходи, самозванка! Какой я тебе папа?

— Папочка, дорогой, это я, твоя дочь, приглядишься ко мне получше.

Бородавка вперился в незнакомку. Действительно, улыбка очень напоминала Фринту. Да и голос, глаза, волосы... И всё же чего-то не хватало...

— Ох, папа, неужели я так изменилась? — Фринта повернулась к зеркалу. — Да, я и забыла, что сделала операцию. Видишь, как мне к лицу новый нос.

Первый министр схватился обеими руками за голову.

— Фринта, что ты натворила?! Куда делся твой нос — наша фамильная гордость? А бородавка? Даже крохотную, прелестную бородавку не пощадила?! Тьфу!

— Папочка...

— Молчи! Что скажут люди? Как они теперь узнают в тебе мою дочь!

— Подумаешь, люди! Главное, я стала красавицей.

— Это всё проделки Хиларио, бездарного рифмоплёта! Вон отсюда!

— Папа?!

— Чтобы отныне ноги твоей не было в моём доме!

— Но...

— Никаких «но». Одно из двух: или пришей на место свой старый нос, или никогда больше не показывайся мне на глаза.

— Как же я пришью старый нос?

— Если ты смогла укоротить его, можешь и удлинить!

— Это исключено.

— Тогда вон отсюда!

Бородавка захлопнул за собой дверь и чихнул.

Фринта поняла — отец не шутит. Фринта ушла так, что её никто и не заметил. Конечно, кроме личного телохранителя Бородавки. Ему вменялось в обязанность следить за всем, что происходит во дворце, и телохранитель всегда был начеку.

Первый министр метался по кабинету.

— Эта молодёжь потеряла всякое уважение к старшим. Ей ничего не стоит одним ударом разрушить то, что веками создавалось нашими предками. Боже, какого носа лишились мои внуки и правнуки!.. — сокрушался Бородавка.

«Однако эта дурёха может и вправду уйти», — подумал он и рванулся к спальне дочери.

Но было поздно: Фринта уже шла по безлюдной улице к дому великого поэта Хиларио Буэры.

Осмотрев все комнаты, первый министр подскочил к своему телохранителю:

— Ты не видел мою дочь?

— Она прошла минут десять назад.

— И ты её выпустил? Идиот!

— Я не посмел задержать дочь первого министра.

— «Не посмел!» — передразнил его Бородавка. — А доложить ты мог?

— Но я не знал, что...

— Господи, сколько вокруг дураков! — воскликнул первый министр и приказал: — За мной!

Бородавка быстрыми шагами шёл по улице, надеясь догнать Фринту. По пятам за ним следовал личный телохранитель с дубинкой в руке. Он был готов размозжить голову каждому, кто попытается совершить покушение на первого министра.

Миновали одну улицу, другую... Фринты и след простыл. На углу третьей улицы остановились. Чуткий слух Бородавки уловил какой-то шёпот.

— Вернёмся, — сказал первый министр телохранителю, — там слишком темно.

Будь сейчас рядом с ним Зуботычина, Бородавка и не подумал бы возвращаться, а новому телохранителю он доверял не до конца.

— Уже ночь, ничего не видно, — охотно согласился телохранитель.

Они повернули назад. Несколько человек, отделившись от стены, преградили им путь.

Бородавка шарахнулся вправо. Но и там его поджидало человек десять. Все пути для бегства были отрезаны.

— Я первый министр! — крикнул в темноту Бородавка.
— Прекрасно, — ответил кузнец, — именно вы нам и нужны.
— Ни шагу с места — иначе всех накажу! — пригрозил Бородавка.
— Нас не запугаешь. Лучше освободи наших братьев.
— Как вы смеете, да я вас...
— Соль на хвост насыплешь, крикун! — разозлился кузнец. — За что бросил в камеру бедную девочку?
— Какую ещё девочку? — будто не понимал Бородавка.
— Пастушку светлячков.
— Первый раз слышу, — сказал Бородавка, а сам подумал:
«Если Раза выдал нашу тайну, я выколю ему и второй глаз».
— Веди нас в тюрьму, — приказал кузнец. — И смотри у меня...
— Никуда я вас не поведу. Я ищу Фринту.
— О ней не заботься, — спокойно ответил Цомизелия. — Фринта у меня дома, они там с Буэрой воркуют.
— Подлецы, отняли у меня дочь! Фринта могла стать королевой! — завопил первый министр.
— Довольно, пощади свою глотку, — отрезал кузнец. — Пошли, времени у нас мало.
Бородавка нехотя поплёлся в сторону тюрьмы. Изредка он бросал косые взгляды на телохранителя: дескать, оплошал, понадеявшись на него. А сам всё сокрушался, что так не вовремя спятил с ума Зуботычина.

Зуботычина в клетке. Западня

Пока Бородавка в окружении заговорщиков идёт к тюрьме, посмотрим, что делает Саламура. Помните, мы оставили его в камине? Вы, наверное, помните и то, что Раза было приказано перевести мудрого Акти-Лу в другую камеру?

В тот вечер начальник тюрьмы поступил опрометчиво и вскоре пожал горькие плоды. Дело в том, что, переселяя Акти-Лу, он не закрыл камеру: мол, зачем это, там ведь никого нет.

Едва смолкли шаги, Саламура вылез из камина, подошёл к двери и осторожно высунул голову. В коридоре никого не было. Пастушок па цыпочках прошёл немного и вдруг услышал какие-то странные звуки — кто-то пел или выл. Саламура, прижимаясь к стене, крался по коридору. Голос показался ему знакомым, вскоре он узнал и слова песни:

Нет на свете человека
Скупее Бородавки.
Прячет золото в носу,
Словно в тайнике.

«Это же Зуботычина», — удивился Саламура. Пастушок продвигался теперь ещё осторожней. В конце коридора он увидел огромную клетку, в которой сидел, как волк в зоопарке, известный силач Зуботычина.

Видно, от нечего делать бывший телохранитель пел.

— Здравствуй, Зуботычина, — подошёл к клетке Саламура. Зуботычина молча взглянул на пастушка.

— Почему ты в клетке? — спросил Саламура, уверенный в том, что Зуботычина не узнал его.

Бывший телохранитель первого министра ехидно улыбнулся и сказал:

— В камере меня не удержишь, одним ударом кулака разнесу дверь в щепки. А с клеткой мне не справиться, как и с тобой.

— Значит, ты узнал меня?

— Узнал, узнал, даже несмотря на грим. С чего это ты так выкрасился?

— Мы решили освободить всех узников, вот я и выпачкался, пробираясь сюда через дымоход.

— И меня освободите?

— Говорят, ты рехнулся.

— Это когда не одолел тебя, а сейчас я снова в своём уме.

— Что-то не верится.

— А ты испытай — выпусти, и я сделаю всё, что прикажешь. Буду твоим рабом.

— Я не признаю рабства.

— Эх, никто мне не верит.

— Скажи, если тебя освободят, ты опять станешь телохранителем Бородавки?

— Чего? — взревел Зуботычина. — Это он, Бородавка, посадил меня в клетку. Мы ещё встретимся, и я заставлю его проклинать день своего рождения.

— Значит, ты даёшь слово поступать так, как я велю?

— Честное слово! Буду слушаться только тебя.

Саламура научил Зуботычину, как ему поступить. В коридоре раздались шаги. Это вернулся Раза. Усадив Акти-Лу в запасную камеру, он шёл, беззаботно бряцая ключами.

И вдруг увидал чёрного мальчика, разговаривающего с Зуботычиной. Раза не поверил своему единственному глазу.

— Что за чертовщина! — крикнул он. — Откуда ты взялся?

— Я трубочист.

— Трубочист? А что ты делаешь здесь?

— Как — что? Чищу дымоходы.

— Но кому это надо? Печей здесь не топили лет двадцать.

— Поэтому и поручили мне...

— Врёшь! — возмутился Раза. — Кто мог тебе поручить?!

— Вы мне не верите?

— А что у тебя общего с этим полоумным?

— Просто болтаем о том о сём.

— Тебе повезло, освободилась камера, — зло пошутил начальник тюремной стражи. — Посиди, пока выясним твою личность.

— Я лучше здесь постою.

Саламура прижался спиной к клетке. Раза схватил его за грудь, но пастушок уцепился пальцами за прутья.

— Брось артачиться, — приказал Раза и обхватил Саламуру руками.

Зуботычине только этого и надо было. Он мигом высунул правую руку и притянул к себе начальника тюремной стражи. Раза скорчился от боли.

— Ой, больно, отпусти, — заревел он, — отпусти, мальчишка сбежит! — Зуботычина схватил его и второй рукой.

Раза извивался. Потом обмяк, опустился на колени. Саламура снял у него с пояса связку ключей.

— До моего возвращения крепко держи этого негодяя, — сказал Саламура и начал открывать камеры. — Сидите пока на местах, — предупреждал он арестантов. — Сначала я открою все двери и только потом взломаем крепость изнутри.

Покончив с первым этажом, Саламура поднялся на второй. Заключённые обнимали его, целовали.

— Не надо меня благодарить, — сказал пастушок, — главные бои впереди.

А сам подумал: «Вся надежда на третий этаж, там я наверняка найду Байю. Светлячки не могли ошибиться, она здесь, в тюрьме».

Но Байи не оказалось и на третьем этаже. «Что же делать, где её искать?» — недоумевал пастушок. В это время с улицы донёсся шум. Саламура обратился к узникам:

— Следуйте за мной, братья, восстание началось!

Бородавка не сдержал слово. Пастушок в секретной камере

Первый министр и его телохранитель подвели заговорщиков к тюрьме. Дубинорукие, ещё издали заметив надвигающуюся толпу, приготовились к отражению атаки. Однако впереди шёл Бородавка, и гвардейцы дали отбой. Новый командир взвода, до этого он служил начальником штаба, мудро рассудил:

— Не с войной они идут к нам, а с миром. Бородавка заверил кузнеца, что немедленно откроет ворота и выпустит арестантов всех до единого.

— Слово есть слово! — заключил первый министр и приказал телохранителю следовать за ним. Но кузнец решительно воспротивился.

— Ваш телохранитель останется заложником, — сказал он, — идите.

Первый министр бодрой походкой направился к гвардии. Кузнец подумал: «Только напрасно мы мучили бедного Саламуру, вот ведь как легко добились победы!»

Но вероломный Бородавка думал иначе. Он-то не считал войну для себя проигранной. Едва первый министр очутился за спинами дубиноруких, он сразу же крикнул:

— Разгоните этих собак!

Гвардейцы повиновались и кинулись на толпу восставших, и те поняли, что совершили ошибку: нельзя было выпускать Бородавку. Но теперь они могли только кусать себе локти. Гвардейцы, выбросив вперёд руки с дубинками, шли на повстанцев. Тогда кузнец приказал своим соратникам достать дубинки.

— Встретим карателей во всеоружии!

Назревало кровопролитие. В это самое время из тюрьмы хлынули заключённые. Она ударили гвардейцам в спину. Те побросали дубинки, решив, что сопротивляться бессмысленно.

А Саламура побежал назад, в тюрьму, — ведь Байю он так и не нашёл.

Начальник тюремной стражи орал не своим голосом, И чем сильнее он кричал, тем больней сжимал ему руки Зуботычина.

— Где та девочка? — подскочил к Разе Саламура.

— Не знаю... не знаю... — ответил начальник тюремной стражи.

— Сейчас же скажи, где Байя, иначе...

— Ой, больно! — завопил одноглазый.

Видно, Зуботычина пренебрегал методом убеждений, он действовал силой.

— Говори! — приказал он из клетки.

— Не я... не я... запер её... это первый министр. — Раза трепыхался в железных руках бывшего телохранителя Бородавки.

— Ладно, рассказывай! — Зуботычина чуточку расслабил пальцы.

— На башне есть чердак... Дверь в потолке... Лестница валяется там же.

Саламура уже бежал к башне. Нет, он не бежал — летел. Вы не успели бы и глазом моргнуть, как он оказался на третьем этаже. Вот и чердак. Лестница тоже на месте. Остается только ключ подобрать.

Саламура наконец открыл люк и заглянул в секретную камеру. Там было темно.

— Кто это? — спросила Байя испуганным голосом, пастушок от радости потерял дар речи.

— Кто это? — повторила Байя.

— Я, Саламура, — с трудом выговорил пастушок.

— Кто? Саламура? — не поверила Байя.

— Да-да, это я.

— Саламура!

— Байя!

— Хороший ты мой, пришёл?! — Байя поцеловала друга.

Они стояли обнявшись и плакали. Ни Байя, ни Саламура не могли да и не хотели сдерживать слезы радости.

— Байя, где только я тебя не искал! И всё же нашёл.

— Я только о тебе и думала, Саламура. Сердце говорило мне, что ты обязательно придёшь.

— Я ведь обещал тебе показать восход солнца.

— Да я ведь так его и не видала. Кто, кроме тебя, мог показать мне восход?

— Я только вчера узнал, что ты здесь. Светлячки помогли.

— О, мои светлячки! Они очень добрые.

— Очень.

— Недавно я слышала песню ночи. Это ты играл?

— Кто же ещё? Ведь эту песню знаем только ты да я.

— Я так скучала и вдруг слышу песню ночи.

— Да, я играл её на берегу реки. Для тебя, Байя, хотя и не знал, где ты.

— Когда прекратилась песня, я попросила тебя через звездочек сыграть ещё разок.

— Но они мне ничего не сказали.

— Знаю.

— Наступает рассвет. Хочешь, сыграю тебе песню восхода?

— И я увижу восход солнца?!

Кузнец находит Саламуру и Байю

Жители Сноготка праздновали победу. Кузнец приказал устроить факельное шествие.

Победители зажгли факелы.

— Но где Саламура? — спросил кузнец, оглядывая своё войско.

— Действительно, где Саламура? — повторил Цомизелия.

— Саламура исчез! — Повстанцы подняли над головами факелы, чтобы лучше разглядеть площадь.

— Может, он остался в тюрьме? — сказал кто-то из присутствующих.

Кузнец тут же направился в тюрьму. Его сопровождали особо отличившиеся боевые друзья. Уже в приёмной для передач они услышали крик и побежали по коридору. Это Зуботычина всё ещё мучил Разу.

— Отпусти, — сказал ему подошедший кузнец.

— Нет, не отпущу, — ответил Зуботычина.

— Раза уже не страшен. Тюрьма пала.

— Не отпущу, не отпущу! — стоял на своём Зуботычина.

— Он ведь не в своём уме, — шепнул кузнецу Цомизелия. — Может, силой отнимем?

Они потянули одноглазого, но бывший телохранитель так прижал его к прутьям, что Раза взмолился:

— Не трогайте меня, он вырвет мне руки.

— Не отпущу! — рычал Зуботычина в клетке. — Я-то в своём уме, это ты сумасшедший, — бросил он тестоделу.

— Если ты в здравом уме, почему его держишь?

— Саламура так приказал.

— А где Саламура?

— Он наверху, — деловито ответил Зуботычина.

— Да, мальчишка на чердаке, — подтвердил слабым голосом Раза.

Начальник тюремной стражи, казалось, уже едва дышал. А может, и притворялся: дескать, сжалятся и освободят.

— Там секретная камера.

— Как, Саламура арестован? — взревел кузнец.

— Нот, он пошёл за девочкой.

Кузнец и его соратники бегом помчались к башне. Там они увидели деревянную лестницу, и кузнец поднялся на чердак. Саламура с Байей мирно сидели на нарах и беседовали.

— Как долго вы решили оставаться здесь? — пошутил кузнец.

— Я и забыл, что мы в камере, — как бы оправдываясь, сказал Саламура, — пошли, Байя, нас ждут друзья.

Кузнец взял девочку за руку и помог ей спуститься по лестнице. Ожидавшие их на башне повстанцы пришли в восторг от красоты Байи. Они изумлялись выдержке этой хрупкой, нежной девочки — как мужественно перенесла она все невзгоды.

Саламура и его друзья направились к выходу. Кузнец где-то в глубине души сомневался, действительно ли Зуботычина в своём уме. Ему трудно было поверить, что верный телохранитель Бородавки переменился и будет теперь их другом.

— Зуботычина, ты всё ещё держишь Разу? — засмеялся Саламура.

— И не выпущу без твоего приказа.

— Ладно, отпусти.

— Ох! — вздохнул Раза, когда Зуботычина разжал пальцы.

Саламура открыл замок клетки.

— Что ты делаешь? — забеспокоились повстанцы.

— Зуботычина уже не тот, сейчас он наш брат, — ответил Саламура. — Я обещал ему свободу и сдержу слово.

На заросшую щёку Зуботычины упала слеза. Повстанцы отвернулись, не желая смущать силача. Зуботычина улыбался до ушей. Он так потянулся, что кости хрустнули, и сказал:

— Пойду искать Бородавку. Я в долгу перед ним!

— Но ты обещал слушаться, — укорил его Саламура.

— Ну и что? Разве выбить из Бородавки дурь, как из старого ковра пыль, означает непослушание?!

— Лучше займись каким-нибудь делом.

— А избить Бородавку — это не дело?

— Хочешь, иди ко мне в помощники, — предложил кузнец.

— Лучшего не придумаешь, — поддержал его Саламура. — Из тебя выйдет хороший кузнец.

— Я сделаю так, как ты велишь, — согласился Зуботычина и тут же принялся массировать затёкшие руки.

Хоть он и был сильным, всё же слишком долго держал Разу, и пальцы чуть-чуть онемели.

Праздник. Восход солнца

Площадь перед тюрьмой была освещена факелами. Сюда стекался народ со всех концов государства Сноготок. Были тут и король с королевой. Заусеница недовольно хмурилась.

— Эта чернь вытащила меня из кровати, вот к чему привела излишняя либеральность моего мужа, поспать не дают!

— Братья! — обратился к народу с импровизированной трибуны кузнец. — Саламура много дней назад обещал пастушке светлячков показать восход солнца. Но Байю похитили ночные разведчики: лежебоке принцу вздумалось с ней играть. Однако Саламура не отступил перед трудностями, он прошёл долгий путь мучений и вызволил свою подругу. Вот она — сила подлинной дружбы.

— Да здравствует Саламура! — приветствовали героя жители столицы.

— В этот торжественный момент мы должны воздать должное Саламуре. Пробравшись по канату в тюрьму, он освободил граждан Сноготка. И они в самую решающую минуту пришли на помощь восставшим. Иначе нас ждала война не на жизнь, а на смерть. Кто знает, сколько крови пришлось бы пролить. Он, Саламура, отвёл от нас эту опасность кровопролития.

— Да здравствует Саламура!

— Никто не знает, за какие провинности бросили в королевские застенки и терзали там мудрейшего и честнейшего Акти-Лу. Он, наш Акти-Лу, проявил на допросе чудеса стойкости и не выдал скрывавшегося в камине Саламуру.

— Да здравствует Акти-Лу! — гремела площадь.

— Также только по одному подозрению в злом умысле был арестован наш славный футболист Подножка. Коварный Бородавка силой хотел заставить его отречься от футбола и стать тюремным надзирателем. Но Подножка оказался духом сильнее, чем тираны. Не выдержи он пыток, мы навсегда лишились бы удовольствия смотреть настоящий футбол. Ура Подножке!

— Ура-а! — закричали собравшиеся и несколько раз подбросили футболиста в воздух.

— Смотрите, перед вами пастушка светлячков! — Кузнец попросил Байю подняться на трибуну. — Зовут её, как я уже говорил, Байя.

— Красавица!

— Несравненная!

— Писаная! — раздались возгласы со всех сторон.

— Эта девочка должна была развлекать обжору принца, — сказал кузнец. — Её для этого похитили, оторвали от светлячков. Больше того, первый министр запрятал несчастную в камеру. Оказывается, он увидел в ней соперницу Фринты. Однако Байя не потеряла веру в добро. Она знала, Саламура найдёт её и освободит. Так оно и случилось.

— Да здравствует Байя! Да здра-вству-ет Байя! — скандировала площадь.

— Я ничего не знал об этом, — громко произнёс Ноготок XV.

— Хотите всё на меня свалить! — взвизгнул Бородавка.

— Пустите, — растолкал толпу Зуботычина, — разок ударю, а затем буду охранять его тело.

— Спокойно, Зуботычина, — сказал Саламура. Зуботычина, вобрав голову в плечи, отошёл на прежнее место. Кузнец поднял руку, но ему не дали говорить. Вся площадь кричала:

— Долой короля!

— Долой министров!

— Долой королеву!

— Как это? — удивилась Заусеница. — Я рождена королевой и буду ею до конца!

— Моя супруга права, — сказал Ноготок XV. — Да и вообще этот вопрос нельзя решать одним махом.

Кузнец перебил болтливую королю.

— Недавно жители нашей столицы заказали мне печные трубы. Я обещал. Правда, мою кузницу снесли, но я всё же выполню заказ. Все пятнадцать монументов королевской фамилии вполне пригодны для печей. Кому нужны трубы, снимите монументы и несите их домой. Приладить к печи — дело лёгкое. А за качество материала я ручаюсь.

— Это монументы, а не трубы, — заявил Ноготок XV.

— Вам монументы, а нам трубы!

— Это кощунство. Я запрещаю! — распетушился король.

— Ха-ха-ха! — ответила ему толпа.

Близилось утро. Саламура наклонился к Байе.

— Тебе, наверное, хочется спать?

— Нет, что ты!

— Начинается рассвет.

— Вижу.

— Пошли.

— Куда?

— Вон на ту гору.

— Зачем?

— Наблюдать за восходом солнца.

Байя и Саламура, взявшись за руки, пересекли площадь. Жители Сноготка провожали их восхищёнными взглядами. И только Бутуз надул губы:

— Куда он ведёт Байю? Я хочу играть с ней в салки.

— Молчи! — прошипел король.

— Хочу — и всё!

— Нашёл время капризничать, — тайком ущипнула сына Заусеница.

И принц почему-то вдруг замолчал.

Байя и Саламура уже подымались в гору. Народ смотрел на дорогу, по которой шли пастух и пастушка.

Небо на горизонте начало светлеть. Вскоре выглянуло солнце — огромное и огненное.

Саламура заиграл на дудке песню восхода. Солнце окрасило всё вокруг в золотистый цвет.

Байе показалось, что мир наполнился волшебными звуками. Песня Саламуры вплеталась в многоголосый хор птиц: они тоже приветствовали рассвет. Лучи солнца коснулись рук и волос Байи и словно щекотали её. Пастушка улыбнулась.

Видя, что Байя счастлива как никогда, Саламура играл с ещё большим вдохновением.

Жители Сноготка любовались озарёнными солнцем Байей и Саламурой. Они тоже были счастливы.

— Байя впервые видит восход.

— Интересно, как понравилось ей солнце?

— Оно не может не нравиться.

— Мы привыкли к солнцу и часто не замечаем его красоты.

— А Байя видит впервые.

— Ничто не сравнится с первой радостью.

— Счастливая!

Мудрый Акти-Лу тоже любовался Саламурой и его подружкой. Но вскоре ему наскучило умиляться, и он сначала оглядел толпу, потом присмотрелся к королевской чете.

— Уму непостижимо, — заключил он под конец, — откуда взялось это неравенство, ведь все мы карлики.

Акти-Лу махнул рукой и побрёл искать новую раковину улитки — и мудрец должен иметь крышу над головой.

По всем писаным и неписаным правилам на этом и должна кончиться сказка, однако...

Эпилог, или Последняя глава сказки

Остались незначительные мелочи, но я расскажу и о них. С чего начать? Ну хотя бы с того, что проводы Саламуры и Байи были очень торжественными и немножко грустными.

Жители Сноготка наполнили котомку Саламуры золотыми монетами. Откуда они взяли столько червонцев? Из сейфов короля и его министров. Все деньги разделили поровну. И Саламура как почётный гражданин свободной республики получил долю.

Правда, он долго отказывался: мол, я простой пастух и золотые монеты для меня только обуза, не стану таскать на плечах эту тяжесть.

— Ты обязан взять их, — настоял кузнец. — Доля есть доля. Может, они тебе ещё пригодятся, а нет, так выбросишь.

Пастушок не стал больше прекословить друзьям. Он перекинул котомку за плечи, ещё раз тепло попрощался с друзьями, обещал, что вместе с Байей они наведуют их, и, взяв подружку за руку, пошёл своей дорогой.

Жители объявили Сноготок свободной республикой. Главой государства был избран кузнец. Говорят, он правил страной очень хорошо. Из бывшего телохранителя Зуботычины получился замечательный кузнец.

Правда, вначале он переломал все орудия, но потом выковал новые — под стать своим мускулам, и прославился на всю страну.

Нютолок XV оказался непригодным ни к какой работе — все валялось у него из рук. Тогда он начал писать стихи. Глупец, он думал творить стихи легче лёгкого, мол, это может каждый. Нютолок не знал, что хорошие стихи пишут только истинные поэты, люди очень образованные, умные и талантливые.

Первый министр переквалифицировался в гадалки. Морочил головы суеверным и загребал большие деньги. Вот где пригодилась Бородавке волшебная миска. Он подкрадывался к дому того или иного жителя, прикладывал к стене миску и узнавал все заботы и радости семьи. А когда знаешь всё о семейной жизни, то и гадать нетрудно. Простачки даже утверждали, что Бородавка ясновидец.

Хиларио Буэра перевёл на родной язык и издал стихи Агамемнона Лобана. Жители Сноготка имели удовольствие познакомиться с творчеством одного из видных представителей (так было написано в аннотации) Страны поэтов.

Фринта открыла косметический кабинет, назвав его «Салоном красоты». У неё не было отбоя от клиенток. Многие женщины ходили в салон с надеждой стать красивее и моложе. Особенно часто наведывалась туда Заусеница.

Вскоре у Фринты родился ребёнок. Она была очень рада своему первенцу — мальчику, хотя мысленно недоумевала: «Я ведь сделала пластическую операцию, почему же у мальчика такой большой дедовский нос?».

Действительно, бородавка и его внук были похожи как две капли воды. И дедушка страшно гордился тем, что длинный нос внука украшен бородавкой.

Известный футболист Подножка гонял мяч, бегая от одних ворот к другим. Правда, нога у него не выровнялась, и мяч редко гостил в сетке, однако болельщики по-прежнему любили его — трибуны стадиона никогда не пустовали.

Заусеница взялась за вязание. Говорят, её свитера пользовались большим успехом у молодёжи. Они ничем не уступали заморским и были нарасхват.

Бутуз увлёкся спортом. Каждое утро он делал зарядку с водными процедурами и мечтал похудеть. Он задался целью ходить, как Саламура, по канату. Честно говоря, это ему вряд ли могло удалиться, но боксёр из него получился бы. Конечно, в руках хорошего тренера.

Мудрый Акти-Лу поселился в новой раковине. Жители страны, как и прежде, обращались к нему за советами.

— Мудрейший из мудрых, будет ли завтра дождь?

— Если небо затянется тучами, ждите дождя.

Одним словом, жизнь вошла в своё русло.

Но вас, конечно, интересует дальнейшая судьба Саламуры и Байи.

Не стану испытывать вашего терпения. Так вот, Саламура и Байя решили до возвращения по домам навестить пожилого поэта, боксёра Бей-Нежалей, акробата Але-Гопа и почтальона Бегуна.

Пожилой поэт очень обрадовался встрече и похвалил Саламуру за дела героические.

Пастушок в ответ поблагодарил поэта за совет и лекарство: они помогли ему найти Байю. Подумав немного, Саламура добавил:

— Добрый поэт, как нам поступить, чтобы вырасти большими?

— Твой вопрос — скорее желание, — ответил пожилой поэт, — и я с удовольствием научу вас. Слушайте и запоминайте. Дети вырастают большими благодаря знаниям. А знания им дают книги. Вы, наверное, слышали, что дети учатся в школе, переходят из первого класса во второй, из второго — в третий, из третьего — в четвёртый и так далее. Почему же они переходят из класса в класс? Да потому, что растут. А что помогает им расти? Опять-таки книги, знания. И если вы хотите стать большими, то должны учиться и учиться. Вам надо читать книги. Для начала я подарю вам «Родную речь», изучите её, и вы сами увидите, как подрастёте.

Саламура и Байя горячо поблагодарили поэта и направились в Страну боксёров.

Бей-Нежалей, увидев их, даже облизнул губы.

— Ты пришёл, своими ногами пришёл ко мне, мой мальчик?! Небось соскучился по бескорыстному человеку? — старому боксёру не верилось, что привалило такое счастье, и он на всякий случай бросился запереть дверь.

Саламура улыбнулся.

— Не трудитесь зря, господин Бей-Нежалей. Я не останусь у вас ни волей, ни силой. А вот это возьмите себе. — Пастушок раскрыл котомку и отсыпал грудку золота. — Вы ведь только ради денег учили меня боксу, ради них и старого друга избили. Что же, получайте и не смотрите на меня такими глазами.

Действительно, Бей-Нежалей сделал такие глаза, что казалось, они вот-вот вылезут на лоб.

— Берите эти деньги, но у меня к вам просьба, — сказал Саламура. — Всех, кто захочет заниматься боксом, обучайте бесплатно. Договорились?

— Завтра же вывешу объявление, — поспешил заверить старый боксёр. — Кто только пожелает, всех обучу и ни копейки не возьму.

Хромой акробат оказался более злопамятным. Он не только закрыл дверь на ключ, но и обещал Саламуре задать хорошую трёпку.

— Это ты, ты виноват во всём! — кричал он в ярости. — По твоей вине старый разбойник Бей-Нежалей чуть не сломал мне вторую ногу... Впрочем, хорошо, что ты вернулся, и за девочку спасибо. Это не девочка, а чудо. Вы вместе будете ходить по канату и делать четверное сальто. Начнём сегодня же!..

Саламура сказал Але-Гопу почти то же, что и старому боксёру. И тоже отсыпал золота. Увидев такую кучу денег, старый акробат даже слезу пустил. Как ни говори, а Але-Гоп был врождённый артист.

Только почтальон Бегун искренне обрадовался Саламуре. У почтальона было доброе сердце. Помните, как он хотел устроить другу побег? Саламура подарил Бегуну замечательную кожаную сумку. Такой красивой сумки не было ни у одного почтальона во всём городе.

Байя и Саламура вернулись на опушку леса. Но светлячков там не нашли. Оказывается, они разлетелись по всему свету искать Байю.

Если вы увидите светлячков в лесу, или у ручейка, или над кустом, то знайте: они ищут свою пастушку. Но почему же не находят? Потому что Байя выросла, стала большая.

Саламура тоже не встретил на пастбище своих божьих коровок. Аленькие букашки по сей день летают от одного края земли к другому, надеясь где-нибудь встретить своего пастуха. Но ведь Саламура тоже вырос, и они, наверное, просто не узнают его.

Вы спросите про коробок с божьими коровками и светлячками? Куда, мол, девались те букашки? Саламура выпустил их на волю и, поблагодарив за службу, велел лететь на поиски собратьев.

Первого сентября Байя и Саламура пошли в школу. Они, конечно, не забыли взять с собой подарок доброго поэта — «Родную речь».

Через несколько лет Байя и Саламура, воспользовавшись летними каникулами, отправились в страну Сноготок. Но найти её почему-то не смогли. Это и понятно. Чтобы увидеть сказочную страну Сноготок, надо быть такими же крохотными, как и её жители. А Байя и Саламура выросли, ведь они учились, ходили в школу.

Вот и сказке конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Странный сон принца	3
Саламура и ленивые божьи коровки	4
Буря. Встреча на лесной опушке	5
Беседа Саламуры с Байей. Песня ночи.....	7
Вновь страна Сноготок. Поражение известного футболиста	8
Как были уничтожены двадцать три стихотворения, написанные за одну ночь.....	9
Совет в королевском замке. Мудрый Акти-Лу	11
Второй министр выручает обескураженных вельмож.....	12
Коварный замысел Бородавки.....	13
Принц просыпается. В саду лжекрасавица.....	13
Саламура находит божьих коровок. Вновь опушка леса	15
Поиски Байи. Канатный городок.....	16
Чья-то сильная рука хватает Саламуру	19
Але-Гоп — хромой акробат	20
Дрессировка	20
Бегун находит Саламуру.....	22
Письмо старого боксера.....	24
Играющий на свирели акробат. Четверное сальто.....	25
Тухлые яйца. Саламура пытается бежать.....	26
Боксёрский город. Старый боксёр.....	27
Разрыв. Побеждает старый боксёр	29
Уроки бокса. Первые бои	31
Побег	33
Саламура в Стране поэтов	35
Толки.....	37
Беседа на веранде.....	38
Вечер одного стихотворения	39
Пятнадцатый монумент короля	41
Байя в королевском дворце.....	42
Салки и жмурки	43
Отказ футболиста. Секретная камера.....	46
Похищение Фринты.....	47
Пожилой поэт учит Саламуру уму-разуму.....	48
Фринта в салоне красоты.....	49
Требование освободить футболиста.....	51
Зуботычина — телохранитель Бородавки.....	52
Зуботычина избивает болельщиков футбола	53
Первая схватка Саламуры и Зуботычины	54
Саламура в кругу новых друзей	55
Катакомба	56
Объявление на улицах города	57
Байя и мерцающие звёздочки	59
Канатоходец из Магриба	60

Вторая схватка Саламуры и Зуботычины	62
Щелчок, который взволновал страну	64
На острове	67
Светлячки находят Байю	68
Лесорубы на острове	69
Аркан, брошенный с дерева	70
Через дымоход в камеру	71
Первый министр не узнаёт свою дочь	73
Зуботычина в клетке. Западня	75
Бородавка не сдержал слово. Пастушок в секретной камере	77
Кузнец находит Саламуру и Байю	78
Праздник. Восход солнца	80
Эпилог, или Последняя глава сказки	83